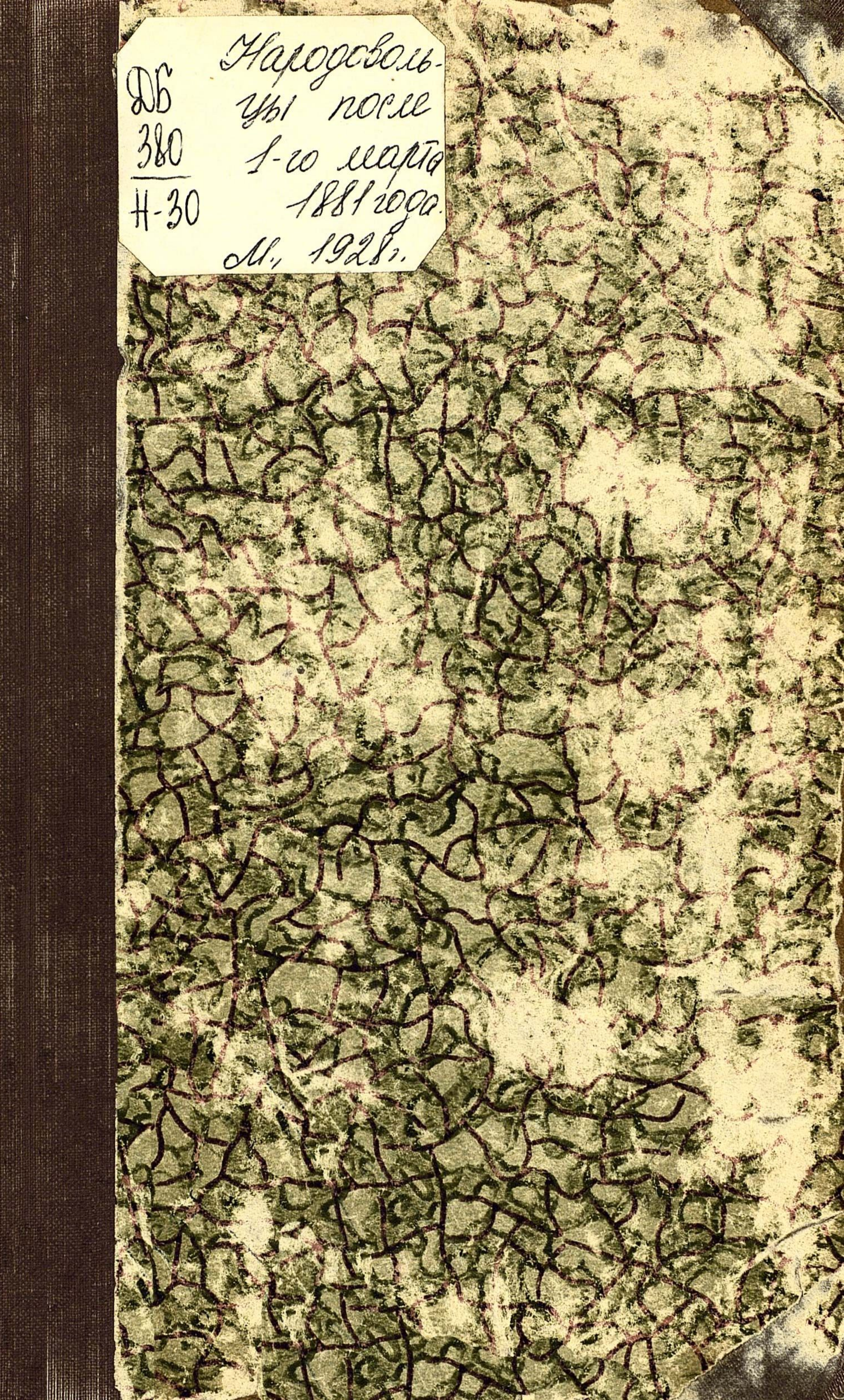
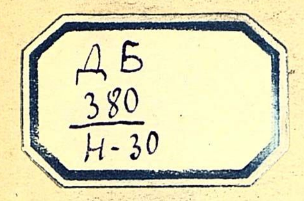

ДБ
380
Н-30
Народовольцы после
1-го марта
1881 года.
М., 1928 г.

ТРУДЫ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ
ПРИ ВСЕСОЮЗНОМ О-ВЕ ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ



НАРОДОВОЛЬЦЫ
ПОСЛЕ 1-го МАРТА 1881 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

МОСКВА — 1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
КАТОРЖАН

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XXII

МОСКВА

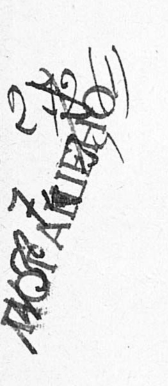
ТРУДЫ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ
ПРИ О-ВЕ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

I

НАРОДОВОЛЬЦЫ
ПОСЛЕ 1-го МАРТА 1881 ГОДА

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ УЧАСТНИКАМИ НАРОДОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
А. В. ЯКИМОВОЙ-ДИКОВСКОЙ, М. Ф. ФРОЛЕНКО, И. И. ПОПОВА, Н. И. РАКИТНИКОВА и В. В. ЛЕОНОВИЧА-АНГАРСКОГО



1928

Москва. Главлит А 3710 3.000 эк

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В 1929 г. исполняется 50-летие возникновения партии «Народной Воли».

«Народная Воля»,—говорит в своей автобиографии В. Н. Фигнер,— ставила своей первой неотложной задачей свержение самодержавия и жестокую борьбу с правительством решила вести наличными силами партии. Это было неслыханное новшество: вся рутина прошлого революционного движения говорила против нас. Заявлять о необходимости завоевания политической свободы считалось до тех пор ересью, опасной для осуществления социальной революции с ее экономическим переворотом. Еще большим отступлением от прежних традиций было не ждать восстания народа, а самим начать битву».

И битва, как это было постановлено на Липецком с'езде 17—21 июня 1879 г., началась не на живот, а на смерть. Все революционное движение XIX века, начиная с декабристов и почти вплоть до «Народной Воли», отличалось отсутствием необходимого активизма и должной решительности,—качеств, которые были особенно характерны для народовольцев.

До революции было невозможно надлежащим образом осветить эту замечательную полосу русского революционного движения, оказавшую глубокое влияние и на последующие годы. Но и после 1917 г., когда стали доступны для изучения архивы Департамента Полиции, жандармского и охранного отделений, когда стало возможным печатать воспоминания, история деятельности «Народной Воли» еще недостаточно разработана.

Правда, период «Народной Воли» до середины 1881 г. и гибели Исполнительного Комитета первого состава более или менее освещен в литературе. Зато менее благоприятно обстоит дело с историей дегаевщины, «Молодой Партии Народной Воли», деятельностью Распорядительной Комиссии Г. А. Лопатина, В. И. Сухомлина, Н. М. Саловой и позднее. Не нужно забывать также, что деятельность «Народной Воли» с 1883 года не была так об'единена, как раньше, почему современники позднейшей эпохи говорят больше о деятельности на местах, чем о революционной работе в общем, во всей России.

В виду этих соображений и в связи с предстоящим 50-летием, кружок народовольцев, организовавшийся при «Обществе полити-

ческих каторжан и ссыльно-поселенцев», насчитывающий до сотни членов, наметил две задачи: 1) издать ряд сборников, посвященных истории «Народной Воли», и 2) составить биографический словарь народовольцев. С этой целью при кружке образованы две редакционные комиссии: одна—для редактирования сборника из А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, В. В. Леоновича-Ангарского, И. И. Попова и Н. И. Ракитникова, и другая—для составления словаря из тех же лиц (кроме А. В. Якимовой), А. В. Гедеоновского, К. М. Терешковича и Е. И. Яковенко.

Настоящий выпуск народовольческого сборника посвящен главным образом времени с половины 1882 и по 1887 г.г.

Все статьи мы располагаем по возможности в хронологическом порядке, что не всегда может быть строго выполнено. Случается, что авторы, пишущие об одном и том же, противоречат друг другу, высказывают мысли и дают освещение, с которыми не всегда согласна редакция; мы не оговариваем этих противоречий, так как статьи сборника, большею частью, имеют мемуарный характер. Только В. Н. Светлова пишет о военных кружках на Кавказе на основании архивного материала, да статья Н. И. Ракитникова представляет собою опыт изображения эволюции воззрений партии «Народная Воля».

В следующих выпусках сборника мы постараемся осветить все последующие моменты жизни «Народной Воли» с самого ее образования, и просим народовольцев и вообще работающих по истории народовольческого движения присылать статьи, воспоминания, биографии и т. п. по адресу: Москва, Лопухинский пер., дом № 5. Общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Для кружка народовольцев.

Н. И. Ракитников.

„Народная Воля“ в русском революционном движении.

«Народная Воля» — самый яркий эпизод в долгой революционной борьбе, подготовившей у нас торжество революции. В то же время она является кульминационным пунктом замечательного десятилетия в этой борьбе—движения семидесятых годов, с которого начинается действительно непрерывная массовая борьба со старым порядком, борьба, в которой сначала преобладает разночинная интеллигенция и учащаяся молодежь и в которую постепенно все более и более втягиваются наиболее развитые и сознательные рабочие и крестьяне.

Действительно до 70-х годов русское революционное движение напоминает наши степные речки, которые то разливаются и дают глубокие омуты, то на большом протяжении совсем почти пересыхают и представляют еле заметный ручеек. Революционная традиция в России не прерывалась, а с сороковых годов приняла определенно социалистическую окраску; но декабристов от шестидесятых годов отделяет целая пустыня николаевского царствования, давшая лишь к концу 40-х годов кружок петрашевцев. Новое оживление начинается лишь в 60-е годы, но и оно в революционном смысле дает несколько разрозненных попыток. И лишь с 70-х годов началась упорная работа по революционизированию масс, то расширявшаяся, то суживавшаяся, но ни на минуту не прекращавшаяся. Менялись клички, названия, менялась программа. Но под разными знаменами и кличками шла непрерывно по существу единая работа—подрывания основ старого порядка во имя социалистического переворота. И «Народная Воля»— одно из звеньев в этой непрерывной цепи.

Каково же отношение «Нар. Воли» к предшествующему и последующему движению? Какое место она занимает и какую роль она играла в истории русского революционного движения?

Первым крупным этапом революционного движения 70-х годов является знаменитое «хождение в народ», увлекшее до 1.000 чел. интеллигентной молодежи.

«Хождение в народ», как всякое массовое движение, захватило очень разнообразные и по взглядам, и по темпераменту группы и кружки тогдашней молодежи. Были среди них и очень мирные по существу группы, поддавшиеся общему увлечению, но потом превратившиеся в культурников. Но не они придавали окраску всему движению, по существу своему глубоко революционному. В массе своей народники 70-х годов вдохновлялись по преимуществу: «бунтари» — учением «апостола всемирного разрушения» М. А. Бакунина, «пропагандисты» или «подготовители»—проповедью П. Л. Лаврова. «Бунтари» считали, что Россия—накануне народного восстания, всеобщего крестьянского бунта; что русский народ, сохранив у себя земельную общину и общинное самоуправление, взгляд на землю, как на народное достояние, и на труд, как единственный источник права, является социалистом по инстинкту; что достаточно разрушить современное государство и смести привилегированные классы, и—здоровые начала народной жизни пышно разовьются в безгосударственных федеративных союзах общин и казачьих кругов. Роль интеллигенции — агитация, призыв к бунту; в смысле организационном — революционная боевая народная организация. Лавристы, признавая вполне и инстинктивно социалистические начала народной жизни и близость революции, находили, однако, и самих себя, и народ не столь уже подготовленными к построению будущего общества, как думали бакунисты, или «бунтари». Они ставили своей задачей выработку «интеллигентного революционного крестьянства», которое и взяло бы в свои руки дело народа, ибо для борьбы с современным государством недостаточен один «элементарный революционный инстинкт» масс, не раз проявлявшийся в народных бунтах и восстаниях, а нужна «выработанная сила социалистической мысли, опирающейся на разностороннее знание». Одни стояли за агитацию, другие — за пропаганду. Но для обеих фракций «вопрос *политический* был подчинен вопросу экономическому». Для обеих фракций ожидающая Россию революция была революция *социальная,* устанавливающая не одно политическое, но и экономическое равенство, уничтожающая всякое деление на классы. Великая французская революция, революция 48 года, Парижская коммуна показывают правильное нарастание в революции «социального» элемента в указанном выше смысле (мы сказали бы теперь «социалистического»). Русская революция явится завершением этого процесса нарастания, она будет революцией социалистической. Обе фракции также были убеждены, что «наша социальная революция должна выйти не из городов, а из сел». Была в 70-е годы и третья фракция— якобинцы, последователи Заичневского и Ткачева; они относились к «хождению в народ» скептически. В рекомендуемой ими тактике политика отодвигала пропаганду социализма на задний план; на первом плане была централистская организация заговора с целью захвата власти. Но их в 1872 и 1874 г.г. почти не было заметно, и не они окрашивали движение этих лет.

«Хождение в народ» потерпело неудачу в том смысле, что ни бунтари, ни пропагандисты крестьянского моря не зажгли и никакого бунта или хотя бы местного движения не вызвали, а были очень скоро перехватаны полицией. В 1876 г. подводятся итоги приобретенному опыту и на место бесформенного, хаотического «хождения в народ» выдвигается более продуманный план работы. Основные положения остались те же. Но для установления связи с народом были признаны необходимыми революционные поселения в крестьянстве, хотя бы в одной местности, и работа в них на почве уже созревших в народе требований «Земли и Воли». Была признана необходимость организации, связывающей эти поселения и обслуживающей их. Так сложилось общество «Земля и Воля», впервые об'единившее часть народнических кружков центральной организацией.

Обычно народническое движение этого периода характеризуется, как крайне утопическое, отрицавшее политическую борьбу. Это нуждается в пояснениях и оговорках. Упрекают народников этого периода, что они в тогдашней безграмотной России, только-что сбросившей с себя крепостные цепи, мечтали насадить социализм. Это не так. Если народники периода «хождения в народ», в виду полной неопределенности и непродуманности своих задач, могут быть названы утопистами в этом смысле, то народники следующего периода (1876—1879 г.г.) проводили уже очень ясное разграничение между задачей момента и принципами социализма, между грядущей народной революцией во имя уже сознанных народом требований и воплощением в общественном строе принципов социализма, которым «закончится, быть может, вековой процесс социального переворота» («Начало», № 1). «Мы убеждены, — говорится в передовой статье № 1 «Земли и Воли»,—что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей... Поэтому основанием всякой историко-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности... Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями *народных* стремлений».

Отсюда и лозунг «Земля и Воля», как неизменная программа всех народных революционных движений в России, отсюда и Пугачев, и Разин, и «казачьи круги», так шокирующие наших постепеновцев. Именно боязнь впасть в утопию, взяться за дело непосильное заставляло наших народников начать как-раз с того пункта, на котором остановились народные восстания, дальше которых они не пошли. Но народники хорошо знали, что на аграрном перевороте дело не остановится, что «революционное движение, начавшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничто-

жения всякого капиталистического производства»... Намечая эти общие черты грядущей революции, народники, однако, совершенно в духе Маркса, отказывались касаться в своей программе «частных форм будущего социалистического строя»: «все это вопросы будущего... Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из этих элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа».

Так обстоит дело с «утопизмом» народников. Но, быть может, было утопией так приближать момент русской революции, неизбежность которой они так остро чувствовали? Было утопией воображать в 70-х годах, что она может разразиться со дня на день? Но какие революционеры не грешили этим? Ведь, только эта ошибка перспективы, быть может, и давала силы нашим предшественникам для того самопожертвования, для того подвига, которых требовали первые шаги революционного движения в обстановке варварского самодержавия, еще не отрешившегося от николаевщины.

Теперь перейдем к «аполитизму» народников. Правда, народники говорили, что «самый факт замены самодержавного правительства конституционным... совершенно безразличен для социалистов», что история всех конституций и республик в мире бесспорно доказывает ту истину, что «они всегда служили орудием в руках буржуазии для угнетения народных масс». Но, ведь, подобные фразы мы слышали и от французских гедистов и от др. социалистов, не раз утверждавших, что все буржуазные партии—и правые, и левые—«одна реакционная масса», что все формы правления—и республика, и монархия—безразличны для народа (или для рабочих). И, однако, никому не приходило в голову считать их аполитичными.

Но оценивая так «конституцию» и отказываясь помогать либералам в борьбе за нее, народники находили тем не менее «политический переворот... весьма желательным». Во-первых, он поставит народ в открыто враждебное отношение к новому «барскому» правительству, уничтожит надежды на всемогущего якобы царя, а добившаяся власти буржуазия не имеет никаких корней в народе и чужда ему духовно. Новое правительство будет слабее старого и не сможет укрепиться. Во-вторых, переворот внесет в государственную жизнь элемент политической свободы и несколько облегчит пропаганду социалистических учений в народе. Втретьих, на ряду с переворотом неизбежно должны возникнуть народные волнения, которыми социалисты должны воспользоваться как для пропаганды, так и для организации народных групп.

Такой ответ об отношении к политической свободе давало «Начало» (1878),—орган не землевольческий, хотя к нему некоторые землевольцы, повидимому, имели отношение. Более ярко и красочно определила свое отношение к нему «З. и В.». Политическая свобода может явиться в России или сверху, или снизу. На первом пути нас ждет

лишь «собачья комедия конституции, с которой мы будем носиться несколько месяцев, и потом снова солдатчина, тюрьма, шпионы, халуйство, холопство, кражи и кражи».

В самом деле: кто у нас станет на страже свобод? Богатая буржуазия? Но в самодержавной земле мошенничать гораздо удобнее. «Душа наших акционерных мошеннических предприятий... не будет именовать себя Эгалитэ (намек на вел. кн. Константина Николаевича), и пивовар Ламанский не будет, подобно Сантерру, плясать карманьолу вместе с петербургскими санкюлотами. Раз на своем веку капитализм проделал эту комедию—и больше не будет».

Но есть путь другой—путь народной революции. «На нем широкая политическая свобода является не главной задачей деятельности; она является, как неизбежный вывод ее, как неустранимый побочный продукт в химико-техническом производстве, как кокс при добыче светильного газа»... Народу нужна земля, его душат подати, душит произвол урядников и становых. Начните с этого конца. «Поставьте на вашем знамени слова: экономическая, поземельная и податная реформа, уничтожение паспортной системы, свобода переселений и передвижений. Бросьте только эти лозунги в массу Сысоек — и вы удивитесь сами их чарующему действию: ваша свобода убеждений, право контроля над властями, личная неприкосновенность станут вне сомнения и вне вопросов». Сысойка, став экономически независимым, «не позволит тронуть себя пальцем... не пойдет умирать под Плевной в день именин батюшки царя... не станет давать взятки главному управлению по делам печати, хотя журналисты его будут печатать свои газеты в сотнях тысяч экземпляров». Вот путь, на котором «З. и В.» хочет бороться за политическую свободу. Вот путь, на который она зовет всех жаждущих ее.

Мы привели эти длинные выдержки из статьи «З. и В.» потому, что развитые здесь взгляды характерны для всего революционного народничества—и предшествовавшего, и последующего—как для «Начала» и «З. и В.», так, в значительной мере, и для «Народной Воли». Народники весьма низко оценивали нашу буржуазию, как политическую силу, и к либералам относились с заслуженным презрением. Кто это либералы?—спрашивала «З. и В.». «Это люди, утверждавшие, что Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г. в честь политических преступников — произведение стариков, выживших из ума, или фортель, выкинутый на «иностранные деньги».—Это защитники свободы, возмущавшиеся тем, что политические преступники не дают себя безнаказанно тиранить жандармам.—Это лица, утверждающие, что поступок Веры Засулич — результат нравственного уродства этой личности.—Это деятели прессы, обещающие правительству, в награду за послабление в цензуре, обратиться в околоточных и сыщиков по политическим делам». Что у этих господ может быть общего с борьбой за политическую свободу? И какова судьба «конституции», если бы даже она явилась у нас, раз у нее такие поборники и защит-

ники? История вполне оправдала оценку народников и нашей буржуазии, и устойчивости нашего либерализма, и судьбы конституции, раз, хотя бы временно, задавлено революционное движение рабочих и крестьян. Цитированный выше автор точно видел перед собою всю историю виттевской и столыпинской конституций, когда писал о «собачьей комедии конституции». Эта оценка была справедлива не только для 70-х годов, но и осталась таковой для гораздо более позднего времени, когда и капитализм у нас поразвился, и буржуазия значительно выросла численно и накопила в своих руках большие богатства. До конца она свободы боялась больше, чем самодержавия, и от ее либерализма пахло охранкой.

Но, ведь, народники были анархисты и уже по одному этому были противниками политической борьбы. Правда, программа «З. и В.» да и «Начала»—программа анархистская; она совершенно отрицает государственность и на место современного государства ставит федерацию автономных общин без всякой центральной власти. В этом не было разногласий у бакунистов не только в своей среде, но и с лавристами, и те стояли за такую же федерацию. Но анархизм тогдашних народников был совсем особого рода, он был скорее настроением, чем доктриной, в нем не было принципиального отрицания государства. В них была глубокая ненависть к современной русской государственной власти и стремление уничтожить ее по возможности без остатка. Значительной части землевольцев никакой борьбы не стоило очень быстро перейти от «З. и В.» к «Нар. Воле», программа которой совершенно не анархична. Споры и борьба были, но вовсе не вокруг «государственности и анархии». Принципиальных анархистов среди революционеров 70-х годов, которые до конца остались бы анархистами, можно по пальцам пересчитать. Споры и борьба были по существу вокруг террористической борьбы: расширять ее, или держать ее в узких рамках самообороны. Но этому вопросу сами народники придали такую форму: вести ли политическую борьбу, или ограничиться экономической? Еще общее в легальной литературе: экономика или политика. И отсюда пошли все толки об «аполитизме» народников.

На самом деле и первые народники эпохи «хождения в народ», мечтавшие одним словом зажечь всероссийский пожар, который сразу очистит русскую землю от всякой скверны, и общество «Земля и Воля» с самого своего возникновения, как мольеровский мещанин во дворянстве, «говорили прозой», не отдавая себе в том ясного отчета, т.-е. вели политическую борьбу и стремились к свержению самодержавия, горячо высказываясь за борьбу экономическую. Землевольцы и начали свое существование с политической демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади. Свою деятельность «З. и В.» отнюдь не замыкала рабочими и крестьянством, она «указывала на необходимость проникать в войска, администрацию, земство, в среду лиц либеральных профессий для привлечения этих элементов к борьбе

с правительством и возбуждения их ко всякого рода протестам и заявлениям неудовольствия на правительственные меры» (В. Н. Фигнер. «Запечатленный Труд», 90). На ряду с упомянутой демонстрацией тут надо указать: стачки на фабриках Шоу и Новой Бумагопрядильне, шествие рабочих к Аничкову дворцу для обращения к наследнику с просьбой стать на защиту рабочих против эксплоатации фабрикантов, требование высшими учебными заведениями Петербурга корпоративных прав, проект студентов медико-хирургической академии подать наследнику петицию о даровании конституции и т. д. Что это, как не политическая борьба, начатая «Землей и Волей» с самого своего возникновения (1876 г.), когда споров об экономике и политике и в помине не было?

Мало того. Тогда же при возникновении «З. и В.» было решено защищать оружием честь и достоинство товарищей и была образована дезорганизаторская группа. И этого мало: было принято, что «никакому восстанию (в крестьянстве) не будет обеспечен успех, если часть революционных сил не будет направлена на борьбу с правительством и на подготовление такого удара *в центре* в момент восстания в провинции, который привел бы государственный механизм в замешательство, в расстройство и тем дал возможность народному движению окрепнуть и разрастись» (там же, 88—89). Самой подготовительной работе в деревне ставилась, между прочим, задача разбить веру в царя путем, хотя бы, организации посылки ходоков от волостей, уездов, целых губерний.

Таков был план, с которым «З. и В.» приступила к работе. Что в этом плане не обошлось без весьма изрядной доли «политики», вряд ли можно сомневаться. Но в этом плане первоначально ударение делалось на организации заселения какой-нибудь области (выбраны были нижнее Поволжье и юго-восток) революционными «общинами», которые и должны были подготовлять крестьянское восстание в ней. «Деревенщики» должны были начинать, дать основную силу восстания, «центр»—помогать ей и в нужный момент поддержать восстание ударом против правительственной власти. Прошло два года— и роли переменились. В столице—кипела борьба и не одна словесная, «а там, в глубине России—там вековая тишина». Опыт показал, что деревня очень нуждается в умных образованных людях, которые помогали бы ей осмысливать и отстаивать свои интересы. Но при существующих политических условиях положение всякого постороннего человека, вмешавшегося в борьбу крестьян с кулаками, помещиками, полицией, попами, сразу становилось невозможным и ему приходилось скрываться, чтобы избежать ареста. И это даже в исключительно благоприятных условиях, когда они находили опору в какихнибудь видных местных общественных деятелях. Естественно, что живые революционные силы тянули в город, а в деревне оставались лица, имевшие вкус к осторожной культурной работе.

Вот при таких-то условиях и закипел спор об «экономической» и «политической» борьбе, об «экономике» и «политике». Термины общие, но содержание-то за ними стояло очень определенное. Импонировала революционная отвага: выстрел В. Засулич в Трепова, убийство Мезенцова, покушение на Александра II. Ловкие и смелые побеги из тюрем. Открытые нападения с оружием в руках на агентов власти. Действовало то возбуждение, которое производили такие акты на общество, то агитационное значение, какое они имели. Люди устали скрываться, прятаться, отсиживать в тюрьмах, без конца принимать удары, бессильно терпеть насилие над товарищами. Явилась потребность выпрямиться, ответить ударом на удар, на насилие ответить прямым нападением. Все такие ярко революционные акты действовали освежающе на молодежь, на все прогрессивное общество, создавали вокруг атмосферу горячего сочувствия. Революционерам казалось, что вокруг них создается, наконец, раскаленная революционная атмосфера. И это увлекало их.

Еще в № 1 «З. и В.» в статье С. М. Кравчинского мы могли читать такие заявления: «Да, действительно, на наших глазах совершается явление поистине необыкновенное, быть может, единственное в истории: горсть смелых людей об'являет войну на смерть всемогущему правительству, со всеми его непомерными силами; она одерживает над ним одну за другою несколько кровавых побед; во многих местах обуздывает дотоле ничем не обузданный произвол и быстрыми шагами идет к победам, еще более блестящим и решительным». С другой стороны, тот же автор делает такие предостережения товарищам: «Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать среди народа... Направив все свои силы на борьбу с правительством, мы, конечно, сильно ускорим его падение. Но тогда, не имея никаких корней в народе, мы будем не в состоянии воспользоваться своей победой. Это будет победа Пирра»... «Конституционная свобода, как бы жалка она ни была, им-то (привилегированным сословиям) во всяком случае даст возможность сорганизоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов».

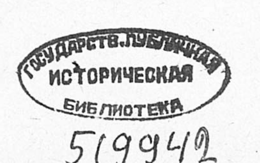
Так увлечения террором и предубеждения против него уживались вначале у одних и тех же авторов. Но к концу короткой жизни этого журнала они уже разделились. Если официальная точка зрения «З. и В.» находила отражение в журнале, то террористические увлечения или увлечения «политической борьбой» нашли себе место в «Листках» «З. и В.». Причина ясна: тяготение в сторону «политики» стало чересчур сильным и показалось опасным тем, кто стоял на старой точке зрения.

В последних словах, приведенных мною выше из статьи Кравчинского, критики революционного народничества вычитали, будто бы народники чуть ли не боялись конституции, чуть ли не предпочитали ей самодержавие. Весь контекст не допускает такого перетолкования. Кравчинский боится, как бы из-за террора социалисты не забыли своего прямого дела: пропаганды, агитации и организации народных масс для классовой борьбы с дворянством и буржуазией, для социальной революции; как бы в решительный момент дезорганизации правительства социалисты не оказались офицерами без армии. Тогда политический переворот, быть может, и произойдет, но рабочий народ от него не получит ничего. Но скоро нашлись люди, которые не испугались этого, потому что видели, что начатая еще под знаменем «З. и В.» яркая борьба привлекает в ряды революционных организаций гораздо больше сил даже для работы агитационной и пропагандистской, чем мало заметная, подпольная кружковая пропаганда и агитация; что и последняя-то приобретает смысл и интерес как-раз при наличности открытой вооруженной борьбы с правительством.

Так общество «Земля и Воля» естественно пришло к распаду на «Черный передел» и «Народную Волю».

Что же сохранила из прошлого и что внесла нового «Народная Воля»? Народовольцы остались социалистами-*народниками*. И не только в том смысле, что они, как народники, признавали, что «только *народная воля* может санкционировать общественные формы, что развитие народа только тогда прочно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно через сознание и волю народа»;* но оставались народниками и в том смысле, что признавали «живыми в народе, хотя всячески подавляемыми, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федерального устройства, свободу совести и слова». Народники и прежде понимали классовый характер современного государства. Теперь народовольцы стали видеть в нем не только защитника эксплоататоров народа, но и их создателя. Они увидели, что «это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники»... «что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием». Отсюда программа делала решительный вывод, представляющий уже огромное новшество по сравнению с прежними программами: «Потому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу».

«Carthago est delenda». Карфаген должен быть разрушен,—провозгласила «Народная Воля» в первом же номере своей газеты. В то время это вызвало споры и возражения. Но скоро, очень скоро «Нар.



Воля» своей борьбой, своими победами, десятками смертей своих борцов-мучеников так крепко внедрила этот лозунг в сознание всех социалистов, что с тех пор стала невозможна сколько-нибудь серьезная социалистическая программа, которая не поставила бы на первом плане низвержения самодержавия.

Раз поставив себе такую цель, «Н. В.» всю свою программу, весь план своей деятельности приспособила к ней. Все должно было служить скорейшей подготовке политического переворота. Основные отделы деятельности партии: 1) пропагаторская и агитационная, 2) разрушительная и террористическая, 3) организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра, 4) приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе, 5) организация и совершение переворота и 6) избирательная агитация при созвании Учредит. Собрания,—все они располагаются в строго обдуманном порядке вокруг идеи политического переворота. Последний может произойти весьма различными путями. «Нар. Воля» не рассталась окончательно и с надеждой на народный бунт, возможна и уступка правительства. Но «партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало» и потому должна быть готова выполнить их «при самых худших, самых трудных условиях». История может не подарить ей ни одного благоприятного условия. «Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца». И далее рисуется картина, как «искусно выполненная система террористических предприятий... приведет правительство в панику», как «заранее собранные (партией) боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями». Для успеха такого нападения партии необходимо «обеспечить себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих» и содействие или, по крайней мере, бездействие и нейтралитет провинции. Партия подумала и о том, чтобы «обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав». Вот какой широкий план выработала себе партия, вот какие задачи не побоялась она взвалить себе на плечи, как императивный долг, как нравственную обязанность. Лишь по достижении этой ближайшей цели «станет возможною широкая партийная деятельность, имеющая пропаганду и агитацию своими главными средствами». До тех пор пропагаторская и агитационная деятельность играют лишь подсобную для политического переворота роль. Тут партия впадала в явное противоречие со своими собственными принципами: исповедуя, что «каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, должна пройти предварительно через сознание и волю народа», она совершение политического переворота брала на себя, — правда, чтобы сейчас же передать власть народу. Причина этого противоречия ясна. Народники в результате своей деятельности пришли к убеждению, что при тогдашних политических условиях создать широкую народно-боевую организацию нельзя;

более того, что невозможна даже мирная культурная работа социалиста в деревне. Отсюда вывод: «надо устранить препятствие», надо «пробиться к народу» (В. Н. Фигнер), надо разрушить Карфаген. Какими силами это сделать? Так как наши либералы плохи, то ответ ясен: силами революционно-социалистической интеллигенции, подготовив себе «активное содействие масс (лишь) в наиболее важных пунктах (т.-е. крупных городах.—*Н. Р.)* и среди наиболее восприимчивого населения» (т.-е. среди городских рабочих.—*Н. Р.)* и заручившись поддержкой в войске. Противоречие, порочный круг создан самой жизнью, историей. Программа «Нар. Воли» лишь его отразила. В жизни, в реальной деятельности партии эти построения и планы, конечно, отпали, не осуществились; задача, взятая на себя партией, оказалась ей не по силам без поддержки широких народных масс. Но намеченная общая линия—сосредоточение сил в городах, на работе в учащейся молодежи и среди городских рабочих и на борьбе с правительством—оказалась правильной, и она-то и проводилась в жизнь.

«Демократический политический переворот» и «социальная революция» в програме «Нар. Воли» разделились. Повело ли это к разделению самой программы на программу-максимум и программу-минимум? Нет. В очень кратком изложении той программы, с которой партия обращается к народу, мы находим и «принадлежность земли народу», и «систему мер, имеющих передать в руки рабочих все фабрики и заводы», на ряду с обще-демократическими требованиями свобод,—и ни одного требования, обычного в минимальных экономических программах. В своей социально-экономической части это по существу та же программа народников,—программа социального переворота, кладущего начало развитию народного хозяйства в направлении к социализму. С такой программой партия обращается к народу и до переворота, и после него на выборах в Учред. Собрание, и в самом Учред. Собрании. И «Нар. Воля» твердо верила, что ее лозунги в условиях свободной агитации найдут быстрый отклик в народе. Ведь, в будущем Учред. Собрании 90% депутатов будет от крестьян, и «если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью—от партии» (№ 2 «Нар. Воля»). Это пророчество вызвало много насмешек со стороны разных политических «реалистов» (в роде В. Я. Богучарского). Но если мы припомним не Учред. Собр., избранное всеобщей подачей голосов, при полной свободе агитации, как предполагал автор статьи, а всего только Гос. Думу 1906 г., избранную по куриям, вряд ли это предсказание покажется нам так нелепым. Количество крестьянских депутатов определялось в ней не соотношением классов в стране, а искусственно состряпанной куриальной системой. Но сами то крестьянские депутаты, несмотря на все запугивания и подкупы, к каким политическим группировкам примкнули? К тем, которые выкинули лозунг «Земля и Воля». Таким образом, в представлении «Народной Воли» политический переворот был простым преддверием переворота социального. И нужно ли теперь

говорить, кто был ближе к истине в понимании основных движущих сил русской революции: «Народная Воля» или ее критики?

Эти взгляды, эти убеждения «Народная Воля» высказывала и в момент наибольшего своего могущества, накануне 1 марта 1881 г. В № 5 «Народной Воли», вышедшем 5 февраля 1881 г., мы находим все основные идеи народовольчества: и признание государства «главной, если не единственной фактической силой», охраняющей современный строй эксплоатации; и что поэтому главные удары революционной партии должны быть направлены против государства; и, что «ни привилегированные классы—вследствие своей раз'единенности, ни легальные партии—вследствие своей неорганизованности—не будут в силе воспротивиться народному движению и удержать старый порядок экономического порабощения народа», и, наконец, что «только путем борьбы, путем непрерывных схваток и может расти партия, только этим путем и может она приобрести в глазах народа обаяние силы», способной взять на себя почин народной революции. Здесь и основные пункты сходства «Н. В.» со старым народничеством. Но тут выступало и радикальное различие их от народников. Тогда как «Земля и Воля» считала политическую свободу простым «побочным продуктом» экономического переворота, получающимся так же непреднамеренно, как кокс при добывании светильного газа, «Народная Воля» смотрела на нее, как на необходимое преддверие экономического переворота, который не замедлит за ней последовать, так как основные требования крестьянства им вполне осознаны. Народники говорили: сделайте крестьянина и рабочего экономически независимым, и они не позволят пальцем тронуть себя и обеспечат себе и свободу слова и печати, и контроль над всеми общественными делами. Народовольцы перевернули это положение и говорили: к экономическому перевороту мы придем только через демократический политический переворот. Соберите представителей крестьян в Учредит. Собрании, и они немедленно проведут передачу земли народу.

И еще различие. Народники говорили: «наша социальная революция выйдет не из городов, а из сел». Народовольцы и здесь внесли поправку: почин выйдет из городов, из столиц—средоточий власти; но успех революции может обеспечить только крестьянство. Одно же крестьянское восстание, если бы даже оно произошло, не имеет шансов на успех без поддержки города.

Успех революционной мысли несомненный и огромный. Идея русской революции из туманной мечты в стиле Разина и Пугачева превратилась в отчетливый, подробно разработанный план, в котором все элементы русской жизни нашли свое место. Анархизм отпал. Политическая борьба, прежде имевшая целью разрушение государства, теперь понималась, как борьба за власть.

Но если основные идеи «Народной Воли» были жизненны и правильны и оправданы в конце-концов историей, то чем об'яснить, что она потерпела поражение и, как организация, сошла постепенно на-

нет? Чем об'яснить, что годы, последовавшие после победы 1 марта, представляют нам в сущности картину постепенной гибели первоначальной центральной организации «Нар. Воли», ее знаменитого и грозного Исполнительного Комитета и ряд бесплодных попыток воссоздать его?

Об'яснения надо искать в том, что все революционное движение 70-х годов развивалось на слишком узкой общественной базе. Ни рабочий класс, ни крестьянство не созрели еще в то время для широкого движения. Они давали революционному движению талантливых и сильных одиночек, но не давали *массы*. Оставалась учащаяся молодежь, да так называемое общество. Но молодежь, не переставая, конечно, выделять пополнение в революционные ряды, в массе могла лишь время от времени устраивать студенческие беспорядки, даже уличные демонстрации, против которых, однако, полиция еще была в состоянии натравливать мясников из Охотного ряда. А либеральное общество..., но мы видели, как народникам приходилось расценивать их либерализм. На всю героическую борьбу «Нар. Воли» либералы откликнулись лишь рядом верноподданнических заявлений земств и городских дум, скромно просивших «призвать их», чтобы они могли обуздать крамолу.

Вторая половина 70-х годов в России была ознаменована сильным под'емом настроения и возбуждения в образованном обществе. Тут и сербская война, и русско-турецкая война, и ее бесславный конец, и финансовые затруднения. Проявления революционного движения, все более резкие и яркие, еще более усиливали напряжение и возбуждение в обществе. Создавалось впечатление чисто революционной ситуации. Даже официальный историк из охранки, ген. Шебеко, так рисует состояние России к началу 1881 г.: «Умы всех находились в возбуждении и, несмотря на блестящий, полный веселья ближайший зимний сезон, никто не смотрел на надвигающееся будущее с чувством доверия и безопасности. Капиталисты переводили свои фонды за границу; иностранные корреспонденты стекались в Петербург, чтобы присутствовать в качестве свидетелей конфликта между властью и мятежниками; нельзя было также оставаться спокойным и жить с чувством доверия, видя, что государь выходит из своего дворца не иначе, как в сопровождении эскорта».

И однако, конец 70-х годов не был кануном революции, как казалось народникам и народовольцам, да и не им одним. Попытка «сбросить с своего пути препятствие» в виде самодержавия, «пробиться к народу» силами одной социально-революционной партии оказалась ей непосильной, а ожидаемая поддержка со стороны народа или либерального общества не пришла. Именно потому, что в России политический переворот оказался неотделимым от коренного экономического, именно поэтому его оказалось невозможным произвести без широкого массового движения крестьян и рабочих, именно поэтому у самой черной и темной реакции хватило сил и энергии—энергии

страха и отчаяния—отстоять на время переживший себя самодержавный строй, именно поэтому наш либерализм оказался бессильным.

Период, последовавший за 1 марта 1881 г., именуется обыкновенно периодом упадка «Нар. Воли». И, действительно, та историческая форма, в которую облекла свои основные идеи «Народная Воля», та программа-план, которую она начертала себе, сошла со сцены вместе с поколением, ее породившим. Произвести политический переворот с теми силами, которые накопила к тому времени история, оказалось невозможным. Исполнительный Комитет в 1—2 года был уничтожен. Остались многочисленные кружки революционно настроенной молодежи, остались периферические организации, но центральная организация исчезла. Попытки восстановить ее неизменно кончались крахом. Но можно ли на основании этого говорить о гибели «Народной воли»? Нет. Она продолжала жить в этих многочисленных кружках революционной молодежи, которые не переставали возникать повсеместно, несмотря на неистовства полиции. Она продолжала жить в этой ни на минуту не прекращавшейся работе пропаганды и агитации, которая разбрасывалась все шире и шире по стране и подготовляла почву для новой и более удачной схватки с правительством.

Материалы, помещаемые в настоящем сборнике, как-раз и относятся к этому послемартовскому периоду, когда социально-революционная партия представляла собою своего рода стадо без пастыря. «Нар. Волей» был дан могучий толчок к революционной работе в самых разнообразных направлениях; и все виды этой работы об'единялись и осмысливались единым планом, одной мыслью подготовки политического переворота. Когда сошел со сцены носитель этого плана, Исполнительный Комитет, все отрасли революционной работы получили неожиданно самостоятельность и в самих себе должны были искать смысла своего существования. Отсюда неизбежные односторонности и даже уродливости, особенно заметные в тех группах и организациях, которые не заняты основной работой социалистической партии—организацией рабочих и крестьян для классовой борьбы с эксплоататорами и государством—и которые приобретают свой смысл только от своей связи с революционной борьбой рабочего народа. Таковы прежде всего военные группы. В планах «Народной Воли» они занимали совершенно определенное место: по распоряжению Исполнительного Комитета «Народной Воли», переданному через военный центр, они должны были предпринять те или иные действия, стоящие в связи с действиями других невоенных групп. Теперь кружки молодежи, правда, весьма немногочисленные, занялись планами военных заговоров, планами переворотов на манер декабристов. Явились сначала «милитаристы», за ними еще более крайние, «немисты», видевшие только и света в революционном окошке, что в военной силе. Таким же односторонним извращениям подверглась и идея террористической борьбы. Правда, и прежде встречалась у отдельных лиц (напр., Н. А. Морозов) преувеличенная оценка террора, но тогда

такая точка зрения сейчас же находила авторитетные ограничения (А. И. Желябов). Теперь целые группы поддались таким увлечениям. Террор об'являлся специальным орудием интеллигенции в борьбе с варварским самодержавием; при помощи его интеллигенция и одна, без серьезной поддержки народа, может привести к ликвидации пережившего себя строя. Примером таких увлечений может служить программа террористической фракции партии «Народной Воли» (Ульянов, Генералов, Шевырев и др.), пытавшейся 1 марта 1887 г. повторить акт цареубийства. В этой программе, восстановленной в показаниях А. И. Ульянова, мы читаем: «Террор есть, таким образом, столкновение правительства с интеллигенцией, у которой отнимается возможность мирного культурного воздействия на общественную жизнь... Успех такой борьбы несомненен». Поэтому фракция высказалась за децентрализацию террористической борьбы: «пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще более нужна, как протест против административного гнета». Программа «Народной Воли» тем и не удовлетворяла группу, что там «не выставляется главное значение террора, как способа вынуждения у правительства уступок, и не дается удовлетворительного об'ективно-научного об'яснения террора, как столкновения правительства с интеллигенцией». Действительно, по программе Исполнительного Комитета «Народной Воли» террор имел лишь подсобное значение в классовой борьбе рабочего народа с государством эксплоататоров. Он имел целью «подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывные доказательства возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы». На первом плане борьба народа и ее интересы, террор не отделяется от нее. Поэтому у Исполнительного Комитета первой задачей всегда и было об'единение всех революционных групп, воссоздание центральной организации, типографии, печатного органа и уже затем центральный террор. Если у самого Исполнительного Комитета террор отнимал действительно очень много сил, то он всетаки никогда не забывал создавать специальные группы для работы среди рабочих;а местные группы «Нар. Воли» всецело посвящали себя работе в различных слоях населения и в армии. И после разгрома Исполнительного Комитета решительно все попытки воссоздать центральную организацию, сделанные в 80-е годы, начинают как-раз с типографии и органа и уже затем ставят возрождение террора. Возведение террора в самодовлеющее средство политической борьбы интеллигенции за свое право «культурного воздействия на общественную жизнь», несомненно является увлечением.

Не осталась без некоторых увлечений и такая неизбежная коренная отрасль деятельности социалистической партии, как работа в народе.

В основе появления «Молодой партии Народной Воли» лежала несомненно здоровая мысль, что «главное внимание и главные усилия

следовало направить теперь на широкое развитие местных революционных групп, на пропаганду чисто социалистических идей в рабочем сословии, на привлечение его симпатии к делу партии. Таково убеждение, к которому, по словам П. Ф. Якубовича, привел молодежь «некоторый умственный кризис», пережитый после 1881 г. Раз такой акт, как 1 марта, остается без поддержки и со стороны либерального общества, и со стороны рабочей массы, естественно было притти к такому убеждению. Но и в «Молодой партии Народной Воли» эта здоровая мысль обросла странными наростами в виде аграрного и фабричного террора, живо напоминающими старых народников и черно-передельцев. В передовице № 5 «Земли и Воли», наиболее подробно трактующей о работе народников в крестьянстве, вопрос об аграрном терроре решался в определенно положительном смысле: «Что делать с неисправимыми упорными помещиком, урядником, становым? Революционерам постоянно придется или сознаваться в полном бессилии помочь народу, или устранять эксплоататоров, отомщать обидчикам и т. п. вооруженной рукой». И сам П. Ф. Якубович отмечает это родство тенденций «Молодой партии Народной Воли» с землевольчеством. «Хотя она и заверяла,—говорит он в своих показаниях, — будто политическому террору отводит рядом с этой широкой, социально-революционной работой *равное место,* но в основе ее взглядов лежала мысль о приостановлении на некоторое время политической борьбы, о повторении (хотя и в другом несколько роде) опыта народников 70-х годов и их знаменитого «хождения в народ». К счастью, еще раньше, чем молодая партия открыто заявила о своем существовании, она уже успела столковаться с членами Распорядительной Комиссии, каковыми являлись в то время Г. А. Лопатин, Н. М. Салова и В. И. Сухомлин, и в № 10 «Народной Воли» появилось лишь заявление этой организации о своем слиянии со старой партией «Н. В.». В передовой же этого номера, посвященной работе партии в народе, всячески подчеркивается значение этой работы, но в то же время напоминается, что «мы — передовой отряд самой революции, исполняющий ее *общую* миссию, разрушение существующего строя»; что «наша первая и главная задача состоит в расчистке народу пути, в устранении с этого пути главных препятствий, а также в выработке *до революции* тех небольших, но крепких кадров революции, около которых может потом сплотиться масса». Против увлечений аграрным и фабричным террором, передовая статья высказывается самым определенным образом.

Введение в свою программу экономического террора у «Молодой партии Народной Воли» было единственным и самым ярким уклоном от политической борьбы в сторону экономической. Чего-нибудь в роде «экономизма» в социал-демократическом направлении в истории народнического движения мы не находим даже в эту эпоху шатания, разброда и всяких односторонних уклонов. Настолько оно было застраховано той энергичной струей «политики», которая была

в программе и деятельности «Народной Воли». Все попытки восстановления центральной организации в 80-е годы происходили неизменно под знаменем «Народной Воли» и ее неурезанной, цельной программы.

Лишь в новом десятилетии начинаются попытки пересмотра программы «Народной Воли»,—пересмотра, на котором сказалось влияние социал-демократической критики. «Группа народовольцев» (Александров и др.), переиздают программу Исполнительного Комитета партии «Народной Воли» с некоторыми изменениями, характеризующимися одним: из первой фразы, которой начинается эта программа: «По основным своим убеждениям, мы социалисты и народники» — выпущено слово «и народники». Любопытно, что и в 1886—1887 г.г. это слово было выпущено при попытке пересмотра программы Исполнительного Комитета и террористической фракцией «Народной Воли» Ульянова, Шевырева, Генералова и др., и одновременно действовавшей народовольческой группой Петербурга, ведшей работу среди рабочих и интеллигенции. Помимо критики марксистов, здесь могло сказаться еще и то, что слово «народники» и «народничество» было сильно скомпрометировано к концу 80-х годов и «народничеством» «Недели», и «народной» политикой Александра III, и разными грязными руками, захватавшими это слово. Но и при таких с виду радикальных изменениях в программе Исполнительного Комитета остаются у «группы народовольцев» неизменными основные идеи, положенные в ее основу: об'единение рабочих и крестьян в борьбе с эксплоатацией и охраняющим ее государством, об'единение политического и экономического переворотов, сильно подчеркнутая политическая борьба и—террор, как одна из неизбежных форм ее. В № 1 «Летучего Листка» мы между прочим читаем: «направить борьбу с крепостными началами так, чтобы на расчищенной революцией почве установился не капиталистический строй, расцвела не буржуазная цивилизация, но создалось мужицкое и рабочее царство и развилась истинно демократическая гражданственность,—такова историческая задача русской интеллигенции». О терроре, как средстве политической борьбы, говорится во всех «Листках» группы, кроме разве последнего.

Это была последняя организация, принявшая имя «Народной Воли», но не последняя, которая приняла ее основные идеи.

Л. А. Кузнецов.

Из далекого прошлого.

(Отклики 1 марта 1881 г. в Московском университете).

Через несколько дней после 1 марта 1881 г. два студента Московского университета, Заянчковский и гр. Уваров [1], кажется, филологи, предложили товарищам подписку на венок Александру II и стали собирать подписи и деньги. Собрали что-то около 100 руб. Кто давал свои фамилии и деньги, а кто и отказывался. Когда случаи отказов стали преобладать, собиравшие подписи вздумали завести второй лист, куда стали заносить фамилии отказавшихся. Запахло полицейским сыском. Подписной лист попал студенту-филологу IV курса Смирнову. Последний раскрыл перед товарищами некрасивую подкладку записи и торжественно порвал оба листа. Через несколько дней в «Московских Ведомостях» появилась громовая статья Каткова... «Правда ли,—писал он,—что в Московском университете нашелся свободный мыслитель, который публично порвал подписку на венок царю-мученику? Правда ли»?... и т. д. Смирнов был арестован.

Начались сходки. На сходке Заянчковский пытался убедить товарищей в необходимости посылки венка, чтобы отклонить от студенчества обвинение в солидарности с деятелями 1 марта. За эту речь и на той же сходке постановлено было привлечь его к университетскому товарищескому суду. Он был освистан и лишен права участвовать в студенческих собраниях. Явившийся на сходку проректор С. А. Муромцев (впоследствии председатель I Государственной думы), прилагавший все усилия, чтобы настоять на отправке венка, был также освистан. Сходка под председательством студента-медика V курса (кажется, П. П. Кащенко) [2] вынесла резолюцию: «никаких венков не посылать». Было это 10 марта 1881 г. В ту же ночь Ка-

[1] Впоследствии известный реакционный деятель в Саратовском губ. земстве.

[2] Потом известный психиатр.—*Ред.*

щенко и ряд говоривших на сходке ораторов были арестованы. Начались волнения и многолюдные сходки (12 и 31 марта) с обычными последствиями: исключениями и новыми арестами. Исключению подверглись 234 человека; 1-го апреля было исключено еще 78 чел. Исключали кого на год, кого на два, кого совершенно без права обратного поступления в университет. Пошли и жандармские обыски и аресты. Волнения отразились и в других университетах.

Об этой истории Победоносцев сделал подробный доклад Александру III, при чем проф. С. А. Муромцев был выставлен главным инициатором волнений, что и послужило поводом к его отставке. Сообщение Победоносцева заканчивалось словами: «вот результаты сходок, введенных министрами Сабуровым и Д. А. Милютиным». На этом донесении Александр III собственноручно отметил на полях: «если это действительно было так, то это непростительное безобразие и оставить это дело так невозможно» [1].

Депутация, все же отправленная в Петербург попечителем учебного округа с венком, якобы от имени университета, не была допущена в собор Петропавловской крепости и вернулась обратно. В то время Александру приписывали слова, что он никогда не простит Московскому университету такого оскорбления памяти отца.

Победоносцев в сущности был прав: общественное мнение интеллигенции (в университете тогда было до 3 тысяч студентов), как только явилась возможность высказаться, высказалось против самодержавия и подчеркнуло свою солидарность с деятельностью партии «Народная Воля». Мартовская история была политической демонстрацией, а не обычными академическими волнениями.

Партия «Народная Воля» в 1881—1882 г.г. имела среди московского студенчества прочную, многочисленную и сильную организацию, во главе которой стоял П. А. Теллалов, живший в Москве (сент. 1880—авг. 1881 г.г.) нелегально и известный в студенческих кружках под псевдонимом Петра Николаевича Семенова. В состав центра народовольческого кружка Московского университета в 1881—1882 г.г. входили, между прочим: Н. Е. Лавров, М. В. Сабунаев, Н. А. Воронов, П. В. Гуглинский и мн. другие, фамилии которых улетучились из моей памяти.

После ареста Теллалова руководящая роль в студенческих народовольческих кружках в Москве перешла к И. В. Калюжному. В Москве он жил под фамилией Беневоленского. Через своих товарищей по Сумской гимназии: Н. В. Ларуй и Сибилева, бывших студентами университета, Калюжный завел большие связи среди студенчества и организовывал народовольческие кружки.

После истории с венком Александр III за первые пять лет своего царствования ни разу не был в Московском университете и даже из-

[1] Конституция гр. Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон—Петербург, 1906, стр. 53.

бегал проезжать мимо него, когда бывал в Москве. И только после проведения реакционного устава 1884 г. дал свое согласие посетить университет в мае 1886 г. Были приняты чрезвычайные меры охраны. Часть студентов была временно арестована, часть выслана на родину. Для лицезрения монарха проектировалось собрать в актовом зале исключительно первые курсы, уже одетые в форму по новому уставу. Что же касается остального студенчества, на которое действие устава не распространялось, решено было допустить в залу по два представителя от каждого курса.

Бывший тогда инспектором студентов А. А. Брызгалов явился и к нам, на 5 курс, и убедительно просил дать двух делегатов, чтобы избежать такого неловкого положения, как то было в Петербурге при посещении царем Военно-Медицинской академии, когда не оказалось на-лицо ни одного медика последнего курса, и Александру III не могли представить кончающих врачей. Брызгалову дипломатично ответили, что курс занят выпускными экзаменами и не может терять времени на участие в торжествах.

Через несколько дней Брызгалов явился во второй раз и заявил, что с ведома и согласия попечителя учебного округа те студенты, которые будут присутствовать в актовом зале при посещении университета Александром III, будут освобождены от остающихся экзаменов и получат дипломы. Но, несмотря на такую льготу, студентов, желающих присутствовать при посещении царя, все же не нашлось. Огорченный неудачей своей миссии Брызгалов, уходя, встретил в университетском дворе одного из наших товарищей, Быкова, сильно близорукого и ходившего вследствие коксита с костылем под мышкой.

— Г. Быков! Не согласитесь ли вы присутствовать 15 мая в актовом зале, в качестве представителя курса?

— А каковы будут обязанности мои, г. инспектор?

— Быть распорядителем. Встречать и провожать почетных гостей, указывать места, вообще следить за порядком!

— Помилуйте, г. Брызгалов, я почти слепой, хромой... Я могу споткнуться, упасть, и первый произведу беспорядок. Какой же я распорядитель?!

Так торжество посещения Александром III университета обошлось без участия пятого курса.

В. Н. Светлова.

Провал народовольческих кружков в Тифлисе в 1882 г.

(*По материалам историко-революционного архива Музея революции Грузии* [1]).

В 1881 г., после разгрома Исполнительного Комитета «Народной Воли», некоторые из его уцелевших членов раз'ехались из Петербурга по разным городам России и там продолжали свою революционную работу.

Так в Тифлис приехали А. П. Корба и Ю. Н. Богданович-Кобозев. А. П. Корба вскоре проникла в офицерскую среду и уже в начале сентября 1881 г. в 16 гренадерском Мингрельском полку сорганизовала первый офицерский кружок.

Почва оказалась вполне благоприятной: устраивались тайные сходки, широко распространялась нелегальная литература, собирались деньги для подписки на журнал «Народная Воля» и для организации подпольной типографии. Кружок ширился и стал пользоваться влиянием даже на полковые дела, завязались связи и с местными интеллигентскими народовольческими кружками, а через какой-нибудь год, свой же офицер Анисимов предал всех участников кружка в руки правительства.

Вот как это было.

27 ноября 1882 г. в 6 часов вечера к и. д. потийского полицеймейстера явился неизвестный человек, который заявил, что он из «политических преступников» социал-революционной партии и назвался Петром Ивановичем Антоновичем, бывшим поручиком лейб-гвардии Волынского полка. Явившийся сообщил, что он бросил военную службу и уехал в Швейцарию, где прожил до конца августа текущего года. Вернувшись в Россию, он служил на Бакинской жел. дор. в ожи-

[1] Арх. 36, д. № 34.

дании «предприятия», затеваемого в Тифлисе революционной партией. Эта партия посылала его в Петербург, а по дороге он должен был заехать в Харьков и найти там некоего Петрова [1], игравшего большую роль в партии. В военное время (Антонович) служил в Поти и Озургетах, где его все знают. Более подробно о себе и о своем деле явившийся обещал рассказать в жандармском управлении, или губернатору, при чем заявил, что он готов оказать правительству большие услуги по политическим делам. Антонович пред'явил два подложных паспорта, один, выданный горийским уездным начальником на имя А. Херодинова, а второй, выданный в Самарской губ. Карлу Кефлинг.

После обыска, произведенного в вещах явившегося, он сознался, что он не Антонович, а Федор Петрович Анисимов, бывший поручик 16 Мингрельского гренадерского полка, стоявшего в Тифлисе.

Анисимов был отправлен в Тифлис в распоряжение начальника тифлисского жандармского управления, где он дал подробные показания.

Будучи еще юнкером 3-го военного Александровского училища Анисимов увлекался сочинениями социалистов и имел даже сношения с членами революционной партии; но затем он отошел от них.

По окончании русско-турецкой войны, имея уже офицерский чин, Анисимов снова завязал сношения с социалистами и на этот раз более серьезные. От революционеров он стал получать для чтения журнал «Народную Волю» и др. нелегальные издания. Вскоре в Тифлисе, в Немецкой гостиннице, состоялась первая сходка, на которой присутствовали преимущественно офицеры Мингрельского полка: капитан Макухин, штабс-капитан Липпоман, поручики Антонов, Алиханов, Цицианов и др.

Ближайшие задачи кружка, по словам Анисимова, сводились к следующему: в виду того, что в революционной борьбе военному сословию предстояло «последнее слово», военные пока не должны были открыто выступать, а рекомендовалось осторожно вести подготовительную работу. Офицеры должны были организоваться в тайные кружки, привлекая в них испытанных товарищей, сочувствующих идее социализма. Такая организация была необходима для того, чтобы, «когда настанет время действия», можно было бы отличить друга от врага и могли бы смелее действовать, зная, что у них есть товарищи. Кружки сносились между собою через посредство ограниченного числа лиц. Из Петербурга этим кружкам обещали руководство и поддержку. В Тифлисе должен был находиться член из центра. Офицеры должны были избегать компрометирующих их поступков. Офицерам рекомендовалось обратить особенное внимание на солдат, по возможности развивать их и внушать к себе полное доверие и

[1] В дальнейшем выяснится, что Петров был не кто иной, как позднее известный провокатор Сергей Петрович Дегаев, предавший многих виднейших членов «Народной Воли».—*В. С.*

в то же время возбуждать в них недоверие и даже презрение к высшему начальству.

Члены кружков добиваются влияния как на общество офицеров, так и вообще на полковые дела [1].

Результаты деятельности организованного кружка быстро сказались. Так, члены кружка заставили командира полка публично извиниться за какой-то проступок перед собранием офицеров. Другой случай «захвата власти» выразился в том, что Анисимову, когда он собирался дезертировать, товарищи-члены кружка выдали целиком его сбережения из офицерской кассы без разрешения на то командира полка и офицерского комитета, что воспрещалось уставом.

Кружок регулярно снабжался нелегальной литературой. Эту литературу доставал Антонов и хранил ее в полковой библиотеке. Офицеры читали Лаврова, о восстании декабристов, о смерти Рылеева и т. п. Попадали к ним и прокламации и др. нелегальные издания, например, письмо И. К. «Народной Воли» к Александру III. Одно время нелегальные листовки в громадном количестве распространялись в Тифлисе. Рассказывали, что один неграмотный городовой раздавал прокламации публике вместо об'явлений и кто-то подкинул их на гауптвахту. Какой-то господин оставил целую кипу печатной бумаги в лавке, и в нее стали завертывать товар покупателю; оказалось, что это были прокламации.

Видную роль в организации кружка, а потом и в делах его, играла приехавшая из Петербурга «барыня» [2]; но она держала себя настолько конспиративно, что ни имени, ни фамилии ее Анисимову не удалось узнать. Сносилась она с кружком через представителя кружка—Антонова, снабжала кружок литературой; ей передавали деньги, собранные для подписки на журнал «Народная Воля», для организации тайной типографии и на др. дела партии.

Сходки офицеров происходили весь сентябрь 1881 г. Была собрана значительная сумма денег на устройство тайной типографии и впоследствии Анисимов убедился, что деньги эти пошли по назначению.

Но все же, в конце концов, по словам Анисимова, он настоящего дела не видел, «пустые» же разговоры ему надоели, и он отошел от кружка. Как-раз в это время у него обнаружилась растрата казенных сумм. Началось следствие. Тогда он решил эмигрировать за границу, но не имел при этом в виду никаких революционных замыслов.

Антонов, к которому он обратился за содействием, отговорил его от этой поездки, и предложил перейти на нелегальное положение, посвятив себя революционной работе. Анисимов согласился, и однажды вечером Антонов повел его на свидание, которое было обставлено несколько таинственно: едва они завернули в какой-то

[1] Все эти положения взяты из записки о подготовительной работе партии. *Ред.*

[2] «Барыня» эта была Анна Павловна Корба, член И. К. «Народной Воли».—*В. С.*

темный переулок, как перед ними точно из-под земли выросла личность невысокого роста, которая невнятно отрекомендовалась, назвавшись Петровым (Дегаев)[1], при чем Анисимову показалось, что это вымышленная фамилия. Не останавливаясь, они пошли дальше. По дороге Петров расспрашивал у Анисимова о его прошлой жизни. Когда тот рассказал о растраченных деньгах, то Петров снисходительно заметил, что это со всяким может случиться, и что чуть ли и с ним не было того же самого. Анисимов заявил Петрову, что хотел бы получить подложный паспорт и поехать в Петербург. Тот сначала согласился оказать ему в этом деле содействие и дать адрес к какому-то артиллерийскому офицеру, но потом раздумал на том основании, что мало знает Анисимова, и что поэтому пока не решается его рекомендовать. В конце концов они порешили на том, что Анисимов поедет к лесничему Меленчуку и будет у него работать в тайной типографии, при чем работа послужит испытанием и даст ему возможность зарекомендовать себя перед партией.

Затем они условились встретиться на следующий день в Александровском саду.

Явившись на другой день на условное место, Анисимов нашел там Петрова и незнакомца, который оказался лесничим Меленчуком. Тут же было решено, что Анисимов явится к Меленчуку, жившему в Ага-су (близ ст. Акстафа), под видом ищущего работы.

Через несколько дней после этого свидания он, наняв на Песках[2] молоканский фургон, доехал до ст. Акстафа, а оттуда добрался до деревни Ага-су, где и разыскал Меленчука.

Меленчук принял его на должность писаря. Был ли Анисимов к этому времени уже «сформированный» предатель, или он действительно жаждал «настоящего дела», но только он сразу же задал вопрос о типографии. Меленчук весьма уклончиво ответил на этот вопрос, об'яснив, что дело с типографией пока отложено на неопределенное время, во-первых, потому, что болтливая молодежь стала распускать слухи о постановке типографии, а, во-вторых, что пока нет достаточного материала для печатания. Анисимову так и не удалось добиться, была ли типография припрятана у Меленчука, или,—что ему казалось более вероятным,—она находилась в Тифлисе.

Анисимов, при содействии Меленчука, занялся вырезыванием подде льных печатей для паспортов, но из этого дела толку не вышло, так как не было всех необходимых принадлежностей.

В общем, живя в этой уединенной обстановке, Анисимов скучал и два раза писал Антонову, чтобы тот снабдил его паспортом и устроил поскорее на «живую работу», но тот в ответ советовал потерпеть еще немного и выдержать срок испытания.

[1] Приблизительно к этому времени А. П. Корба уехала из Тифлиса, а после нее приехал в Тифлис С. Дегаев, который и продолжал начатую ею работу в кружках.—*В. С.*

[2] Пески—один из районов г. Тифлиса, прилегающий к Цициановскому под'ему.

В конце лета 1882 г. Меленчук был переведен на службу в Далтаман, куда с ним переехал и Анисимов; но здесь последнему без паспорта рискованно было оставаться и поэтому в половине сентября Меленчук свез его обратно в Тифлис.

В Тифлисе они остановились на Авгабаре у хорошего знакомого Меленчука—агронома Элиозова.

На другой день Меленчук один отправился в город и, вернувшись, принес ему паспорт, полученный от Петрова. Вскоре появились и Антонов с Петровым.

Петров убеждал Анисимова подождать еще 1½ месяца, после чего обещал ввести его в одно подготовлявшееся «предприятие» [1], какое он не сказал, но шутя добавил, что при случае можно будет «лаврами украситься». В ожидании же «предприятия» Петров предлагал Анисимову ехать в Гори и поступить там на место писаря или взять службу на жел. дор. Анисимов предпочел последнее. Разговор закончился тем, что Петров обещал переправить Анисимова на другую квартиру. И, действительно, вечером Антонов с каким-то грузином отвезли его к Нанейшвили [2]. Профессию Нанейшвили Анисимов не узнал, знал лишь, что тот был в университете и затем вел какую-то грузинскую газету, к которой был причастен и привезший его грузин.

У Нанейшвили Анисимов прожил несколько дней. Первое время Анисимов при встречах с лицами, посещавшими Нанейшвили, смущался за свой истрепанный костюм, но, видимо, у Нанейшвили привыкли к подобным «жильцам», так как все знакомые не выражали удивления и обращались с ним запросто и по-товарищески.

Дом, где жил Нанейшвили, выходил воротами на Головинский проспект и на Сололакскую ул. (?—*В. С.*).

Через несколько дней Петров дал Анисимову рекомендательное письмо к Павлу Михайловичу Якимову, при чем сказал ему, что отныне он будет называться Петром Ив. Цветковым (до тех пор Анисимов носил имя Александра Ив. Цветкова).

Надо отметить, что с первых же встреч с Петровым (Дегаевым), Анисимов проникся каким-то странным недоверием к нему, несмотря на то, что окружающие относились к нему с большим уважением, как к одному из главных руководителей партии. Очевидно, будущий предатель инстиктом почувствовал «родственную душу».

Получив рекомендательное письмо, Анисимов, по его собственному признанию, «всегда не доверяя Петрову», распечатал конверт, желая узнать содержание письма, но к своему удивлению нашел только чистый лист бумаги, на котором карандашом было небрежно написано:

[1] Повидимому, речь шла о подкопе под горийское казначейство, провал которого в Тифлисе впоследствии приписывали С. Дегаеву.—*В. С.*

[2] Александр Теймуразович Нанейшвили б. казначей Грузинского дворянского банка—один из видных представителей народничества в Грузии.—*В. С.*

«Петр Иванович Цветков».

Запечатав письмо, Анисимов пошел к Якимову по данному ему адресу: Михайловская, д. 129.

Якимов сначала принял Анисимова, как обыкновенного просителя, но, распечатав письмо, сразу изменил обращение. Тут они уговорились, как об'яснять будущим сослуживцам их взаимоотношения.

На другой день Анисимов получил от Петрова второе письмо к агенту по постройке жел. дороги. И на этот раз он распечатал письмо и нашел там простую рекомендацию с просьбой оказать содействие при поступлении на службу.

Результатом всего этого было то, что в половине сентября Анисимов выехал на место службы в Аджи-Кабульский карьер, где и начал работу по постройке пути, но в конце ноября заболел малярией и был помещен в лазарет Бакинской жел. дороги. Тут его посещал и заботился о нем П. М. Якимов, переведенный на службу в Баку.

На расспросы Анисимова, почему его не вызывают в Тифлис для участия в предполагавшемся «предприятии», Якимов отвечал, что все дело расстроилось из-за того, что Петров, уехавший в Харьков, в конце присланного им шифрованного письма, перепутал цифры и этим лишил их возможности сноситься с обществом. По мнению Якимова, Анисимову в Тифлисе делать было нечего и, после долгих размышлений, он предложил ему ехать в Петербург, а по пути заехать в Харьков и попытаться разыскать там Петрова. Для явки в Петербург он дал ему адрес своего брата Владимира (Измайловский полк, 6 рота). Взяв от Якимова письмо к его брату, шелковую материю (пароль) и небольшую сумму денег, он выехал в Тифлис.

Не останавливаясь в Тифлисе, он проехал прямо в Поти, где и явился с «повинной к властям»...

Анисимов старался подвести фундамент под свое предательство и неожиданный финал своей революционной деятельности об'яснял следующим образом:

«Вступив на нелегальную почву, я думал, что увижу смысл в их (революционеров) деятельности, но тут я увидал, что смысла никакого не может быть, кроме крови и множества загубленных жизней. Я увидал, что несколько личностей распоряжаются остальными, как пешками, подготовляя события, только им известные, и, не знаю на что, им нужные»... (л. д. 22).

Не довольствуясь предательством, Анисимов не прочь был стать на путь провокации и предлагал использовать его связи в революционном мире в интересах правительства. Для этого он предлагал послать его в Петербург, где он сможет достать массу важных сведений, пользуясь тифлисскими связями и полным доверием к нему со стороны тамошних революционеров. Особенно хотелось ему предать в руки

жандармерии Петрова (Дегаева), при чем, по этому поводу он высказывал следующие соображения:

...«Из Тифлиса я смогу получать со временем дальнейшие сведения о Петрове, который непременно приедет в Тифлис в непродолжительном времени, так как он решился действовать собственно для Кавказа, найдя здесь удобную почву в среде военной, а также, преимущественно (в среде) грузинской молодежи» (л. д. 11).

Возможно, что в расчете на «карьеру» провокатора Анисимов, явившись в Поти с повинной и старался скрыть свое настоящее имя, назвашись Антоновичем, чтоб слух об его аресте не дошел до Тифлиса.

Получив от Анисимова все нужные сведения, жандармы принялись за допросы выданных им лиц.

Первыми к следствию были привлечены офицеры Мингрельского полка: капитан Макухин, Александр Григорьевич, шт.-кап. Липпоман, поручик Антонов, Александр Павлович, Алиханов, Николай Александрович и Цицианов, Аргил Иванович. Все они были допрошены 5 декабря 1882 г., при чем на допросе категорически отрицали свое участие в революционном кружке. О личности же Анисимова отзывались весьма отрицательно.

7 декабря на допрос был вызван Виктор Сильвестрович Меленчук, тоже ничего не давший жандармскому розыску. Затем 16 декабря состоялся допрос Александра Ясевича Элиозова и Александра Теймуразовича Нанейшвили. Оба категорически отрицали не только свою принадлежность к революционному кружку, но даже знакомство с Анисимовым. Зато допрос П. М. Якимова, повидимому, совершенно неожиданно для него самого, дал возможность установить важный факт, а именно, что Сергей Петрович Петров был в действительности Сергей Петрович Дегаев.

Выяснилось это следующим образом: Якимов, отрицая свое знакомство с поручиком Анисимовым, на заданные вопросы показал, что однажды его знакомый С. П. Дегаев, служивший в контрагентстве, попросил его принять на службу некоего Петра Ив. Цветкова, оставшегося, по словам его, без всяких средств к существованию, но стремящегося продолжать учение. Якимов согласился пристроить его, и на следующий день проситель явился к нему с письмом от Дегаева, при чем в письме было только написано: «Павел Иванович Цветков» и подпись: «Ваш Дегаев». Хотя у Цветкова паспорта не оказалось, он все же принял его на службу на жел. дор. в Аджикабульский карьер, так как Дегаев уверил его, что Цветков прослужит недолго, а затем поедет продолжать учение.

Помимо этого совпадения в показаниях Анисимова и Якимова по поводу текста письма о Цветкове, совпадали также и данные обоими показаниями о приметах: в первом случае—С. П. Петрова, а во втором—С. П. Дегаева.

Анисимов описывал наружность С. П. Петрова следующим образом: ...«маленького роста, худощавый, волосы на голове каштановые, носит небольшую бородку, переходящую в рыжеватый цвет, усы, подобные бороде, нависшие, голова непропорционально росту велика, вообще, вида плюгавого»...

...«В зубах заметил что-то странное, кажется, недостаток одного... затылок выдающийся, на голове носит легкую фуражку из шелковой материи, в руках тросточку... в нем (в Петрове) есть что-то неприятное»... (л. д. 17).

И далее:

...«Спустя порядочное время после моего первого с ним знакомства, одна барыня выражалась о нем, что, когда он идет по улице, то как-будто кого-нибудь ищет. Я убежден, что фамилия его другая»... (л. д. 17).

Очень сходное описание примет Дегаева дает Якимов:

...«От роду ему около 30 лет, кажется, женат... он маленького роста, худощав, волосы каштанового цвета, борода небольшая русая, усы тоже»... (л. д. 47).

Как-раз в это время Тифлисское губ. жандармское управление получило уведомление от начальника Одесского жандармского управления о том, что в Одессе арестован и привлечен к дознанию «весьма важный государственный преступник, отставной шт.-кап. артиллерии Сергей Петр. Дегаев, который показал, что он до последних чисел сентября 1882 г.[1] проживал вместе с женою Любовью Николаевной в Тифлисе, состоя на службе в о-ве Тифлисско-Бакинской жел. дор.

Жандармам оставалось только установить, что поручик Анисимов и П. И. Цветков тоже были одно и то же лицо, так как Якимов, как было сказано, отрицал свое знакомство с Анисимовым. Данная им обоим очная ставка подтвердила это тождество.

Как известно, Сергея Дегаева, вскоре после ареста его в Одессе, посетил знаменитый Судейкин (инспектор Петербургской секретной полиции), который и склонил его на путь предательства и провокации. Дегаеву был устроен в начале января 1883 г. фиктивный побег из тюрьмы, и он снова появился в революционной среде, встретившей его после ловкого «побега» с распростертыми об'ятиями и, конечно, не подозревавшей о его измене...

Предав 10 февраля 1883 г. в Харькове Веру Николаевну Фигнер в руки полиции, он отправился в Петербург и тут его «работа» закипела.

Надо полагать, что не забыл он и своих кавказских «друзей», так как дознание по делу поручика Анисимова (кстати сказать, не высоко расцениваемого тифлисской жандармерией, считавшей его не особенно «солидным» и «серьезным»), шедшее настолько вяло, что

[1] У Якимова в показаниях упоминается, что Дегаев в последних числах сентября или в начале октября взял отпуск на службе и более в Тифлис не возвращался.—*В. С.*

никто из выданных Анисимовым лиц даже не был арестован, с момента «бегства» Дегаева, вдруг сразу привлекло на себя внимание департ. госуд. полиции. Между Петербургом и Тифлисом начался оживленный обмен телеграммами и уже 10 января начальником Тифл. губ. жанд. упр. было получено от тов. министра вн. дел распоряжение о немедленном аресте всех выданных Анисимовым офицеров, лесничего Меленчука и Павла Якимова с производством в их вещах тщательного обыска и опечатанием бумаг. Затем предписывалось все производство переслать начальнику Петербургского жандарм. управления.

Приказ был в точности выполнен и все шесть офицеров Мингр. полка: Антонов, Макухин, Липпоман, Алиханов, Цицианов и Держановский, а также Меленчук и Якимов были арестованы 11 января и заключены в секретках Метехского замка, при чем дело приняло сразу такой серьезный оборот, что ведший следствие жанд. майор Алексеев предписал смотрителю Метехского замка ни под каким видом не допускать на свидание к заключенным лиц с воли, хотя бы те даже пред'являли разрешения за его подписью.

19 января было получено телеграфное распоряжение от тов. мин. вн. дел Оржевского о том, что все арестованные офицеры, в том числе и Анисимов уволены от службы и, постепенно, начиная с 21 января, должны быть под конвоем жанд. унтер-офицеров отправляемы в Петербург. При этом строго предписывалось следить, чтобы уволенные офицеры «не дозволяли себе носить знаки, присвоенные служащим офицерам, особенно при проезде их из Тифлиса в Петербург». Несколькими днями ранее, от того же Оржевского было получено приказание препроводить Анисимова, если он больше не нужен для розысков на Кавказе, в распоряжение департ. полиции с тем, чтоб он по пути на один день был предоставлен в распоряжение начальника Харьковского губ. жанд. управления.

Все эти предписания были, конечно, быстро и точно выполнены; но служебное рвение тифлисских жандармов пошло дальше по пути сыска—вспомнили и о «нижних чинах» Мингрельского полка, которых, по словам Анисимова, офицеры должны были воспитывать в антиправительственном духе. Поэтому за солдатами этого полка установили секретное наблюдение, не давшее, впрочем, существенных результатов.

Вот что по этому поводу доносил в Петербург начальник Т. г. ж. управления.

...«После ареста названных офицеров, казалось, неминуемо должны были выплыть наружу противоправительственные их деяния относительно возбуждения против правительства нижних чинов; но нижние чины полка твердят одно, что арестованные офицеры невинны (слово это, конечно, можно двояко понимать.—*В. С.)*; несмотря на то, что прочие нижние чины войск, расположенных в Тифлисе, после ареста офицеров Мингр. полка в высшей степени возбуждены противу чинов

этого полка и при каждом удобном случае называют нижних чинов изменниками государю, «что их следует вывести в поле и всех расстрелять, так как не может быть, чтобы они ничего не знали о злоумышлениях своих офицеров» (л. д. 93).

Это сообщение и сопровождающие его наивные рассуждения жандармского офицера дают основание думать, что солдаты Мингр. полка уже находились под прочным влиянием своих «крамольных» офицеров и ни единым словом не предали их.

После отправки арестованных в Петербург на некоторое время наступило затишье, а затем снова из Петербурга полетели телеграммы и снова начались обыски и аресты.

Теперь на очереди стоял разгром интеллигентских народовольческих кружков, собиравшихся у А. Элиозова и у Кузьминых.

В телеграмме от 2 марта говорилось, что из показаний сознавшихся офицеров Мингр. полка [1], выяснилось, что в «преступных происках социалистического общества» участвовали еще поручики Мингр. полка князь Вачнадзе и Митник, затем княжна Мария Александровна Шервашидзе, агроном Александр Элиозов, казначей грузинского дворянского банка Нанейшвили, сотрудник газ. «Кавказ» Чрелаев, бывший ученик реальной гимназии Тер-Григорьянц, проживающий в Гори учитель семинарии Кипиани, бывший секретарь горийской городской думы, состоящий учителем близ Ставрополя, Шио Давыдов и делопроизводитель горийского полицейского управления Мачаварьяни.

В тот же день все перечисленные лица были арестованы и заключены в Метехский замок, а затем, некоторых из них (Шервашидзе, М. Кипиани и некоторых других) отправили в Петербург.

Вскоре начальник Тифл. г. ж. упр. получил извещение от начальника Московского г. ж. упр. генерала Середы, что все дело о тифлисских кружках передано ему для доследования и что он для этого командировал в Тифлис жандармского капитана Мотова, которому предлагал оказывать всемерное содействие.

Кап. Мотов по приезде в Тифлис произвел еще целый ряд допросов разных лиц и некоторых из них арестовал. Так по его распоряжению были арестованы Сергей Шепелев—поручик Карсо-Александропольской крепости, затем Кузьмины, Алексей Лаврентьевич и Варвара Александровна и допрошены офицеры Мингр. полка: Соколов, Талышханов и Тюльпанов, затем Анна Влад. Домбровская (Худадова), Шварц, Сиверс и многие др.

В конце концов дело закончилось в административном порядке. Офицеры, просидевшие около 2 лет в Петропавловской крепости, были выпущены под надзор полиции, часть привлеченных была со-

[1] Указание на источник сведений, что обычно в подобных отношениях не принято было делать, дает основание предполагать, что таким маневром старались скрыть настоящий «источник», каковым по всей вероятности был Дегаев.—*В. С.*

слана в Семипалатинск (Меленчук, Нанейшвили и др.), остальные— в разные места ссылки под надзор полиции.

Дело не обошлось без трагических эпизодов: когда жандармы явились на квартиру А. Элиозова, чтоб забрать его в этап, он вошел в свой кабинет и застрелился. Еще раньше были получены сведения, о том, что офицер Антонов сошел с ума[1] в Петропавловской крепости.

Судьба предателя — Федора Анисимова неизвестна, что же касается С. Дегаева, то после убийства Судейкина он, как известно, благополучно выбрался за границу.

[1] Впоследствии он поправился и был выпущен с остальными товарищами под надзор полиции.—*В. С.*

М. Г. Шебалин.

Петербургская народовольческая организация в 1882—83 годах.

(Воспоминания участника).

Предлагаемые воспоминания отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту описания народовольческой организации в 1882—83 годах в Петербурге. Восстановить картину всей организации, хотя бы в главнейших чертах, автор не берется; он хотел только в добавление к тому, что сообщалось о петербургской организации «Народной Воли» А. Н. Бахом, И. И. Поповым, В. И. Сухомлиным и другими мемуаристами, рассказать о тех событиях, которые лично были ему известны. Конечно, время многое стерло из памяти, многое не было известно автору, поэтому, повторяю, о полноте очерка не может быть и речи.

I.

В конце 1882 года, окончив университет, я жил в Петербурге, занимаясь частными уроками. Я отказывался от предложений службы в провинции, не желая порвать с той средой (народовольческой периферией), в которой я вращался последние 4 года моей жизни в Петербурге. Мне хотелось поехать в провинцию только тогда, когда связи мои с организацией «Нар. Воли» прочно наладятся. К сожалению, именно в это время, т.-е. во второй половине 1882 г., эти связи у меня сильно ослабли вследствие арестов моих личных знакомых: Коновкина, Урсыневича, Дубровина, через которых я всегда мог связаться с действующей революционной организацией. Но на Песках был еще у меня знакомый кружок студенток-медичек, группировавшийся около Розы Федоровны Франк, моей давнишней гимназической еще приятельницы. Этот кружок имел связи не только

с подпольным Красным Крестом, но и с активной революционной организацией. Этими связями я и намерен был воспользоваться.

К этому времени относится и мое первое знакомство с Петром Филипповичем Якубовичем, скоро перешедшее в близкую дружбу. Не помню, по какому поводу мне надо было с ним повидаться. Кажется, по делам помощи заключенным. Он тогда был болен. Помню хорошо, что первое наше свидание произошло в клинике, где он тогда лежал уже выздоравливающим. Свел меня с ним один из братьев Шаталовых,—математик; другой Шаталов, филолог, был однокурсником и приятелем Петра Филипповича. Вскоре Якубович сделался главным звеном, связывавшим меня с действовавшей в Питере революционной организацией.

Чрезвычайно живой, деятельный, он, повидимому, тогда уже решил весь отдаться революционному делу, не оставляя своей работы в легальной журналистике. Помимо стихотворений, которые и тогда уже завоевали ему, молодому поэту, солидную известность, он писал статьи в журналах, в особенности в тогдашнем «Русском Богатстве». Это был небольшой журнал, приобретенный от Бажиной, артелью писателей, близких к «Отечественным Запискам» и пожелавших поставить свой журнал независимо от всяких издателей. Если не ошибаюсь, журнал выходил под редакцией Бажиной. Участвовали в нем и Успенский, и Златовратский и друг., а также молодые писатели, среди них Якубович и Шаталов. Внимание к журналу со стороны писателей с известными именами скоро остыло, и молодым, а главнейшим образом Якубовичу, пришлось вести журнал самостоятельно, наполняя его статьями под разными псевдонимами. Несмотря на загруженность этой журнальной работой, Петр Филиппович вел чисто партийную работу агитатора и организатора. Связи его в обществе и литературных кругах, его популярность среди студентов университета, обаятельность его личности делали эту его работу чрезвычайно успешной и плодотворной.

Всех кружков и лиц, с которыми вел сношения Якубович, я, конечно, и тогда не знал, а из тех, которых лично знал и о которых слышал от него, многих позабыл, несмотря на то, что в 1907 г. после отбытия нами обоими каторги и ссылки, я имел возможность многое снова освежить в памяти при личной встрече. Во всяком случае, думаю, что не лишнее будет привести те фамилии, которые сохранились в памяти. Тут на первом месте приходится вспомнить Р. Ф. Франк и целый кружок медичек, группировавшийся около нее. Это были: Рыковская, Коган, Шитеровская, Горенко и др. В этом кружке вращался нелегальный интеллигент, который вел работу среди рабочих. Ни фамилии, ни клички его я не помню. Знал этот кружок и Василий Андреевич Караулов через свою жену Прасковью Федоровну Личкус, студентку медицины. Из студентов, встречавшихся тогда мне в связи с этой группой, вспоминаю студентов-горняков—Широкова, Кляуса, студентов-технологов—Эрака, Арнольда. Вся эта публика предста-

вляла собою часть интеллигентской периферии активной организации, питавшей последнюю, по мере возможности, как материальными средствами, так и людьми. В январе 1883 г. или в декабре 1882 года П. Ф. Якубович устроил собрание, на котором присутствовали некоторые из вышеупомянутых лиц, а также и другие лица, фамилии которых я забыл. Собрание происходило в помещении редакции журнала «Русское Богатство» на Знаменской улице, недалеко от угла Невского проспекта, в доме, в котором была и моя квартира. Целью собрания было ознакомить нового представителя Исполнительного Комитета «Народной Воли» Комарницкого с этой группой и, конечно, взаимно Комарницкий сообщил кое-что по «текущему моменту», как принято теперь выражаться. Никаких программных вопросов, мне помнится, не выдвигалось. По организационным делам ограничились взаимной информацией, не касаясь принципов организации.

Мы с удовлетворением узнали, что, несмотря на страшные провалы 1881 г. и 1882 г. (последние аресты Богдановича, Прибылевых и др.), все-таки сохранились в России члены Исполнительного Комитета и с одним из них Комарницкий имел непосредственную связь. Фамилий и кличек он, разумеется, не называл, и только впоследствии мы догадались и узнали, что он был послан к нам Верой Николаевной Фигнер. Сообщил Комарницкий нам и о том, что уцелели организации в Москве, Харькове, Одессе, Киеве и других местах; правда, говорил он, старых испытанных работников очень мало, но молодежи—и хорошей—везде вполне достаточно, чтобы вести революционную работу. Поэтому он и нам предложил энергичнее приняться за дело, поставив на первый план несколько конкретных заданий, именно, насколько помнится: 1) поставить как следует «технику», т.-е. типографию и 2) упорядочить и усилить сбор денег. Принцип организации остался прежний,—строго централистский: все мы должны были и лично, и от кружков обращаться с предложениями своих мероприятий и услуг по проектируемым делам к Комарницкому, который и должен был все об'единять.

Собрание это, несомненно, подняло дух и внесло оживление в те кружки, которые с ним соприкасались, и усилило их работу.

II.

К сожалению, это оживление вскоре было омрачено известием об арестах вначале в Одессе (типографии Дегаева), а потом в Киеве и в Харькове В. Н. Фигнер. Комарницкий уехал из Питера и вскоре также был арестован, кажется, в Москве. Разумеется, эти аресты сильно всполошили и нашу питерскую группу, хотя они не коснулись нас, если не считать Комарницкого. Затем осмотревшись, мы начали с новой энергией прерванную работу. Ни растерянности, ни подавленности в нашей группе не ощущалось. Личная связь с цен-

тром после ареста Комарницкого была порвана, да в России после ареста В. Н. Фигнер и не оставалось никого из членов Исп. Комитета. Однако, Комарницкий, уезжая, оставил связи с заграницей и с другими организациями; следовательно мы могли продолжать дела пока совершенно самостоятельно, а потом, связавшись с остальными организациями, постараться об'единиться для совместных действий. Таково было настроение тех лиц петербургской группы, с которыми я главнейшим образом встречался.

В центре группы в то время были братья Карауловы, Николай Андреевич и Василий Андреевич, С. Е. Усова, С. Н. Кривенко. Сносился я с ними чаще всего через Якубовича или через Н. А. Караулова. С Кривенко лично ни разу не виделся. У этих лиц были сосредоточены все оставленные Комарницким связи с заграницей, с другими местными организациями, с литературными кругами, с военными, с рабочими, с молодежью, с нелегальными («профессионалами», как потом говорили). Из нелегальных, помню, я встречал М. П. Овчинникова, Сергея Андреевича Иванова и еще двоих, фамилии и клички которых забыл. Словом, это была центральная группа нашей питерской организации, но Исполнительным Комитетом она никогда не называлась. Прозвание «Соломенный Исполнительный Комитет» могло возникнуть у Г. А. Лопатина разве только потому, что Дегаев, как потом выяснилось, втирая очки Судейкину, представлял этих 4 лиц членами Исп. Ком. «Н. В.». В общем, у нашей организации имелись достаточные средства для того, чтобы содержать «профессионалов» и технику, которая была пока неустроена. С. А. Андржекович (нелегальный) ухитрялся буквально в карманах носить принадлежности маленькой типографии и, кочуя по разным квартирам, печатать небольшие вещи. Были связи среди рабочих, среди молодежи и в так-называемом обществе, словом было все, что необходимо для пропаганды и агитации, для революционной работы,—и она у нас закипела. В особенности энергично работал П. Ф. Якубович, сблизившийся тогда с нашей центральной группой.

В марте 1883 г. решено было нашей группой устроить в Питере типографию, хотя бы для печатания «Листка Народной Воли». Хозяевами этой типографии взялись быть Прасковья Федоровна Богораз и я. В апреле мы наняли квартиру и стали устраивать типографию, которая начала функционировать, впрочем, только в июне. Все это уже описано мною в другом месте [1], а поэтому, не повторяясь, остановлюсь только на одном эпизоде.

В самом начале мая или в конце апреля, когда еще типография не была налажена, наша группа решила еще раз воспользоваться ловкостью Андржековича, напечатать небольшой «Листок Н. В.». Было очень важно как можно скорее проявить таким образом свое суще-

[1] См. «Дешев. Библ.» журнала «Каторга и Ссылка». «Летучая типография «Народной Воли» в 1883 г.».

ствование и очень хотелось огорошить правительство появлением нелегального «Листка» после стольких арестов. Момент был очень важный и этим об'ясняется нетерпение, нежелание дождаться окончания оборудования нашей типографии и решимость опять рискнуть печатать «по способу Андржековича», который ходил из одной квартиры в другую, имея в карманах шрифт, и набирал гранки, оставаясь в каждой квартире не больше нескольких часов, или одной ночи. Сверстка гранок и печатание было более сложное дело и требовало особой просторной квартиры, но все-таки время от времени удавалось выпускать маленькие вещи. К сожалению, на этот раз дело сорвалось. Явившийся ко мне Якубович (Дегаев еще не появился на нашем горизонте) с огорчением сообщил, что в квартире литератора М. А. Протопопова лежит отпечатанная только с одной стороны груда «Листка», что продолжать печатать нельзя, ибо Андржекович[1] либо арестован (не помню точно), либо должен скрыться, а никто другой не возьмется окончить это дело. Тотчас поехали мы к Протопопову, где застали С. А. Иванова, уже нелегального и вызванного, кажется, из Минска для помощи Андржековичу. Семья Протопопова была на даче, поэтому и можно было воспользоваться для печатания этой квартирой. Сам Протопопов присутствовал при наших разговорах,—«как быть с этой бумагой?». Сохранить ее до того времени, когда возможно будет отпечатать и другую сторону, мы нашли нестоящим делом, а поэтому решили свезти ко мне и сжечь в кухонной плите. Сергей Андреевич помог мне доставить эту бумагу на квартиру, и я целую ночь жег ее, благо кухарку мы в то время рассчитали. Трудность работы заключалась в том, что бумага была влажная и ее приходилось сначала подсушивать на плите. Как-никак, первым делом нашей типографии было сожжение нелегальной литературы; но скоро она заработала во-всю, выпустив довольно много нелегальщины. Мы отпечатали: 1) «Листок «Народной Воли» № 1, 2) Приложение к № 1 «Листка», 3) «От мертвых—живым», 4) «Каторга и пытка в Петербурге», 5) «И. С. Тургенев и его стихотворение в прозе «Порог», (На смерть Тургенева), 6) «Листок «Нар. Воли» № 2, 7) Сказка «Царь Ахреян» и еще некоторые мелочи, прокламации, о которых в памяти ничего не сохранилось. Точно так же, к сожалению я не могу указать и авторов статей, помещенных в этих изданиях, знаю только, что сотрудничали у нас Михайловский, Кривенко, Протопопов, Якубович, но какие статьи писал каждый из них и кто еще писал,—я этого не помню.

III.

Положение хозяев типографии заставило нас совершенно «уединиться», и поэтому я очень мало встречался с товарищами и друзьями

[1] Андржекович с Паули были арестованы 6 июня 1883 г., вместе с ручной типографией.—*Ред.*

в период с марта 1883 года по ноябрь того же года, когда типографию решено было убрать, а самим нам скрыться из Питера в виду предполагавшегося террористического акта над Судейкиным. Благодаря этому «уединению», мешавшему моему общению с близкими товарищами, я о многом за это время узнавал только post factum, а между тем время было интересное и тяжелое. Это было время «дегаевщины».

Дегаев явился к нам в Питер, как делегат от В. Н. Фигнер, и, конечно, был соответственно принят. В. Н. была уже арестована. О его предательстве у нас никаких даже намеков на подозрение не было. Центр наш передал ему тотчас же все, в том числе типографию, в которой мы с П. Ф. Богораз начали уже работать. Судейкину Дегаев, должно быть, не выдал нас, или сообщил, да и то не о всех, в порядке «секретных сведений», которые они оба не сообщали официально охранному отделению, а таили между собой и для себя, как об этом рассказывал потом покаявшийся Дегаев. Во всяком случае после убийства Судейкина арестованы были, как отмеченные Судейкиным в охранном отделении, Н. А. Караулов, Усова и Кривенко и только. О типографии же и вообще о нашей деятельности в Питере ни мне, ни моей жене не пред'являлось ни одного вопроса ни на предварительном следствии после нашего ареста, ни на суде. Отсюда можно заключить, что Дегаев не все выдавал Судейкину даже и тогда, когда он еще не покаялся перед парижскими членами Исп. Комитета. Уехал он в Париж в конце июля или в августе 1883 г. тайно от Судейкина, под влиянием страха, что его предательство вот-вот будет обнаружено. Дело в том, что, хотя петербуржцы продолжали относиться к нему с полным доверием, юг и в особенности Одесса были очень встревожены. Одесса совершенно прекратила сношения с нашей группой, Харьков очень осторожничал, Киев тоже. Питерцы не могли, конечно, догадаться, в чем тут дело, но все-таки Дегаев, в руках которого были все нити сношений, чувствовал все большее и большее недоверие со стороны провинциальных организаций и видел, что недалеко время, когда и питерцы заподозрят его, разоблачат с помощью южан и убьют. Тогда-то он и решился ехать в Париж, покаяться и договориться с парижанами об убийстве Судейкина.

Парижане наши ничего не сообщили питерцам об этих переговорах, так что мы были в полном неведении и считали положение своей организации очень хорошим. В самом деле, нельзя было не считать хорошей организацию, в которой была поставлена, хотя и маленькая, но деятельно работавшая типография, был паспортный стол, были деньги, были люди... Например, исполнителями будущего акта над Судейкиным намечались сначала 2 члена питерской организации, 2 морских офицера, а затем, по рекомендации, кажется, Розы Франк, В. П. Конашевич и Н. П. Стародворский, правда, южане-подоляне, но связанные именно с нашей организацией. Наконец, у нас были связи с другими организациями, прекрасные способы перехода через гра-

ницу, благодаря связям с поляками, очень близким, личным, и с Каменец-Подольском. Правда, аресты продолжались, атмосфера недоверия все надвигалась. Как я уже говорил, мы стали замечать растущую тревогу и недоверие со стороны провинциалов, но мы не теряли надежды при возобновлении более тесных личных сношений побороть это недоверие. Для осуществления этого мог послужить с'езд или конференция представителей существовавших организаций, очень желательная и вообще для подсчета сил, для выяснения дальнейшего направления нашей деятельности, для издания, наконец, очередного номера «Народной Воли».

Дегаев был сначала противником такого с'езда. Потом мы узнали, что парижский центр запретил ему устраивать такой с'езд, и, помнится, он очень настаивал, чтобы с'езд был отложен до окончания дела с Судейкиным. Но он не мог нас убедить, не раскрывая своей роли в этом деле, и наша группа настояла на созыве такого совещания до ликвидации дела Судейкина. Г. А. Лопатин тоже не мог при всем своем желании помешать этому с'езду, так как он опасался, да и не должен был вращаться в среде членов нашей группы. Присланный парижским центром с тем, чтобы следить за выполнением Дегаевым его обязательств [1], он виделся, кажется, только с Дегаевым и с исполнителями Стародворским и Конашевичем на квартире, которую специально для этого деля наняла Руня Краницфельд. К слову сказать, роли Дегаева исполнители совершенно не знали. Каким образом Судейкин будет завлечен в ту квартиру, где они должны будут вместе с Дегаевым убить его,—они понятия не имели; это мне говорили оба—и Стародворский, и Конашевич, при чем прибавляли, что они убили бы на месте и Дегаева, если бы знали о его предательстве.

Итак, по настойчивому желанию нашей группы было решено созвать представителей уцелевших организаций на конференцию с целью укрепить связи, обсудить дальнейшую деятельность и пр. Представителем парижского центра у нас на этой конференции считался Петр Алексеевич, т.-е. Дегаев. При обсуждении списка участников этой конференции я не присутствовал, а поэтому и не знаю, кто был приглашен, могу только довольно точно вспомнить тех, кто присутствовал на ней. Из нашей питерской группы участвовали в ней Н. А. Караулов, (В. А. был уже спроважен Дегаевым в Париж), Усова, Якубович, П. Ф. Богораз, я, Дегаев и К. А. Степурин. С последним я впервые на первом собрании и познакомился. Из Киева был один только Росси. Зато от поляков-пролетариатцев, было трое: С. Ч. Куницкий, Ф. Ю. Рехневский и А. Н. Дембский. Бросалось в глаза отсутствие представителей из Москвы, Харькова, Одессы и других

[1] Г. А. Лопатин в письме к В. В. Водовозову говорит, что парижане ничего ему не сообщали о Дегаеве, и он приехал в Петербург помимо их желания. В Петербурге сам Дегаев сознался Лопатину, и тот стал наблюдать за тем, чтобы обещание было выполнено. См. сборник «Г. А. Лопатин». Изд. Колос. Петерб. 1919 г.—*Ред.*

мест. Дегаев об'яснял это арестами, невозможностью во́-время приехать и пр., но не только, мне, но, должно быть, и другим стало ясно, что конференция обращается в совещание питерской группы с представителями «Пролетариата» и Киева. Тем не менее мы собирались раза 2—3, не больше. Не все выше перечисленные лица посещали все собрания; но Дегаев, Степурин, Куницкий были, насколько помнится, на всех, на которых я был.

На собраниях наших споров по программным вопросам не происходило. Для нас, петербуржцев, программа Исполнительного Комитета оставалась основой нашей деятельности. Рехневский, от имени «Пролетариата», не оспаривая нашу программу, изложил программу «Пролетариата». Никто ему не возражал; прения, насколько помню, велись в духе осведомительности и обмена мнений. Относительно тактики, действительно, выявилось нечто новое, а именно высказано было мнение о необходимости приблизить террористический метод к массам. В подкрепление этого мнения приводился пример Желябова, который посылал Рысакова для совершения террористического акта (в Новгородскую губ., кажется) над каким-то незначительным чиновником, совершившим возмутительное насилие над целой деревней. Словом, на этом нашем совещании проявилось уже то, что впоследствии в полемике между «старыми» и «молодыми» народовольцами фигурировало под названием «аграрный» и «фабричный» террор. В организационном отношении высказывались за желательность большей самостоятельности местных групп. Все эти обсуждения были, как бы предварительными, никаких решений категорических, окончательных я не помню. Твердо было установлено только следующее: 1) считать «центральной» группу из Дегаева, Н. Караулова, Росси и Степурина, как секретаря, 2) центральная группа должна окончить дело с Судейкиным, 3) после благополучной ликвидации Судейкина, связавшись с парижским центром и с его согласия, созвать с'езд из представителей уцелевших организаций, и, наконец, 4) подготовить и выпустить очередной № «Народной Воли».

В таком виде припоминается мне эта конференция, участники которой, за исключением Куницкого, и не подозревали о роли Дегаева, о его тождестве с агентом охранки Яблонским. Все это сделалось для нас ясным только после убийства Судейкина, в частности я и Пр. Ф. Богораз узнали все подробности этого акта уже в Киеве из рассказа Конашевича, а затем из рассказа, приехавшего из Парижа Караулова. Куницкий посвящен был в эту тайну, так как он должен был перевести и сопровождать Дегаева через границу после совершения акта, со строгим наказом в случае опасности ареста сначала застрелить Дегаева, а потом действовать по обстоятельствам. Дегаев знал об этом и боялся Куницкого,—сделалось это для меня ясным только впоследствии в результате одной сцены, которая запомнилась мне, но была для меня тогда очень загадочна.

Дело было на конспиративной и очень укромной квартирке, куда

я пришел по приглашению Дегаева, который, кажется, и дверь отворил на мой звонок. В квартире я застал еще только одного, кажется, Степурина, а Куницкий вскоре пришел, когда я с Дегаевым уже завели какой-то разговор, сидя у маленького столика друг против друга. Не прерывая разговора, мы поздоровались с Куницким, который постояв около меня, слушая, что говорил Дегаев, сделал тихонько 2—3 шага, как бы для того, чтобы встать сзади стула Дегаева. Дегаев вздрогнул, лицо его побелело и перекосилось, он привстал и вполоборота взглянул на Куницкого, который спокойно взяв ближайший стул, сел опять ближе ко мне. В эти мгновения я внимательно слушал Дегаева, смотря ему в лицо, поэтому хорошо заметил эту мимолетную игру его физиономии, которую Куницкий, возможно, и не заметил. Думается мне, что у Дегаева мелькнула мысль, не намеревается ли Куницкий стать сзади, чтобы удобнее застрелить его. Все это, повторяю, пришло мне в голову потом, а тогда все мы были в весьма доверчивом настроении, хотя и были очень озабочены предстоящим террористическим актом.

Вскоре после этой конференции я с женой должен был уехать сначала в Москву, а потом в Киев, где мы и узнали, что питерская организация, несмотря на то, что акт над Судейкиным удался, и непосредственные участники—Дегаев; Стародворский, Конашевич, Руня Кранцфельд—успели скрыться, все же сильно пострадала. Были арестованы по записи у Судейкина: Н. Караулов, Усова, Кривенко, а на похоронах Судейкина Росси, и, как говорили, по его указанию, Мар. Пав. Кулябко, напечатавшая прокламацию о Судейкине и раньше работавшая в моей типографии.

И. И. Попов.

Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах.

I.

Студенческие кружки.

После 1 марта 1881 г. и, особенно, июньского погрома в 1882 г. в Петербурге существовал целый ряд студенческих кружков, независимых от «Народной Воли» и критиковавших программу Исполнительного Комитета. Некоторые из этих кружков были независимы и от центральных кружков собственного учебного заведения. Так в университете были, напр., кружки студ.-молоканина Степанова и Н. И. Семенова, будущего члена I Государственной думы. Последний вначале не желал войти в обще-университетскую организацию, которую возглавлял центральный университетский кружок, признававший программу Исполнительного Комитета. У путейцев на ряду с народовольческим кружком, организованным С. П. Дегаевым и С. Ч. Куницким, были кружки, независимые от него, напр., А. Я. Ауслендера. К одному из таких кружков принадлежал и князь Г. З. Андронников, потом вошедший в кружок Куницкого. Такие же кружки были у строителей (кружок Виноградского), в медико-хирургической Академии (кружок Бардаха и др.), у технологов (И. А. Прозоровского и Ф. Ястрембского), многочисленный кружок «бестужевок» (Судакова, С. Л. Обуховская, Гомолицкая) и др. Некоторые из этих кружков были только кружками саморазвития, другие вели революционную работу—занимались с рабочими, гектографировали и т. п.

К числу активных, революционных кружков нужно отнести значительную группу благоевцев, довольно многочисленный кружок милитаристов, базировавшихся в своей работе исключительно на военных, и незначительный кружок немистов с их нелепой программой захвата власти, после чего они посадят собственного царя, который

путем декретов проведет социалистические реформы. Эта группа была подозрительна, во главе ее стоял писатель Гр. П. Сазонов. Про группу говорили, что она организована чуть ли не Судейкиным. Среди поляков до «Пролетариата» в Петербурге, главным образом, в Технологическом институте, были довольно многочисленные кружки, мечтавшие о восстановлении исторической Польши. Они готовились к восстанию с целью отделения от России. Когда возникла партия «Пролетариат», эти кружки повели борьбу с пролетариатцами, убеждая приезжавших из Польши новичков-студентов не примыкать к социалистам. Студенты поляки окрестили эти кружки общим названием «Доезжальня».

В университете был еще кружок А. А. Корнилова, Д. Ю. Старынкевича (брата И. Ю. Старынкевича), Д. И. Шаховского, Ф. и С. Ф-чей Ольденбургов, Н. М. Гревса, будущего тов. министра вн. д. Крыжановского и др. Этот кружок уклонялся от всякой политики и явился инициатором научно-литературного общества, председателем которого был проф. Ор. Ф. Миллер. Когда в это общество вошли правые студенты и пожелали направить общество на борьбу с революционными течениями, то кружок Корнилова-Шаховского повел с правыми борьбу и они вынуждены были уйти из общества. Члены этого кружка, не сочувствовали студенческим волнениям, но не уклонялись от сходок, и в 1882 г. во время волнений по поводу Поляковского общежития были арестованы со всеми студентами, забранными в шинельной, и вместе со всеми были уведены в манеж Павловского училища.

Были и такие кружки, которые стояли на студенческой платформе и отстаивали чисто-профессиональные интересы студенчества, не раз являясь застрельщиками студенческих волнений. Эти кружки превыше всего ставили академические интересы и добивались автономии. Центральный кружок университета не раз предостерегал студентов не затрачивать свои силы на борьбу за академические интересы, а беречь их для революционной борьбы. Студенческое бесправие и многие дефекты высшей школы проистекают от общих условий русской жизни—гнета, бесправия, отсутствия свободы печати, личности и научного исследования и т. п. причин... В таком духе была опубликованная, кажется, в конце 1881 года, прокламация по поводу харьковских студенческих волнений, призывавшая студентов организоваться на революционной платформе, а не поддаваться провокации, благодаря которой, во время волнений, выхватываются ценные силы. Эта прокламация одобрялась далеко не всеми студентами.

В 1881—1882 г.г. одним из активных членов центрального кружка университета был П. Ф. Якубович (Л. Мельшин), с которым я близко сошелся. Он мечтал о создании студенческих легального журнала и нелегальной газеты. И тот, и другая должны были об'единить студенчество, а журнал еще и воспитать студентов в общественном и научно-литературном отношениях. Газета должна была преследовать агитационные цели и об'единить студенчество всей России на

революционной платформе. Вначале Якубович пытался издавать сборники «Отклик», из которых один вышел, а другой уже в отпечатанном виде был задержан цензурой, главным образом, из-за стихотворений самого Якубовича. К участию в сборнике Якубович привлек большие литературные силы. Когда сорвалось дело с «Откликом», он приспособил для намеченной цели принадлежавший Бажиной журнал «Русское Богатство» и издал несколько номеров. В 1882 году этот журнал приобрел Л. Оболенский, Якубович отошел от журнала.

Газета также была близка к осуществлению,—о ней было опубликовано в прокламации центрального университетского кружка. Но июньские аресты 1882 года не дали вполне осуществиться этому предприятию. Печатный орган заменили гектографированным, который печатался в гектографии, организованной С. И. Чекулаевым, А. В. Пихтиным и мною. В течение 1882—1883 года было выпущено 5 номеров газеты «Студенчество».

Среди обособленных кружков, хотя стоявших на платформе «Народной Воли», но потом по конспиративным соображениям несколько отошедших от партии, мы должны отметить значительную и серьезную по своим заданиям и деятельности «революционую группу», которая в 1882 г. своей численностью, организованностью и систематической деятельностью выделялась среди кружков и групп и даже партийных организаций не только в Петербурге, но и в других городах. Группа эта возникла из студенческого университетского кружка, организованного еще в 1880 году. Основателями этого кружка были В. А. Бодаев, здравствующий поныне, и Н. М. Флеров, студенты естественники, а позднее юристы, окончившие Рязанскую гимназию. Еще на гимназической скамье они много занимались, вымуштровали себя, выработали в себе чувство ответственности за свои действия, чем выгодно отличались от других товарищей-студентов. Оба они были связаны друг с другом узами тесной дружбы, идейно спелись несмотря на то, что Флеров был по характеру более ровный, чем экспансивный Бодаев. Никто из них один без другого не принимали каких-либо серьезных решений.

Целью кружка, в который входили Л. М. Коган-Бернштейн и П. Подбельский, были занятия с рабочими. Связь кружка с Исполн. Комитетом поддерживала С. Л. Перовская; Флеров и Бодаев знали Желябова, А. Франжоли, Исаева, Коковского и др. После демонстрации 8 февраля 1881 г. в университете Подбельский и Бернштейн, сделавшись нелегальным, отошли от кружка, а после 1 марта 1881 г. Флеров и Бодаев остались одни. В конце 1881 г. они образовали новый кружок, который вошел в партию, как «подготовительная группа партии «Народной Воли».

К этому моменту относится мое знакомство с Н. М. Флеровым, а через него и с В. А. Бодаевым. Они «процеживали» новых людей, всесторонне обсуждая их пригодность для революционного дела,— «процедили» они и меня. 1881-82 учебный год для меня был послед-

ним годом в институте и я был завален работами по выпускным сочинениям, пробным урокам и экзаменам. Я уклонился от вступления в группу до окончания института, но поддерживал, особенно с Флеровым, деятельные сношения и даже организовал в учительском институте склад группы.

Июньский провал динамитной мастерской Прибылевых на 11-й линии Васильевского Острова и вслед за ним многочисленные аресты народовольцев, фактически уничтожившие Исполнительный Комитет, заставили Бодаева и Флерова насторожиться. Они продолжали вести работу в рабочих кружках, но чтоб насколько возможно лучше законспирировать себя и те кружки и отдельных лиц, которые были связаны с ними, решили обособить себя от других организаций и никому, даже партийным людям, никаких сведений не сообщать о том, что делается в их группе. Эта двойка—Бодаев и Флеров—представили собою Центральный комитет группы, в состав которого тем же летом вошел и я. Мы трое возглавляли группу до осени 1883 г., когда в наш центр мы ввели Ф. В. Олесенева и П. Н. Мануилова. Обособившись от «Народной Воли», Бодаев и Флеров продолжали быть народовольцами, виделись с членами партии, но в ход нашей работы их не посвящали. Сношения Бодаева и Флерова с народовольцами делались все реже и реже, хотя еще в январе 1883 г. Бодаев выполнил одно довольно рискованное дело. Из Харькова от В. Н. Фигнер в Петербург приехал И. Н. Комарницкий, с которым Бодаев часто виделся. Судейкин узнал о пребывании Комарницкого в Петербурге, и ему нужно было бежать из Петербурга, но так, чтобы миновать вокзал. Дело это устроил Бодаев совместно с С. С. Салазкиным, Е. И. Шмаровым и бестужевкой А. В. Кузнецовой: Комарницкого увезли из Петербурга на тройке в Любань, оттуда он поехал уже по железной дороге. В Москве, однако, его арестовали и выслали на 5 лет в Вост. Сибирь.

В состав группы входили студенческие кружки, специально подготовлявшие пропагандистов, и кружки рабочих; число последних к лету 1883 г., когда группа вошла в тесный контакт с петербургской народовольческой организацией, значительно увеличилось. В каждом таком кружке мы об'единяли от трех до шести рабочих. Были в нашей группе и солдатские кружки, при чем мы никогда не собирали в кружок солдат одного полка, а старались об'единить солдат разных полков в один кружок. С солдатами занимались под открытым небом—на Карповке, островах, кладбищах, Смоленском поле и др. местах. На квартиры рабочих солдат мы не водили, чтобы не скомпрометировать их и ими—рабочих. Пропаганда среди солдат каралась строже, чем пропаганда среди рабочих. В исключительных случаях более развитых и надежных рабочих знакомили с солдатами и даже поручали им кружки. Каждый студент-пропагандист имел один-два, много, три кружка рабочих. Пропагандисты также об'единялись в кружки, которыми руководили

Флеров, Бодаев, я, С. С. Салазкин, будущий директор женского медицинского института, и, позднее, Ф. В. Олесенев, П. Н. Мануилов, Г. Н. Добрускина. Из рабочих помню механика Игнатова, столяра Богданова, Косицкого, Антона Цируля. Припомнил бы и других, если бы их фамилии были напечатаны в «Альманахе», или «За сто лет», или в №№ «Народной Воли». К сожалению даже в хрониках арестов нет фамилий рабочих, хотя многие из них и были арестованы.

Наша группа была организована исключительно для занятий и пропаганды среди рабочих и до 1883 года никакими другими делами не занималась. Исключением был я, так как у меня были связи с народовольцами и этими связями и, благодаря им, делами я поступиться не мог. На этом условии я вошел в группу. Группа была вызвана к жизни условиями и формами революционной борьбы, в которые вылилась деятельность «Народной Воли».

II.

Среди рабочих.

Не нужно забывать, что масса рабочих мало интересовалась политической стороной вопроса в то время, как экономические вопросы и положение рабочего класса всегда возбуждали интерес в рабочем. Развитие политического сознания в рабочей среде мы признавали также необходимым. Но это лучше нас могли сделать старые рабочие. К сожалению, уже к 1 марта 1881 года ни «Северного Рабочего Союза», ни «Рабочей Группы», фактически уже не существовало, если не считать кружка Флерова и Бодаева. В. С. Панкратов в своих воспоминаниях в «Былом» пишет, что конец 1880-го и начало 1881-го года были чрезвычайно тяжелы для рабочей группы. Силы партии были вовлечены в террористическую борьбу и подсобные ей дела. Сил для занятий с рабочими нехватало. Правда за это время были изданы 2-й и 3-й номера «Рабочей Газеты», но, несмотря на это доказательство, сплоченной, планомерной, действующей рабочей организации у «Народной Воли» уже не было. Были кое-какие кружки, которые часто теряли связь с интеллигентами и нередко продолжали существовать самостоятельно и мы потом наталкивались на них.

В это время работала только группа Флерова—Бодаева. Целью группы была работа только среди рабочих, ремесленников и групп, по характеру подходящих к ним. Дело это группа Флерова считала чрезвычайно важным, самодовлеющим, которое не следует компрометировать связью с другими революционными организациями, особенно с террористами. Изучая историю террористической борьбы, мы приходили к выводу, что террор нецелесообразно губил революционные силы, вводил в борьбу момент случайности и требовал

в организационном отношении самого строгого централизма, что при провалах не раз губило народовольческие организации. Такая строго-последовательная централистическая организация совершенно непрактична в рабочей группе. Для террора рабочие организации не нужны, и быть может вредны. Нам самим нужно заняться организацией «Рабочей группы» и создать фундамент-базу для планомерной революционной борьбы, а это возможно будет только тогда, когда дело освобождения рабочих и всего трудящегося народа перейдет в руки самого народа.

Мы признавали необходимым добиваться минимума политических прав, свободы печати, союзов и агитации, при условии которых только и возможно правильно поставить организацию рабочих для борьбы за лучшее будущее. Но ради этих политических завоеваний мы не считали возможным отказаться от пропаганды социализма. Мы мечтали через рабочих связаться с крестьянством, предполагая наиболее развитых отправлять на родину, в деревню.

«Петербуржец» в своей брошюре «Очерк рабочего движения в Петербурге» говорит, что в 1882 году группа народовольцев имела рабочие кружки в различных фабричных районах. Я думаю, он говорит о кружках нашей группы, или благоевцев, так как в это время других кружков рабочих в Петербурге не было. С рабочими из народовольцев в Петербурге в конце 1881 и в 1882 году продолжал заниматься только один О. Нагорный, который вскоре был арестован с тремя рабочими—Евсеевым, Хохловым, Кузюмкиным—по обвинению в убийстве шпиона Прейма.

Последний был убит Евсеевым. Рабочий Горшков, арестованный раньше их, стал выдавать и был освобожден Судейкиным на обычных для последнего условиях. Горшков случайно встретил на улице Нагорного, проследил его, узнал фамилию, которой он не знал, и выдал его Судейкину. Нагорный, Евсеев, Хохлов и Кузюмкин судились и были приговорены к каторге.

В нашей работе мы не раз наталкивались на отдельных рабочих, а иногда и на кружки, принадлежавшие к «Рабочей группе «Народной Воли», или к «Северному рабочему союзу» и даже к «Земле и Воле». Они потеряли связь с партией, но продолжали работать самостоятельно и имели огромное влияние на рабочих. Землевольцы уже были народ пожилой и вполне установившийся. Такие встречи укрепляли в нас веру в возможность передачи революционного дела в руки трудящихся. Вопрос о русском пролетариате в то время у нас еще не возбуждался.

К лету 1882 года наша группа была настолько значительна и прекрасно организована, с собственной гектографией и даже типографией, помещавшейся в чемодане, что перед нами встал вопрос о программе, которую следовало обдумать и формулировать.

Мы признали, что все революционное дело должно быть передано в руки самого народа и рабочих, а для этого необходимо подготовить

и воспитать вполне сознательных и критически мыслящих рабочих, которых, по мере их подготовки, следует вводить в центр группы. Мы наметили нескольких рабочих, которых решили об'единить в особый кружок для того, чтобы начать заниматься с ними серьезно. Другой подобный же кружок мы наметили для деревни. Мы также признали старый прием хождения в народ интеллигенции, отвергнутый еще в 70-х г.г., нерациональным. С народом необходимо связаться через рабочих, из среды которых нужно подготовлять агитаторов для деревни, а потом отправлять их на родину и помочь им устроиться там. В наш центральный кружок, благодаря дегаевским провалам, из рабочих мы не ввели никого. В деревню же, особенно летом, ездило несколько человек.

В связи с деятельностью среди рабочих и в деревне естественно встал перед нами вопрос о средствах пропаганды и агитации, вопрос о том, как и какими средствами обратить внимание рабочих и крестьянской массы на революционную борьбу. Из личного опыта мы знали, что вопросы политики меньше интересуют рабочих, не говоря уже о крестьянах, чем вопросы хозяйства и экономики.

К политическому террору рабочие, не говоря уже о крестьянах, относились равнодушно; он не всегда был понятен для них, а иногда в широких рабочих массах трактовался в нежелательном направлении. Между тем для успеха революционного дела среди народных масс нужна была пропаганда не только словами, но и фактами. Какие же могли быть факты? В 1883 г. между нами обсуждался вопрос о целесообразности—в целях популяризации в массах идеи революционной борьбы,—экономического террора и даже намечались те исключительные случаи, когда, как нам казалось, возможно было применять этот террор. Нам было известно, что этот вопрос поднимался на Воронежском с'езде землевольцев в 1879 г. и не встретил там возражений. Конечно, обсуждение вопроса об экономическом терроре имело чисто академический характер. Мы были только местной, петербургской организацией и не считали себя морально и политически правоспособными начать практиковать этот террор, да для этого у нас не было и сил.

Перейдем теперь к нашим занятиям с рабочими. Демагогические приемы при занятиях с рабочими мы считали нецелесообразными, негодными для выработки из рабочих сознательных людей. Демагогия целесообразна в момент революционного разгара, когда нужно нанести удар и не упустить момента. В подготовительный период такие приемы возможны только при стачке или бунте. В занятиях же с рабочими демагогия вредна, приучая слушателя к фразе, несерьезному отношению к науке и занятиям. Избегали мы и догматического социализма, а исходили из положений научного социализма, беря за основу К. Маркса и «Примечания» Н. Г. Чернышевского. Если рабочие оказывались дельными, интересующимися, достаточно развитыми людьми, мы начинали заниматься с ними отдельно и знако-

мили их с историей литературы, основами политической экономии, положением рабочего класса и крестьянства у нас в России и за границей, более серьезно с классовыми отношениями, с государственным устройством и т. д. Мы были социалистами-народниками, с рабочими мы всегда занимались у них на квартирах и нас встречали приветливо. Конечно, ходили к ним в костюмах «под рабочего» и назывались псевдонимами, а не собственными именами. Только я не менял ни имени ни отчества, а назывался Ив. Ив. Очень редких, выдающихся рабочих мы знакомили с некоторыми нашими конспиративными квартирами; а, напр., наборщик Никвист стоял близко ко всем нам и бывал у нас.

Рабочие, я не говорю уже о выдающихся, а о массе, с интересом слушали все, что касается их положения, капиталистического строя и иных форм хозяйства. Даже такие отрасли политической экономии, как деньги, кредит и финансы, привлекали их внимание, и рабочие старались уяснить все эти премудрости, задавая нам вопросы. Политика мало интересовала большинство рабочих, зато международная классовая солидарность рабочих, характеристика классов—были наиболее интересными вопросами для рабочих. Не скажу, чтобы самое понятие класс у нас выкристаллизировалось так четко, как это было сделано значительно позднее в программе социал-демократов. Рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию мы об'единяли в одну группу и противопоставляли ей народившуюся буржуазию, землевладельцев и бюрократию с царем во главе. Пролетариат входил в первую группу, да в России мы его, пожалуй, не особенно принимали в расчет. К либеральной демократии мы относились без вражды, пользовались ее услугами и считали ее нашим союзником в борьбе с царским самодержавием. «Нам с ними еще долго будет по пути».

Рабочие в общем занимались толково, хорошо слушали историю, любили беллетристику, особенно если она касалась быта крестьян или рабочих. Многие заучивали наизусть Некрасова, Никитина и др. поэтов. В большинстве случаев рабочие серьезно относились к своим занятиям, любили нас и готовы были оказывать нам всевозможные услуги. Среди молодежи попадались отдельные лица, которые увлекались фразами и не прочь были похвастаться перед товарищами своим знакомством с революционерами. От таких рабочих, если они не исправлялись, мы старались отстраниться; более серьезно настроенные рабочие помогали нам в этом.

Система занятий с рабочими была такова: мы прочитывали статью или рассказ, а потом беседовали по поводу прочитанного. Часто сами рабочие подымали интересующие их вопросы, а то и мы сами предлагали рабочим продумать тот или иной вопрос, по поводу которого будем беседовать в следующий раз. Обращали их внимание на текущие события в России и за границей. Для занятий мы пользовались легальной и нелегальной литературой, конечно больше легаль-

ной—журнальными статьями, рассказами Наумова, Орфанова («Мишла»), Златовратского, Г. Успенского, «Эммой» Швейцера—«Историей одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Спартаком» Джиованиолли и др. Читали рабочим И. И. Иванюкова, Лассаля, «Примечания к Миллю» Чернышевского, Флеровского и др. К. Маркса реферировали, и эти рефераты, как и статьи Лассаля, старую «Рабочую Газету», «Зерно» чернопередельцев, брошюры 70-х г.г., а позднее и др. мы гектографировали в своей мастерской. Журналы, статьи, рассказы мы оставляли рабочим, но нелегальную литературу, гектографированные издания Лассаля, Чернышевского и т. п. мы оставляли рабочим только в редком случае, если мы были вполне уверены в осторожности рабочего.

Мы не игнорировали малограмотных и безграмотных рабочих и обучали их грамоте и счету. Для обучения их у нас имелся кадр учителей и учительниц из студентов и курсисток. Г. Н. Добрускина начала революционную деятельность с обучения рабочих грамоте и счету. У нас были связи со школами и курсами для рабочих. Эти школы и курсы устраивало Техническое общество на фабриках и заводах. Два моих брата—технолог и учитель,—а также некоторые мои товарищи по учительскому институту преподавали в этих школах, в которые мы направляли рабочих. Учителя, в свою очередь, указывали нам на выдающихся своих учеников и советовали нам обратить внимание на них. Мы признавали полезным давать нашим рабочим и практические сведения по их профессиональной работе, если только у нас находились специалисты, каковыми были инженеры, мастера, художник Эзов, учительницы кройки и шитья и др. Все это сближало нас с рабочими. Для обучающих грамоте я, как педагог, дал несколько образцовых уроков и читал лекции по методике и обучению грамоте и счету.

Мы признали необходимым смягчить железную централизацию, так характерную для террористической партии, конечно, и для «Народной Воли». Мы склонялись сделать центр партии представительным от групп органом и в наш центральный кружок вскоре ввели Ф. В. Олесенева, технолога, в конце же 1883 года студента П. Н. Мануилова. По нашему мнению, революционная организация на местах должна была быть автономна в пределах программы, центр же должен был координировать, об'единять и направлять деятельность групп, не лишая их самостоятельности и инициативы.

Кроме гектографии Пихтина и Чекулаева и фотографической мастерской, к осени 1882 года у нас явилась и переносная, до чрезвычайности компактная типография. Станок, рама, которую можно было приспособить к любому размеру, наборная касса и другие части были сделаны нашими слесарями и токарями - рабочими по рисункам. Вся типография помещалась в небольшом чемодане. На этом станке в 1882 году печатали листки для сбора пожертвований, а в марте 1883 года напечатали воззвание к русскому обще-

ству, в котором, если я не ошибаюсь, некоторые усмотрели мотивы чернопередельцев. На станке работали С. А. Андржекович, не состоявший в нашей группе, и наборщик Никвист, член нашей группы, но тогда уже перешедший к народовольцам.

III.

Слияние с «Народной Волей».

Флеров и Бодаев во время дегаевщины еще более законспирировались и уклонились от знакомства с народовольцами и другими партийными людьми. Но они уже примирились с тем, что я был знаком с народовольцами, дружил с П. Ф. Якубовичем, иногда бывал на собраниях «Соломенного комитета»[1] у В. А. Караулова, виделся с С. А. Ивановым («Заикой»), когда он приезжал в Петербург, часто бывал у С. Е. Усовой, участвовал в «Обществе помощи политическим ссыльным и заключенным» («Синий Крест»), через меня получались от почтового чиновника С. Антонова сведения о лицах, переписка которых бралась под контроль. Флеров верил в мою осторожность и конспиративность. С согласия Флерова, я ознакомил Карауловых и Якубовича с нашей организацией, при чем Н. А. и В. А. Карауловы и особенно П. Ф. Якубович соглашались, что централизация, проникающая всю организацию «Народной Воли», вредна для партии. Вопрос этот они предполагают поднять на с'езде, который надеются созвать в течение года. С'езд, далеко неполный, состоялся в октябре 1883 года,—о нем скажу ниже.

Я убеждал Флерова и Бодаева познакомиться с Карауловыми и Якубовичем, которые настаивали на слиянии нашей группы с «Народной Волей», предлагая нам стать «Рабочей группой народовольцев» и гарантируя нам широкую автономию.

К осени 1882 года наша группа среди всех петербургских организаций, не исключая и народовольческой, была самая многочисленная и при этом хорошо организованная и дисциплинированная. В это же время в Петербурге, кроме нас, вела занятия с рабочими и имела организацию группа Д. Б. Благоева и П. А.Латышева. В состав ее входили: Н. А. Бородин (лесник и будущий член 1-й Государственной думы), М. М. Теселкин, В. Г. Харитонов, П. С. Благославов, П. П. Аршаулов, князь Кугушев, Шатько и др. Организатором группы был Д. Б. Благоев, а теоретиком ее врач П. А. Латышев. Эта группа принимала социал-демократическую программу,

[1] Так впоследствии Г. А. Лопатин прозвал собрания у В. А. Караулова, не особенно считаясь с тем, что заслуга обоих братьев Н. А. и В. А. Карауловых и П. Ф. Якубовича после июня месяца 1882 года, когда арестовали Прибылевых, Корба и друг., была огромная: они собрали и вновь об'единили петербургскую организацию «Народной Воли».

так же считая, что дело освобождения рабочего класса должно проводиться руками рабочих и трудящихся. Благоевцы признавали, что минимум политических прав в России необходим для того, чтобы выйти из подполья, и с этой точки зрения считали уместным письмо Исполнительного Комитета к Александру III. Благоевцы пользовались и охотно распространяли наши гектографированные издания. С благоевцами мы встретились случайно, через наших рабочих, о чем я уже писал в своих «Воспоминаниях» [1]). Работали мы с ними в тесном контакте, часто передавали друг другу кружки рабочих и даже пропагандистов. Флеров сдружился с ними. Наша дружба не прекращалась до нашего и их (в 1885 году) разгрома. В 1885 году, в январе, наши кружки распространяли № 1 листка благоевцев «Рабочий», со статьями Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. После ареста многих благоевцев и высылки Благоева за границу (он был болгарин и стал лидером болгарских социал-демократов, а потом коммунистов) с их рабочими стали заниматься оставшиеся не арестованными их и наши пропагандисты.

К 1882 году через юнкеров военных училищ (в нашей группе был кружок юнкеров) мы встретились с кружком милитаристов. Они работали среди военных и мечтали о захвате власти руками военных. К рабочим и интеллигенции они относились, пожалуй, даже пренебрежительно, хотя и называли себя социалистами, но осуществление социалистического идеала относили к далекому будущему. Были у них солдатские кружки. С милитаристами нам делать было нечего. Они ничего не имели общего с военной организацией «Народной Волей».

Осенью 1882 года наша группа сблизилась с пролетариатцами. Я был знаком через курсисток С. Обуховскую, Онуфрович, Гомолицкую, а также студентов Гриневецкого и А. В. Подбельского со студентом-путейцем С. Ч. Куницким, юристом Ф. Ю. Рехневским, математиком А. Н. Дембским и др. поляками, организаторами партии «Пролетариат». Я близко сошелся с тремя названными студентами.

Куницкий был народовольцем, а потом уже стал пролетариатцем. Мое знакомство и сближение с поляками произошло в то время, когда они создавали «Пролетариат» и вели борьбу с «Доезжальней». Программа «Пролетариата», в которой было много общего с намеченной программой нашей группы, заинтриговала Н. М. Флерова, и он пожелал познакомиться с поляками. Я свел его с Рехневским, которого за обширные знания и образованность звали «маленьким Марксом». Он был потом одним из редакторов журнала «Пролетариат». Флеров и Рехневский остались довольны друг другом. Вскоре из Варшавы приехали трое рабочих, которые были вполне

[1] «Минувшее и пережитое». Т. I. «Годы борьбы». Ленинград, 1824 г., изд. «Колос».

развитые люди. По рекомендации пролетариатцев они вступили к нам в группу, и, освоившись с русским языком, сделались великолепными пропагандистами. Это было ценное приобретение для нашей группы. Флеров и Бодаев познакомились также с Куницким и Дембским. Пролетариатцы посылали нам молодых студентов-поляков, как говорил Дембский, «для обучения и практики в пропаганде среди рабочих».

Знакомство и отчасти совместная работа нашей группы с пролетариатцами содействовали сближению нашей группы с народовольцами, а затем и самих пролетариатцев с «Народной Волей». В конце 1882 года Флеров был уже знаком и с П. Ф. Якубовичем, а в декабре 1882 года он и Бодаев виделись с С. В. Никитиной, приезжавшей в Петербург от В. Н. Фигнер. Когда же в январе из Харькова от В. Н. Фигнер приехал И. Н. Комарницкий, то у нашей группы уже шли переговоры с Карауловыми и Якубовичем о слиянии с «Народной Волей».

IV.

«Народная Воля».

В феврале мы вошли в состав народовольческой организации на автономных началах. Кажется не успели еще закончиться переговоры о слиянии, как на «Народную Волю» посыпались удары. Арест В. Н. Фигнер, провал «военной организации», о значительности которой мы знали, и другие аресты наводили нас на мрачные размышления. Под влиянием этих арестов и разных предположений мы поставили Карауловым, Якубовичу и С. А. Иванову условие, чтобы они пока никому не сообщали о нашей группе, даже за границу. Сношения с «Народной Волей» остались на мне.

После слияния наш центральный кружок стал называться центральным комитетом «Рабочей группы партии «Народной Воли». Флеров и Бодаев продолжали работу исключительно в нашей группе. Ф. В. Олесенев помогал им и в то же время «на случай» был в курсе моих сношений с народовольцами по делам нашей группы, которую в беседах между собой мы всегда называли не «Рабочей группой», а «нашей группой».

У петербургских народовольцев в то время еще не было типографии. М. П. Шебалин только-что приступил к организации этого предприятия. У нас же была переносная летучая типография. В мае месяце мы спасли, как выразился С. А. Иванов, честь партии, напечатав прокламацию от имени «Народной Воли», по поводу коронации Александра III. Печатали ее Андржекович, наборщик Никвист, член нашей группы, и Паули. Никвист пытался напечатать эту прокламацию в типографии Академии Наук, на 8-й линии Васильевского острова, но был накрыт, бросил набор, успел

скрыться и перешел на нелегальное положение. Тогда Андржекович снял комнату, как он говорил «у глупой чухонки в Коломне», и, якобы справляя новоселье, с Паули и Никвистом напечатали коронационную прокламацию.

Наша летучая типография вскоре была водворена Андржековичем и Паули на постоянную квартиру, но в июне 1883 года она была арестована, а вместе с ней Андржекович и Паули [1]).

В сборнике «За сто лет» сказано, что в этой типографии были изданы «К русскому обществу», прокламация 1 марта и «По поводу коронации». Но это не совсем верно. Все это было напечатано на нашем переносном летучем станке в разных квартирах у сочувствующих лиц, а не на Рижском проспекте, где Паули и Андржекович наняли квартиру. Там они не успели ничего напечатать,— на них донесла хозяйка, подсмотрев набор. Провал этой типографии не поставил нас и партию в затруднительное положение. В это время уже была оборудована типография М. П. Шебалина и в ней, кроме листка «Народной Воли», был напечатан целый ряд изданий. Весной 1883 года в Петербурге начались переговоры между пролетариатцами и народовольцами. На совещание приезжали из Варшавы П. Бардовский и, кажется, Л. Варынский. В совещании, кроме Карауловых, С. Иванова, П. Ф. Якубовича, М. П. Овчинникова, принимал участие, когда он приехал в Петербург, С. П. Дегаев. Летом состоялся с'езд в Вильно, о котором у жандармов, кроме самого факта с'езда, никаких сведений не было. После с'езда С. Ч. Куницкий уехал за границу для переговоров с Л. А. Тихомировым и М. Н. Ошаниной, с одной стороны, и с пролетариатцем Мендельсоном— с другой. По возвращении Куницкого из-за границы в Петербург уже осенью переговоры продолжались с Г. А. Лопатиным, К. А. Степуриным, и П. Ф. Якубовичем. Тогда окончательно была установлена форма договора между обеими партиями, и редакция обменных между Исполнительным Комитетом и Центральным Комитетом «Пролетариата» писем. Текст этих писем В. А. Караулов или Г. А. Лопатин увезли в Париж. Это было до убийства Судейкина. Текст был одобрен в Париже и окончательно ратификован уже в феврале 1884 года.

Комитет нашей группы чрезвычайно интересовался переговорами пролетариатцев с народовольцами. И те, и другие держали нас в курсе дела. Флеров убеждал поляков в вопросах экономического террора и автономии партии «крепко держаться». Как известно, оба эти вопроса были приняты в редакции «Пролетариата» и в письме Центрального Комитета этой партии, при перечислении средств революционной борьбы указано, что «одним из наиболее действительных средств в руках партии является террор экономический и связанный с ним политический, проявляющийся в разных формах».

[1] Паули потом, в 90-х г.г., сделался предателем.

Этот пункт был установлен при переговорах еще летом 1883 года. Против него потом не возражали ни Лопатин, ни парижане, и в такой редакции он вошел в письмо «Пролетариата» Исполнительному Комитету «Народной Воли», напечатанному в № 10 «Народной Воли».

Флеров потом уверял меня, что Г. А. Лопатин и парижане «проморгали» это место в письме. Якубович в беседах с нами никогда категорически не возражал против аграрного и фабричного террора. Проморгали или нет народовольцы положение об экономическом терроре, но это место в письме «Пролетариата» было на-руку нашей, тогда уже «Рабочей группе «Народной Воли». Мы не раз беседовали с пролетариатцами об экономическом терроре и по этому вопросу разногласий у нас не было. Точно так же мы приветствовали признание за партией «Пролетариат» широкой автономии, в необходимости которой для революционных групп нас еще более убедили события 1883 года.

Кто знает, если бы переговоры нашей группы с народовольцами начались бы не в конце 1882 года и соглашение состоялось бы не к весне 1883 года, то, вероятно, ни Флеров, ни Бодаев, и, может быть, ни Ф. Олесенев, ни я не пошли бы на слияние с «Народной Волей».

V.

Дегаевщина.

Грандиозные аресты среди военных, арест В. Н. Фигнер, аресты по всей России, новый разгром партии «Народная Воля» вначале 1883 года, в момент, когда она была, быть может, сильна так, как никогда, ни раньше, ни после, наводили нас всех на тяжелые размышления и печальные выводы, которые подтверждались еще тем, что в группах, не связанных с «Народной Волей»—ни в благоевской, ни у милитаристов и др., даже в нашей, которую жандармы не успели еще узнать,—во время этого погрома не было арестов. Поляки говорили нам, что явки, полученные из-за границы, из Польши, «всегда бывали доброкачественны, а вот явки из России за последнее время всегда ведут к провалам... и мы решили ими не пользоваться, да и народовольцам не давать своих». Э. Плосский высказывался особенно резко. Когда мы говорили о неблагополучии в верхах организации «Народной Воли»,—он прямо заявил:

— Какое там «неблагополучие»!... Просто кто-то предает. Тогда слова «провокатор» еще не было.

По поводу ареста В. Н. Фигнер, случайно якобы, встретившейся с Меркуловым, Флеров заметил:

— Уж больно все просто... и много здесь случая, чтобы поверить этому факту!

С. П. Дегаев появился на петербургском горизонте в мае 1883 года и сразу же занял командное, центральное положение. Конечно, никто не подозревал его в предательстве, хотя приблизительно около этого времени одесская организация «Народной Воли» уклонилась от сношения с петербургской организацией, где уже был Дегаев. Как выяснилось потом, после раскрытия провокации Дегаева, одесситы уже тогда сомневались в нем.

Наша «Рабочая группа» была автономна. По условию ни Якубович, ни Карауловы, ни С. Иванов никому не говорили о персональном составе ее. Не знал ее состава и С. П. Дегаев. В июне я познакомился с Дегаевым, который в это время как-будто бы прекратил выдачи. Я постепенно втягивался в народовольческие дела. Якубович, на случай своего ареста и ареста Дегаева, сообщил мне адрес типографии М. П. Шебалина. Шебалина берегли и с ним сносились только Дегаев и Якубович.

Якубович близко сошелся с нашей группой и после смерти И. С. Тургенева, совместно с нами, знакомил рабочих с значением Тургенева. Петром Филипповичем была составлена известная прокламация: «И. С. Тургенев», напечатанная Шебалиным вместе со стихотворением в прозе «Порог». Первоначально прокламация была составлена без полемики. Но во французских газетах П. Л. Лавров опубликовал письмо Тургенева к нему, из которого было ясно сочувствие писателя к освободительному движению и его материальная поддержка журнала «Вперед». Катков перепечатал это письмо в «Московских Ведомостях» с комментариями—«вот каковы наши либералы!». Стасюлевич в «Порядке» и «Вестнике Европы», Полонский в «Стране» и др. либеральные издания усомнились в подлинности письма, чуть ли не обвиняя Лаврова в подлоге. Тогда с нашего общего согласия Якубович изменил редакцию прокламации и вступил в полемику с либералами. Многие рабочие пришли на похороны, а один кружок рабочих хотел возложить венок на гроб, но мы удержали его от такого выступления.

Осенью 1883 года в Петербург приехали Г. А. Лопатин из Парижа и К. А. Степурин из Варшавы. В Петербурге Степурина встретили холодно, а некоторые, благодаря провалам, даже недоверчиво. Вскоре это недоверие рассеялось, но он не мог забыть этого факта, и очень вероятно, что одной из причин его трагического конца в Доме предварительного заключения было это недоверие. Степурин так же не знал о предательстве Дегаева, как и Г. А. Лопатин. Л. А. Тихомиров и М. Ошанина постеснялись раскрыть дегаевскую историю последнему, опасаясь брезгливости Лопатина. Сам Дегаев признался ему, и Герман Александрович стал наблюдать, чтобы он выполнил обещание, данное в Париже, т. е. убил бы Судейкина. (См. И. И. Попова «Г. А. Лопатин». М. 1927 г. Изд. О-ва политкаторжан). Таким образом, осенью 1883 г. о предательстве Дегаева знал только Лопатин и потом вернувшийся из-за границы С. Ч. Ку-

ницкий, которого в Париже ознакомили с ролью Дегаева. Куницкий же ознакомил с этой ролью Якубовича и Рехневского. Мне же предательство Дегаева и подготовка убийства Судейкина стали ясны после двух-трех совещаний у С. А. Венгерова и ветеринарного врача Кравцова и особенно после слов Куницкого, который сказал, что «не нужно путать в это дело Ив. Ив.», т.-е. меня. Куницкий, по возвращении из-за границы, советовал Флерову и другим моим коллегам некоторое время не особенно сближаться с «Народной Волей». Якубович также уклонялся от встреч с Флеровым. Совет Куницкого послужил поводом к тому, что никто из нас не пошел на совещание-с'езд народовольцев, собравшийся по инициативе Карауловых и Якубовича в конце октября или в начале ноября. С'езд был немногочисленный и провинциалов на нем почти не было. На с'езде участвовал и Дегаев, который, по словам Куницкого и Якубовича, держал себя как-то на стороже и больше молчал. Ни Якубович, ни Куницкий не настаивали, чтобы мы приняли участие на с'езде. Они не желали, чтобы Дегаев знал о Флерове и Бодаеве.

После с'езда решили ликвидировать типографию М. П. Шебалина. Якубович и Куницкий предполагали, что она выдана. У «Народной Воли» опять не стало типографии. В нашей же группе вновь была «сфабрикована типография в чемодане», на которой Кулябко и Росси вечером 16 декабря печатали прокламацию об убийстве Судейкина. П. Ф. Якубович рассказывал мне, как после убийства Судейкина к нему, в условленную квартиру на Пушкинской улице, явился совершенно растерявшийся Петр Алексеевич (кличка Дегаева) и Куницкий увез его на вокзал, где ждал их Ф. Ю. Рехневский, который вместе с Дегаевым уехал в Либаву, откуда последний скрылся на иностранном пароходе за границу.

После убийства Судейкина о предательстве Дегаева в Петербурге не говорили, хотя обстановка убийства была более чем странная. Участники убийства, Канашевич и Стародворский, уехали, Куницкий и Рехневский—также. Лопатин был уже за границей и никаких директив не оставил. Степурин, по-моему, еще не знал о предательстве Дегаева, а Якубович молчал и даже со мною не разговаривал по этому поводу. Однако, я сказал ему, что если Флеров выскажет предположение о предательстве Дегаева—я не стану отрицать это. Флеров хотя и догадывался, но молчал и советовал мне перейти на нелегальное положение. Но я от Куницкого знал, что Дегаев не предал из нашей группы никого. Дегаев уверял Куницкого и Лопатина, что из петербуржцев никто больше не выдан и те поверили ему. Меня удивляли более всех Степурин и Усова, которые, несмотря на обстановку убийства Судейкина в квартире Яблонского, не думали о провокации Дегаева, хотя скоро стало известно, что Дегаев и Яблонский одно лицо. Убийство Судейкина не прекратило нареканий на центр и на выявление

недовольства им, хотя такой факт, как убийство лица, которого считали виновником всех провалов, должен был бы подействовать на протестантов умиротворяюще. Даже С. Е. Усова и особенно С. Н. Кривенко (они были близки между собою и в ссылке повенчались) также ворчали на заграничников и на Г. А. Лопатина.

VI.

После Дегаева.

В конце декабря в нашем тесном кружке (Флеров, Бодаев, я, Моисеев, Мануилов и Олесенев) заговорили о необходимости пересмотра программы и о реорганизации деятельности партии. Перед нами встал вопрос о централизме и автономии, диктатуре заграничников, фабричном и аграрном терроре. Иногда на этих заседаниях присутствовали Г. Н. Добрускина, М. П. Овчинников, а также некоторые благоевцы. Вероятно эти разговоры и имеет в виду Добрускина, когда она в своей автобиографии пишет: «В это время возникает новое течение в «Н. В.», известное под названием «Молодой Н. В.». Это время она относит к осени 1883 г., к моменту до убийства Судейкина, но это неверно. Совещания начались ко второй половине декабря. Якубович на них еще не бывал. «Многие из нас, пишет Добрускина, сознавали тщетность усилий интеллигенции, не опирающейся на массы, и в поисках выхода набрели на аграрный и фабричный террор». Наша дискуссия поддерживалась отчасти нерешительностью Степурина[1], который стоял во главе организации и, не имея директив ни от Лопатина, ни из Парижа, можно сказать, не знал, что делать, и мешал Якубовичу, юридически отошедшему на второй план. О наших разговорах-совещаниях я передавал Якубовичу, и он заинтересовался ими, прося меня держать его в курсе наших совещаний.

В 1883 г. на рождестве Флеров и Якубович часто виделись, много беседовали, оба остались довольны друг другом и во многом согласились между собой.

В конце декабря наша группа была занята организацией типографии в Петербурге. После ликвидации типографии Шебалина народовольцы остались без типографии и, как я уже говорил, 16 декабря

[1] Степурин узнал о предательстве Дегаева, как и все, только в январе, а не в декабре, как пишет об этом Добрускина. Арестован он был 9 марта 1884 г., а не в конце декабря. Точно также в декабре и позднее никто, по крайней мере я, не знал, не питал подозрений к М. П. Овчинникову. Я не помню ни одного ареста, который был бы связан с Овчинниковым; даже арест А. В. Подбельского, у которого дневал и ночевал Овчинников, не связывали с именем последнего. Это примечание считаю необходимым сделать в связи с замечаниями Г. Н. Добрускиной в ее автобиографии.

И. Попов.

на нашем летучем станке мы печатали прокламации об убийстве Судейкина. Таким образом, мы еще раз (первый раз по поводу коронации) «спасли честь партии». Но летучая типография не могла печатать журнал и брошюры. В комитете мы решили организовать типографию. Н. М. Флеров рекомендовал нам в хозяйки квартиры учительницу С. А. Сладкову. П. Н. Мануилов и я познакомились с ней, познакомили ее и с Якубовичем. Петр Филиппович советовал нам пока не говорить о типографии Степурину. Мы так и поступили. Вместе с Сладковой решили поселить студента Булыгина. Квартиру нашли на Лиговке. С типографией имел сношение, как нам казалось, наименее скомпрометированный из нас, П. Н. Мануилов. Ни я, ни Флеров, ни Бодаев не посещали типографию. Степурин о типографии узнал, когда она приступила к работам. В этой типографии были отпечатаны: «Воззвание от центрального кружка Союза учащейся молодежи», составленное Якубовичем, и прокламация по поводу предложения правительства—указать место, куда скрылся Дегаев, или выдать его, за что обещали награду в 5 тысяч рублей. В изданной по этому поводу прокламации партия грозила смертью каждому, кто предаст Дегаева или казнивших Судейкина. В феврале было перепечатано об'яснение Исполнительного Комитета по делу Дегаева, вначале появившееся в Петербурге в рукописи и в гектографированном виде. Типография просуществовала до конца марта и была захвачена. Сладкова успела скрыться в Москву, а потом эмигрировала за границу. Булыгин был арестован, а Мануилов перешел на нелегальное положение.

Типография была обставлена хорошо, и у нас подымался даже вопрос о выпуске брошюр, но мы этого не сделали, желая сберечь типографию для журнала. Выпустить очередной № 10 «Народной Воли» Степурин отказался, мотивируя тем, что Лопатин, уезжая за границу, не дал ему таких полномочий—Степурин в Петербурге заменял Лопатина. Да и издавать в начале 1884 года руководящий орган партии было уже трудно, так как в это время в «Народной Воле» наступило смутное время.

2 января 1884 года были арестованы С. Е. Усова и С. Н. Кривенко. Через несколько дней они передали на волю, что Петр Алексеевич (кличка Дегаева) выдал их. Буря негодования охватила революционные кружки. Напали на Степурина, на Якубовича и даже на меня, упрекая нас самих, если не в предательстве, то в потворстве ему. Некоторые предполагали, что Дегаев пошел на провокацию не для того, чтобы спасти себя, а для того, чтобы добиться доверия Судейкина и убить его, и что этот план был одобрен Исполнительным Комитетом. Возмущались обстановкой судейкинско-дегаевского дела не только широкие революционные круги, но и Якубович, Н. К. Михайловский, думаю, и Степурин и др.; М. П. Овчинников не мог простить Тихомирову и Ошаниной, как он выражался, «их попустительства», благодаря которому арестовали В. Н. Фиг-

нер и военную организацию. В своих обвинениях заграничного центра он не стеснялся в выражениях, и мы не раз останавливали его, особенно, когда он заявлял, что после истории с Дегаевым считает себя свободным от обязательств по отношению к центру. Огромная ошибка была сделана заграничниками и Лопатиным, что они не поручили Степурину после убийства Судейкина немедленно ознакомить общество и революционные круги с обстоятельствами дела. Это, с одной стороны, успокоило бы возбуждение и рассеяло бы сгущенную атмосферу, а, с другой, многие, напр., Усова, могли бы скрыться. Промедление с раз'яснением создало враждебное настроение к центру даже там, где не должно было быть его. Наша же группа, весь Центральный Комитет ее (Флеров, Бодаев, Олесенев, Мануилов и я) никогда не были сторонниками централизма и считали, что централизм и диктатура центра несут в себе опасность провала организации. Дегаевское дело только укрепило нашу точку зрения. Якубович, Овчинников, А. Н. Шипицын, А. В. Пихтин, Г. Н. Добрускина, Юрасов (секретарь мирового с'езда), Антоновский и еще кое-кто признали правильность нашей позиции. Их настроение ускорило постановку вопроса о необходимости пересмотра программы «Народной Воли».

VII.

«Молодая Партия Народной Воли».

История «Молодой Партии Народной Воли» почти не отразилась в литературе. Об этой партии, точнее, о заключительном ее периоде, писал в «Былом» А. Н. Бах, несколько слов имеется в статье Д. Кольцова, приложенной к «Истории революционных движений в России» В. Туна (1918 г.); в статьях Оберучева («Голос Минувшего» 1914 г.), В. Богучарского («Русское Богатство» 1911 г.) и В. Сухомлина («Каторга и Ссылка» 1926 г.). И, кажется, это все, если не считать отрывочных, ничего не говорящих заметок, разбросанных по историческим журналам, да и их было мало. Даже в «кружке народовольцев», кроме моего доклада, отчасти доклада М. П. Шебалина и прочитанных воспоминаний покойного М. Р. Гоца, остальные докладчики не касались вопроса о «Молодой Партии Народной Воли». М. Р. Гоц пишет не о программе этой партии, не об ее деятельности, а больше передает свои впечатления, полученные из разговоров и от дискуссии Г. А. Лопатина с Н. М. Флеровым, имевшей место в Москве летом 1884 года. Эта дата для меня довольно странная, так как соглашение между старыми и молодыми народовольцами тогда уже состоялось и спор Лопатина с Флеровым, если таковой был, имел чисто академический, а не практический характер. При этом Гоц говорит, что желание «Молодой Партии Народной Воли» быть с собственной программой об'ясняется

своего рода поветрием—пересмотреть программу Исполнительного Комитета,—какое тогда охватило кружки.

Это утверждение хронологически неверно, потому что такое «поветрие» было уже изжито; правда, оно потом возобновилось, но уже после ареста Лопатина. В некоторых автобиографиях (Н. М. Саловой, В. И. Сухомлина, А. В. Гедеоновского, Г. Н. Добрускиной), напечатанных в «Словаре» Граната, говорится о «Молодой Партии Народной Воли», но между прочим, вскользь, при чем все авторы приписывают возникновение «Молодой Партии» П. Ф. Якубовичу и в этом отношении их сообщения расходятся с данными, приведенными там же в моей автобиографии.

Совещания по поводу пересмотра программы начались в половине января, вначале в нашем комитете, но на первом же заседании постановили пригласить на совещание П. Ф. Якубовича, Г. Н. Добрускину, М. П. Овчинникова и А. Н. Шипицына. Предложение, чтобы центр находился обязательно в России и представлял бы и отражал бы в себе группы, входящие в организацию, было принято без прений. Вопрос же о выборном центре, или по приглашению самого центра остался открытым до более пленарного и полномочного собрания. Якубович, Бодаев Флеров, Мануилов и я стояли за то, чтобы в центр члены приглашались самим центром, а не выбирались революционными группами. За границей мог находиться резерв, запасные члены Центрального или Исполнительного Комитета, испытанные и вполне надежные люди, которые в каждый момент могли бы быть вытребованы в Россию. Но из-за границы они не могли делать распоряжений; за ними оставалось право вносить предложения. Всеми же делами партии распоряжается комитет, находящийся в России; он же дает распоряжения заграничникам. Один только Овчинников говорил, что никакого комитета не нужно, но с ним даже и не спорили и его предложения не обсуждали. Проектируемый комитет не обладал всей полнотой диктаторской власти, как, напр., Исполнительный Комитет. Все местные группы в своих революционных делах и функциях были автономны и свободно распоряжались ими, за исключением двух функций—издания общепартийного органа, который должен был быть выразителем единого мнения партии, ее знаменем, и ведения общеполитического террора. В известные промежутки времени или в особо исключительных случаях созываются с'езды представителей местных центральных групп для разрешения общепрограммных вопросов и контроля над деятельностью как центр., так и местных комитетов.

Большие прения вызвал вопрос об аграрном и фабричном терроре, с которым не сразу согласился и Якубович. Вопрос был поставлен от лица комитета «Рабочей группы». Флеров энергично отстаивал необходимость введения этого террора в программу партии. Мы, ссылаясь на Воронежский с'езд народников в 1879 году, старались наметить случаи применения этого террора.

— Часто бывает важнее убить, напр., губернатора Гессе, усмирившего Чигиринский бунт, и убить его после расправы с крестьянами, чем убить хотя бы Судейкина, которого не знают ни крестьяне, ни рабочие, да его немедленно заменят таким же провокатором. Нередко убийство станового, издевавшегося над крестьянами, или фабриканта и управляющего его фабрикой, призвавших казаков для подавления стачки и усмирения рабочих, может иметь большее значение, чем убийство Мезенцова или министра. Партия одобряет убийство шпионов, предателей. А разве фабрикант, который доносит жандармам и просит убрать с фабрики революционно настроенных, даже, может быть, наших партийных рабочих, доносит на них, их арестуют, высылают... Разве он не предатель, которого следует убрать?!

— Да, это все политические случаи,—согласился Якубович.

— А вы думали, что мы желаем избивать всех фабрикантов и кулаков? Никто из нас такого избиения не рекомендует и будет бороться против него. По нашему убеждению, революционная партия должна базироваться на народной демократии, к которой принадлежат и рабочие. Кто знает, быть может, не далеко то время, когда революционное дело от радикальной и социалистической интеллигенции перейдет в руки рабочих и крестьян.

Так мы, главным образом, Флеров, отвечали оппонентам, возражавшим нам по поводу экономического террора. К концу января мы договорились и наметили программу партии. По предложению Якубовича, чтобы сохранить преемственную связь с «Народной Волей», новую партию назвали «Молодой Партией Народной Воли», а руководящий орган ее—«Народной Борьбой».

В обвинительном акте по процессу Якубовича приводится заметка Якубовича, взятая в апреле 1884 г. у арестованного в Москве М. П. Овчинникова. В этой заметке от лица «пятерых представителей работавшей последнее время организации» предлагается целый ряд вопросов заграничным руководителям партии. Беру эти вопросы из статьи К. Оберучева: «Почему заграничные члены партии, узнав в августе об истинном значении Дегаева, не сообщили об этом немедленно в Россию? Почему показания Дегаева не были отправлены в Россию? Существует ли Исполнительный Комитет? История его? Как найти? Если он существует, то как появился Дегаев?».

Все эти вопросы, по словам обвинительного акта, были переданы Якубовичем Овчинникову в виду того, что последний скорее мог быть приглашенным на партийный с'езд, якобы предполагавшийся весною 1884 г.

Ни о каком с'езде я не слыхал, да вряд ли он и предполагался. Что же касается приведенных вопросов, то все они, насколько я помню, были намечены на наших совещаниях и должны были быть поставленными во время переговоров нашей группы с народоволь-

цами. Зачем они сохранялись у Овчинникова и зачем попали с ним в Москву—я уже не знаю.

Прежде чем вступать в переговоры с «Народной Волей», от которой наша группа не желала отделяться, мы находили необходимым ознакомить с нашей программой революционные круги в столицах и провинции и узнать их отношение к выработанной программе, а затем вступить в переговоры со старыми народовольцами.

Бодаев и я знакомили с этой программой кружки Петербурга, Флеров уехал в Москву, Добрускина в Ростов-на-Дону, а Якубович в Киев. Оба последние должны были остановиться в попутных городах. Олесенев или Мануилов, кто-то из них, с'ездили в Варшаву и в попутные города. От многих мы получили сочувственные отзывы по поводу нашей программы. В Петербурге некоторые кружки и отдельные лица, особенно М. П. Овчинников, не прочь были без всяких переговоров со старыми народовольцами выкинуть новое знамя и начать независимую от «Народной Воли» жизнь. Но мы отказались от такого, по-нашему нетоварищеского, даже предательского шага по отношению к прежней «Народной Воле». Мы ждали 7
возвращения из Киева Якубовича, поездка которого для нас была особенно интересна: в Киеве находились тогда В. А. Караулов, М. П. Шебалин и туда же уехал Ф. Ю. Рехневский.

В половине февраля Якубович вернулся. Шебалин «благословлял» нас на новый путь, Караулов был против и просил Якубовича передать это мнение Степурину, что Петр Филиппович и сделал на первом же совещании со Степуриным. Временный комитет «Молодой Партии Народной Воли», собственно наш комитет «Рабочей группы», дополненный Якубовичем и Овчинниковым, поручил Якубовичу официально предложить Степурину уведомить Исполнительный Комитет и одновременно собрать совещание по поводу пересмотра программы Исполнительного Комитета и реорганизации партии «Народной Воли». Предложение мы сделали ультимативно.

Мы не желали раскола в партии «Народная Воля», с которой кровно были связаны; мы надеялись договориться с народовольцами и на совещаниях с ними мы были более уступчивы и даже корректны, чем они, особенно Г. А. Лопатин.

Наше предложение Степурину собрать возможно скорее совещание—с'езд для пересмотра программы партии смутило его. Он указал, что полномочий у него на переговоры нет и просил дождаться приезда Лопатина. К нашей программе, с которой мы ознакомили его, он отнесся резко-отрицательно. Мы настаивали на необходимости скорейших переговоров в виду того, что наши товарищи-единомышленники требовали выпуска нашего журнала «Народная Борьба», указывая на то, что «Народная Воля» не выходит. Сообщение о том, что у нас «на случай» расхождения подготовляется журнал и что типография Сладковой может отпечатать его, смутило Степурина. Через несколько дней у нас снова было совещание

со Степуриным, на котором были Флеров и еще кто-то со стороны Степурина. Согласились начать переговоры. На совещание Степурин пригласил представителей из Москвы и провинции. О «Молодой Партии Народной Воли» он уже написал за границу.

В конце февраля или в начале марта в Петербург приехали С. А. Иванов и А. Н. Бах. Иванов относился к нам довольно терпимо, Бах же резко-отрицательно. В совещании приняли участие я, В. А. Бодаев, Н. М. Флеров, П. Ф. Якубович, П. Н. Мануилов, А. Н. Шипицын, А. И. Прохоров, Овчинников, если не ошибаюсь, Н. П. Стародворский, кто-то еще, а также писатель М. А. Протопопов, на квартире которого мы не раз печатали и гектографировали разные издания и устраивали собрания. Самым нетерпимым на совещании был М. П. Овчинников, не желавший мириться с заграничниками, самым сдержанным—Н. М. Флеров. Совещания шли вначале в повышенном тоне и довольно беспорядочно. Ждали приезда провинциалов, между прочим А. В. Гедеоновского, из-за границы Г. А. Лопатина. Степурин и Бах старались убедить нас в нерациональности наших доводов, а Якубович указывал им, что они не знают жизни.

Степурин выглядел невесело и говорил, что Дегаев выдал его и он замечает, что за ним следят. Выдал или нет его Дегаев, но 9 марта в разгар наших переговоров К. А. Степурин был арестован, а вслед за ним и А. В. Подбельский, с которым я был близок. Флеров и Якубович перешли на нелегальное положение и убеждали меня сделать это, но я отказался. 16 марта 1884 г. в Петербурге разразился погром, арестовали меня, М. А. Протопопова, А. Н. Шипицына, А. В. Пихтина, С. И. Чекулаева, Юрасова, Антоновского и мн. др., а спустя некоторое время взяли и В. А. Бодаева. Пихтин и Чекулаев незадолго до ареста ликвидировали свою гектографию, фотографию и паспортное бюро—все сохранилось в надежном месте. При допросах я убедился, что Дегаев не выдал меня, вероятно благодаря тому, что я познакомился с ним, когда он уже принес покаяние Тихомирову и Ошаниной. Пихтин, Чекулаев и Шипицын отделались легко: их освободили раньше меня и выслали из Петербурга. Бодаев просидел почти $1\frac{1}{2}$ года и был выслан под гласный надзор полиции.

Погром 16 марта не приостановил переговоров между молодыми и старыми народовольцами, они продолжались, но число участников их, особенно со стороны «Молодой Партии Народной Воли», сократилось: многие были арестованы, а Н. М. Флеров уехал в Москву. Представителем молодых народовольцев остался в совещании почти один Якубович, так как Овчинников также скоро уехал в Москву. В половине или в конце марта в Петербург приехал кое-кто из старых народовольцев, между прочим А. В. Гедеоновский и Н. М. Салова. Вернулся из-за границы и Г. А. Лопатин, который отнесся к новой партии резко-отрицательно и прозвал молодых народовольцев «красными петухами». Позднее, в сентябре 1884 года,

я говорил с ним по поводу этой характеристики молодых народовольцев, и он признал, что «красные петухи»—это его крылатое словечко, которое, как он убедился, не соответствует действительности. Но тотчас же добавил: «я думал, что вы хотите пустить «красного петуха». В Париже Лопатину поручили об'единить петербургские кружки и подчинить их власти Исполнительного Комитета, т.-е. распорядительной комиссии. Под этими кружками подразумевали кружки «Рабочей группы», принявшие программу «Молодой Партии Народной Воли». Казалось бы возможность раскола рекомендовала Тихомирову, Ошаниной и Лопатину мягкость отношения к этой группе. Но помимо горячности и резкости Лопатина на совещаниях в Париже была сделана еще одна крупная ошибка, которая, при ином настроении нас, могла бы обострить переговоры. С другой стороны, в Париже же в отношении организации партии были сделаны шаги, сближавшие старых народовольцев с нами.

VIII.

Центральная группа «Народной Воли» и соглашение.

В Париже решено было Исполнительный Комитет ликвидировать и все права его передать центральной группе из 17 человек (Г. А. Лопатин, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин, Н. А. и В. А. Карауловы, С. А. Иванов, К. А. Степурин, М. П. Овчинников и др., фамилии которых я не помню). Это группа возглавлялась распорядительной комиссией из трех лиц—Лопатина, Саловой и Сухомлина. Из нашей группы никто не вошел в комиссию, кроме Овчинникова. Обошли и Якубовича, самого выдающегося деятеля в Петербургской организации, в то время как в комитет ввели Сухомлина, молодого студента. Да и у Лопатина, при всех его достоинствах, народовольческий стаж был меньше, чем у Якубовича. Тихомиров и Ошанина передали полномочия и инвеституру Исполнительного Комитета центральной группе и ее распорядительной комиссии и сами назначили членов в оба эти органа. Такой диктаторский прием старого времени и игнорирование нашей группы и Якубовича при «назначении» внесли раздражение среди молодых народовольцев. А. Н. Бах, также обойденный «диктаторами», как прозвали тогда в Петербурге Ошанину и Тихомирова, указал Лопатину на всю нетактичность поведения по отношению к П. Ф. Якубовичу. Вскоре П. Н. Мануилов и Н. М. Флеров получили назначение в комиссию, хотя о Флерове говорю под сомнением и со слов других, так как сам не помню этого факта. Что же касается Якубовича, то он вскоре, если не юридически, то фактически стал членом Распорядительной Комиссии. Без содействия Якубовича Лопатину пришлось бы плохо. После же ареста Лопатина и Саловой Якубович один воплощал в себе распорядительную комиссию и ему помогали я и М. Н. Емельянова.

Но вернемся к переговорам между старой и молодой «Народной Волей». Я уже сказал, что Г. А. Лопатин своей несдержанностью и крылатыми словечками вносил в них большую нервозность. Дело доходило до того, что Якубович писал прокламации о выходе из партии и о создании «Молодой Партии Народной Воли», в которых громил заграничников.

Переговоры, пока был в Петербурге Бах, велись, главным образом, между Якубовичем и им. Бах, как передавал мне Якубович, вносил в совещание умиротворение и вполне об'ективно, как-то тепло доказывал Петру Филипповичу всю опасность раскола. Якубович горячился, но потом смягчался, наступало примирение, уже заготовленная прокламация об отделении от партии рвалась и переговоры продолжались. Очень вероятно, если бы Лопатин вел переговоры в менее диктаторском тоне, а главное, если бы в основу новой организации не была положена инвеститура, исходившая от бывших членов Исполнительного Комитета, которые уже отошли от движения и от России, то соглашение состоялось бы скорее. Не только Якубович, но и мы, сидевшие уже в тюрьме, пришли в негодование, когда узнали о диктаторстве Тихомирова и Ошаниной и о том, что обошли Якубовича. В своей автобиографии Н. М. Салова рассказывает, как на совещании, на котором присутствовали от старых народовольцев она, Лопатин и Сухомлин, а от молодых—Якубович и Овчинников, Лопатин резко напал на Овчинникова, закончив отповедь словами—«стыдно вам, стыдно»—и Овчинников ушел с заседания, хлопнув дверью. Кубалов в статье, напечатанной в журнале «Каторга и Ссылка» № 5/12, передавая этот эпизод, прибавляет, что Лопатин и Овчинников встали в угрожающие позы, с поднятыми кулаками, и только Якубович предупредил столкновение. Подобного факта, как передает Салова, не было, а Якубович после ухода Овчинникова высказал порицание Лопатину и продолжал переговоры. Да и П. Ф. Якубович, передавая мне впоследствии подробности переговоров, совершенно не говорил об этом факте, повидимому, не придавая ему особенного значения. Овчинников же перестал бывать на заседаниях, не потому, что его оскорбили, а потому, что он уехал в Москву, где в начале апреля был арестован. К половине апреля переговоры приняли спокойный характер. Видно было, что соглашение состоится. Тогда Бах уехал из Петербурга. С этого момента переговоры шли, главным образом, между Лопатиным и Якубовичем, хотя были и пленарные собрания, на которых присутствовало по нескольку человек. Эти собрания санкционировали то, о чем уже договорились Якубович и Лопатин.

Только благодаря Якубовичу переговоры и пришли к благополучному концу. Мартовский разгром, провал типографии Сладковой, переход целого ряда народовольцев на нелегальное положение, слабость сил в самой «Народной Воле»—все это не располагало к расколу, который удручающе подействовал бы на общество и

революционную молодежь. «Черный Передел» уже закончил свое существование. Благоевцы и милитаристы были мало известны и не выявляли себя печатно. «Пролетариат» вошел в соглашение с «Народной Волей» и вдруг, можно сказать, от единственной революционной партии откалывается большая группа и образует новую партию. Конечно, это было бы вредно для молодой и старой «Народной Воли».

Когда договаривавшиеся пришли к соглашению, на совещании стал вопрос—оповещать ли общество об этом факте? Некоторые склонялись к тому, чтобы вообще замолчать о надвигавшемся расколе. Но слухи о «Молодой Партии Народной Воли» широко распространились в обществе и замолчать об этом факте было невозможно. Совещание остановилось на декларации, которую должна была сделать «Молодая Партия Народной Воли», а не «Народная Воля». Декларация последней имела бы характер опровержения, тогда как декларация первой являлась фактом свободно выявленной воли группы, которая имела намерение отложиться от партии. Над составлением этой декларации много работали. Последняя редакция ее принадлежала П. Ф. Якубовичу, который составил письмо, советуясь с оставшимися на свободе товарищами, главным образом, с Флеровым, пока тот не уехал в Москву. В апреле—мае Бодаев и Олесенев сидели, Мануилов, после ареста типографии Сладковой, перешел на нелегальное положение и также уехал в Москву. Между тем Лопатин, одобрив в общем письмо Якубовича, высказал пожелание, чтобы редакция вопроса об аграрном и фабричном терроре была смягчена. Во втором абзаце, где говорилось об этом терроре, группа, «принципиально не отказываясь от фабричного и аграрного террора, указывала, что второму террору она отводит второстепенную роль, давая место лишь в отдельных исключительных случаях выдающегося насилия и поругания народной воли. На террор же фабричный смотрит, главным образом, как на одно из орудий агитации, как на могучий способ сделать пропаганду идей социализма продуктивным и жизненным делом, как на средство установления живой и тесной связи партии с народом, а не как на преимущественное перед политической борьбой средство уничтожения существующего строя,—почему и не могли возводить этот террор в какую-то кровавую систему, которую многие нам приписывали».

В начале мая меня освободили под залог 2 тыс. руб. Якубович, с которым я уже виделся после своего освобождения, пригласил меня на совещание. С большими предосторожностями, убедившись, что за мной не следят, я пришел на назначенную квартиру, и мы с Якубовичем не только отстояли редакцию, но по моему предложению, против которого особенно возражал Г. А. Лопатин, внесли маленькое дополнение в заключительный абзац, в котором говорилось, «что расхождение наших теоретических взглядов не при-

вело бы *в настоящее время* к такому разногласию в практической постановке вопросов, которое бы делало необходимым разрыв организации на две части, и т. д....».

Мы настояли, чтобы слова «в настояще время» были подчеркнуты, так как такая отметка показывает, что мы не отказываемся от программы, а уступаем по чисто-тактическим соображениям, вытекающим из условий переживаемого момента. После довольно продолжительных прений заключительная часть осталась в следующей редакции: «Для нас («Молодой Народной Воли») тем легче подобное сплочение, что и с другой стороны мы видим искреннее желание предоставить возможно широкий простор личным мнениям и взглядам, с целью лучшего выяснения многих вопросов, поставленных на очередь революционной практикой».

Во время этого совещания мы, отстаивая уточнение редакции декларации «Молодой Партии Народной Воли», говорили, что нам это необходимо, чтобы не разойтись с группой Д. Б. Благоева и П. А. Латышева, с которой мы работали в тесном контакте, почему отчасти мы и выдвигаем на первый план экономические и классовые вопросы, не отказываясь от борьбы за политическое освобождение. Вопрос же об аграрном и фабричном терроре не может быть одиозным для « Народной Воли», потому что в только что принятом и одобренном Исполнительным Комитетом договорном письме Центрального Комитета партии «Пролетариат», экономическому террору отводится первенствующее перед политическим террором место.

Заявление «Молодой Партии Народной Воли» было напечатано в № 10 «Народной Воли». При напечатании был поднят вопрос—поместить ли это заявление перед письмом «Пролетариата» о соглашении, или после него. Я заметил Якубовичу, что место для меня безразлично. Письмо было напечатано без заголовка, в конце передовой статьи, которая говорила о деятельности партии, а следовательно и об ее группах, к каковым принадлежала и «Молодая Партия Народной Воли». «Пролетариат» же в некотором роде—иностранная партия, с которой «Народная Воля» договаривалась и его письмо есть своего рода нота, которую без заголовка, как и письмо Исполнительного Комитета печатать неудобно. Так был разрешен дипломатический вопрос о месте напечатания нашей декларации и договора с «Пролетариатом».

В том же № 10 «Народной Воли», где было помещено заявление «Молодой Партии Народной Воли», была напечатана статья (вторая передовая) «Вместо внутреннего обозрения», в которой автор (Г. А. Лопатин) говорил, что она была написана «вначале нынешнего марта, по случаю вопроса «о простонародном терроре», который волновал в то время партию». В этой статье доказывается, что «мы (народовольцы) идем не только за народ, но и с народом. Мы считаем прямо вредными несбыточные мечты о широкой народной

организации. Не широкая организация нужна, а прочная, решительная, революционная, и там, где должен быть нанесен правительству главный удар». Далее в статье говорилось о фабричном и аграрном терроре и об отношении к нему партии. Эта часть статьи имела полемический характер и отнюдь не способствовал умиротворению настроения молодых народовольцев.

IX.

Период Лопатина и Якубовича.

Соглашение состоялось. Декларация была одобрена, но в жизни многие кружки и отдельные лица не признавали этого соглашения и продолжали вести свою линию. Благоевцы также были не особенно довольны нашим соглашением. Они надеялись, что после разрыва мы сольемся с ними. Оппозиция соглашению со стороны кружков «Рабочей группы» огорчала П. Ф. Якубовича и раздражала Г. А. Лопатина. Но я их успокаивал, говоря, что «все скоро образуется». Но «образовалось» не так скоро, как я думал. И после соглашения пришлось немало работать для об'единения партии.

После мартовского разгрома многие связи с рабочими и интеллигентами затерялись. Было два-три и таких кружка, которые сами отошли от «Народной Воли». Я разыскивал их, восстанавливал связи, и мы—Якубович, Ермолаев и я—убеждали эти кружки и лиц прекратить оппозицию и слиться с народовольцами. Некоторые недовольные соглашением называли нас изменниками, чуть ли не предателями. Даже через год, когда я вторично был арестован и посажен в Дом предварительного заключения, обвинение в предательстве и измене по адресу моему и Якубовича пришлось мне услышать от М. П. Овчинникова, сидевшего подо мной. В оппозиции соглашению оставались и рабочие и интеллигенты, но число тех и других впрочем не росло, а уменьшалось.

В августе Якубович, с согласия Лопатина просил меня поддерживать сношение с литературными кругами, между прочим с Г. И. Успенским и Н. К. Михайловским.

В это время Якубович печатал в Дерпте № 10 «Народной Воли». Другая часть этого № печаталась в Ростове. Дерптская типография была поставлена Якубовичем в квартире студента Переляева, быв. чернопередельца. О типографии знал и студент Геккельман, будущий Ландезен-Гартинг. Но тогда он типографию и Якубовича не предал. Все лето Лопатин раз'езжал по России, об'единяя организации и подготовляя разом два покушения—в Петербурге на министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого и в Москве на прокурора Судебной палаты Н. В. Муравьева. На Луганском заводе из похищенного динамита было приготовлено шесть бомб, которые сам Лопатин привез из Ростова в Петербург. В отсутствие Лопатина его

заменяла Н. М. Салова. Она также не считала удобным в конспиративных видах поддерживать связь с литераторами. Эти сношения остались на мне.

Успенский в отношении к «Молодой Партии Народной Воли» раздваивался. Ему было близко желание этой партии базироваться на рабочих и мужиках и аграрный террор ему не казался одиозным. Успенский не высказывался ни за, ни против «красных петухов». Глеб Иванович преклонялся перед Г. А. Лопатиным, который был против «Молодой Партии»; зато Н. К. Михайловский был решительно против нее и говорил, что он готов написать статью по поводу фабричного и аграрного террора. Но № 10 журнала уже печатался и статья Михайловского могла быть напечатанной только в № 11. Зная настроение оппозиционных кружков, я заметил Михайловскому, что с подобной статьей нужно обождать,—пусть улягутся страсти, нужно посмотреть, как еще встретят декларацию «Молодой Партии Народной Воли». О второй передовой статье в № 10 тогда я еще не знал. Михайловский не мог и не хотел признать рациональность фабричного и аграрного террора, как агитационного средства среди широких масс.

— Став на этот скользкий путь, легко докатиться до грабежа и разбоев...— говорил он с раздражением.

На это я заметил, что молодые народовольцы никого не собирались грабить и устраивать подкопы, даже под казначейства, как это было в Херсоне и Кишеневе.

— И то, и другое—безобразие,—ответил Михайловский.

Статьи об экономическом терроре Михайловский не написал, а дал статью по поводу закрытия «Отечественных Записок»—«Бурбон стоеросовый чижика с'ел». Статья об аграрном и фабричном терроре была уже нежелательна, что стало ясно после выхода № 10 «Народной Воли». Декларация «Молодой Партии» и особенно вторая передовая статья внесли не успокоение, а раздражение. Говорили, что мы не были уполномочены на декларацию: вопрос о соглашении и декларации мог разрешить только с'езд, созванный специально для этой цели.

Весной 1884 г. в Петербург приезжал Н. М. Флеров. Он предложил Лопатину уничтожить Толстого, заколов его кинжалом на аудиенции. Вначале он уговаривал Моисеева итти с ним, но тот отклонил предложение. Тогда Флеров отправился к Толстому с рабочим, П. Богдановым. На аудиенции вместо министра вышел его какой-то товарищ. Так покушение Флерова и не состоялось. Лопатин продолжал подготовление к покушениям на Толстого и Муравьева. В Москве он познакомился с Белино-Бржозовским, который был агентом охранки и выдал Лопатина. В Москве Лопатина не тронули, а арестовали его 7 октября в Петербурге, на Невском. В тот же день и также на Невском была арестована Н. М. Салова. На квартирах у них были найдены бомбы, а у Лопа-

тина при аресте были захвачены записки на тонкой бумаге с адресами и характеристиками лиц.

X.

После Лопатина.

Адреса, захваченные у Лопатина, были расшифрованы, а многие были и без шифра. По всей России пошли аресты. Оплошность Лопатина стала известна и в революционных кругах и в обществе, и всюду вызвала возмущение. Опять заговорили о вреде и гибельности централизма, опять стали выбрасывать лозунги «Молодой Партии Народной Воли». Якубович волновался. После ареста Лопатина и Саловой он остался во главе партии «Народной Воли». В Петербурге не были еще ликвидированы подготовления к покушению на Д. А. Толстого. Я виделся с Якубовичем относительно часто и наши разговоры, помимо народовольческих дел, были заполнены обсуждением вопроса, как ликвидировать оппозиционные кружки. После ареста Лопатина это обстоятельство более всего беспокоило Петра Филипповича. Ему казалось, что в конце октября и в начале ноября оппозиция «Народной Воле» как будто бы усилилась. Иллюстрацией к этому может служить письмо Якубовича, адресованное мне, Ивану Ивановичу, до меня не дошедшее, потому что оно было захвачено у студента Ермолаева, арестованного единовременно с Якубовичем. Часть этого письма приведена в примечании к «Истории революционных движений в России» А. Туна. По поводу содержания этого письма, спустя много лет, уже в Сибири Якубович говорил мне, что в письме было изложено скорее его личное, чем партийное мнение. Пред'являли это письмо и мне на допросах, но я отказался признать себя адресатом. В письме Якубович просил воздействовать на оппозицию, убедить ее быть более умеренной и сговорчивой в своих требованиях: «чем мы становимся старее и более зрелыми, тем минимальнее становятся наши требования». Якубович выдвигал программу минимум, как ближайший этап в борьбе за социалистические идеалы. Письмо Петра Филипповича, если бы оно и дошло до меня, вряд ли бы я показал кружкам рабочей группы. Якубович отошел от них, забыл их идеологию, забыл, что молодые народовольцы, как бывшие, так и не слившиеся с «Народной Волей», признавали необходимым одновременно вести пропаганду социалистических идей и политическую борьбу, и первый акт они считали важнее второго. Отсюда ясно, что в конце 1884 г. положение дел в партии напоминало февраль этого же года.

После Лопатина вся тяжесть революционной работы упала на плечи Якубовича. В этой работе мы, особенно М. Н. Емельянова, помогали ему. Приходилось думать уже не о развитии организации, а о сохранении того, что осталось после погрома в связи

с захваченными адресами у Лопатина. Якубовичу удалось связаться с Киевом, с П. А. Елько, которого он не особенно долюбливал; познакомился он с ним еще перед убийством Судейкина, когда Елько приезжал в Петербург. Якубович ликвидировал подготовление к покушению на Толстого. Сил уже не было. Якубович жил без паспорта и ночевал в разных местах. Мое последнее свидание с ним не могло состояться: за ним уже следили. 6 ноября 1884 г. П. Ф. Якубовича арестовали на улице.

М. Н. Емельянова и я занялись после Якубовича общенародовольческими делами. В Петербурге тон оппозиции стал как - будто бы смягчаться. Разгром «Народной Воли» после Лопатина опять наводил на размышления о несвоевременности раскола.

В январе или феврале благоевцы выпустили № 1 журнала «Рабочий». Выход его произвел впечатление. Часть кружков молодых народовольцев слилась с благоевцами. Рабочая группа «Народной Воли», как часть революционной организации, связанная с центром партии, уже не существовала. Ни центрального комитета «Рабочей группы», ни центральной группы и ее распорядительного комитета «Народной Воли» после ареста Лопатина не было. Комитет «Рабочей Группы» прекратил свое существование в марте—апреле 1884 года, после наших арестов и от'езда Н. М. Флерова. Осенью 1884 г. при Якубовиче мы пытались создать центральный комитет «Рабочей группы»; но Якубовича арестовали и нам пришлось собирать остатки всей партийной организации, восстанавливать сношения и пр., т.-е. заниматься тем, что делали во второй половине 1882 г. бр. Карауловы, Иванов и Якубович.

К январю мы с М. Н. Емельяновой кое-что сделали и даже связались с за границей. Но в январе, случайно (с Переляевым, хозяином квартиры, сделался припадок и он задохся), провалилась дерптская типография. Это был для нас большой удар: пришлось отложить на неопределенное время мысль об издании № 11 «Народной Воли», материал для которго уже заготовлялся. Сил для занятий с рабочими было мало. Благодаря отсутствию сил многие кружки рабочих оторвались от партии. В феврале из Киева приехал П. А. Елько, имевший явку к Подсосовой. Он ни ей, ни Емельяновой не понравился. Они предупредили меня о том, что не дали ему моего адреса. Елько все - таки нашел меня, но я принял его более, чем холодно, заявив ему, что он пришел не по адресу.

Его арестовали на вокзале, а 12 февраля 1885 г. арестовали меня, М. Н. Емельянову, Подсосову и др., почти всех на улице: боялись вооруженного сопротивления.

Студенческие и рабочие кружки продолжали существовать в Петербурге несмотря на разгром народовольцев после Лопатина и аресты нас в 1885 году. Многие из них не входили в организацию, а развивались самостоятельно, другие об'единялись и пытались создать организацию. Особенно это движение было заметно в рабо-

чей среде. Семя, брошенное нашей (Флеровской) группой и отчасти благоевцами дало довольно прочные ростки.

В приложении к Туну («История революционного движения в России»), в статье «Конец «Народной Воли», Д. Кольцов пишет о 80-х г.г., что в «Петербурге какими-то чудесами сохранилась довольно многочисленная «Рабочая группа», состоявшая из *интеллигентов,* занимавшаяся пропагандой в рабочей среде и имевшая там некоторые связи. И как это ни покажется странным, но как раз в этой группе сильнее всего сохранились чисто народнические тенденции и преобладали взгляды «В. В.» на экономические судьбы России».

Несомненно это были «взгляды» и кружки в большинстве случаев «молодых народовольцев», которые после разгрома Благоево-Латышевской группы стали вести работу совместно с уцелевшими благоевцами. Часть «молодых народовольцев» и благоевцы слились воедино в 1885—86 г.г. и вошли в сношение с заграничной группой «Освобождение Труда», основанной Г. В. Плехановым. Другая же большая часть кружков продолжала свою работу среди рабочих и считала себя народовольцами. После арестов Лопатина, Якубовича и нас с Емельяновой, центр народовольческой организации переместился из Петербурга на юг—к Оржиху, Богоразу и др., которые осенью 1885 г. выпустили в Таганроге № 11—12 «Народной Воли» и пытались об'единить север с югом. № 11—12 был последним номером «Народной Воли», если не считать «Листка № 3», напечатанного В. Богоразом в 1886 г. в Тульской типографии, и «Летучих Листков» «Народной Воли», изданных в 1892 и 1893 г.г., и программы партии, изданной последними народовольцами в 1895—1896 г.г.

М. В. Брамсон.

Отрывки из воспоминаний.

(1883—1886 г.).

Приехал я в Петербург в 1883 г., в августе месяце, куда перевелся из Московского университета. В сентябре состоялись похороны И. С. Тургенева, тело которого было привезено из Франции. Помню ясно эти торжественные похороны, кортеж которых растянулся на несколько верст. Впереди гроба шли депутации разных учебных заведений с венками, цепь вокруг составляли студенты. У Волкова кладбища мы встретили цепь полицейских во главе с градоначальником Грессером на коне. Полиция препятствовала студентам проникнуть на кладбище, но кое-кому удалось проскочить туда; я был в числе их. На кладбище, конечно, были речи, но содержание их я вспомнить сейчас не могу. Настроение было повышенное и революционное. На меня эти похороны произвели сильное впечатление. После смерти Тургенева П. Л. Лавров напечатал в «La Justice» Клемансо заметку, в которой сообщил, что покойный Тургенев давал ему аккуратно средства для издания «Вперед», а затем регулярно продолжал ему давать средства на помощь политическим ссыльным. Этот факт взволновал наших либералов, которые опасались, что правительство не разрешит привезти тело Тургенева в Россию из-за лавровской заметки [1]). На такой скандал правительство даже Александра III тогда не решилось. Но зато после похорон Тургенева правительство издало распоряжение, по которому нести венки при похоронах запрещалось, венки только могли быть возлагаемы на гроб.

В Питере был у меня знакомый А. М. Магат, который вместе со мной был в Московском университете и даже жил со мной на одной квартире, но перевелся в питерский университет еще в начале 1883 г. Через его посредство я познакомился с его сестрой-курсисткой, а впоследствии и с ее подругой, тоже курсисткой, М. М. Залкинд,

[1]) Письмо Лаврова было перепечатано Катковым в «Московских Ведомостях» с комментариями.—*Редакция*.

впоследствии ставшей моей женой. Поселился я с Магатом в Басковом переулке; тут же в соседней комнате поселилась сестра товарища. Через посредство сестры товарища и ее подруги Залкинд я приобрел знакомство среди революционной молодежи. В начале осеннего семестра 1883 г. образовался среди студенческой молодежи кружок, задавшийся целью изучить политические процессы по легальным газетам. Это был тогда единственный источник, ибо архивы были недоступны, нелегальная печать давала мало материала для этого, да и пользоваться ею было затруднительно и не всем доступно. Кружок состоял из студентов: В. Г. Харитонова (впоследствии принимал участие в первом соц.-демокр. кружке Благоева), Хлопина (впоследствии профессора), Барыбина, Волкова, Бабаева, Залкинд, Магат, меня и др. Я взял на себя изучение процесса нечаевцев, для чего усердно посещал публичную библиотеку и читал там «Голос» за 1870 и 1871 г.г. Товарищ Барыбин взял на себя дать характеристику главных лиц нечаевского дела и, действительно, на одном из собраний наших прочел нам характеристику не то Кузнецова, не то Успенского. Но кружок собирался недолго и в скором времени замер, хотя настроение молодежи было тогда довольно боевое. Преобладала и властвовала «Н. В.»; были и отдельные лица народнического направления, но они как-то стушевывались и влияния не имели. Даже появление «кружка соц.-демокр. Благоева» также не произвело среди молодежи особого впечатления и, сколько я помню, сторонников у них было немного. Литература группы «Освобождения Труда», появившаяся тогда, особенно брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) очень понравилась нам, народовольцам, но зато не так дело обстояло со следующей его брошюрой «Наши разногласия» (1885 г.). Эта последняя вызвала страстные дебаты и ни по тону, ни по содержанию была для нас неприемлема. Но главное влияние на нас имел «Вестн. Н. В.», статьи которого приводили нас в восторг.

В конце 1883 г. в Питере под непосредственным влиянием П. Ф. Якубовича образовался среди учащейся молодежи «Союз молодежи партии «Н. В.». Цель его была—сорганизовать молодежь на практическом революционном деле, как-то—пропаганда среди молодежи, рабочих и военных, и наиболее стойких и выдержанных членов привлекать в члены партии. Это, так сказать, был резервуар, из которого партия должна была черпать материал для замещения, вследствие провалов, своих редеющих рядов, а также школа, где вырабатывались будущие члены партии. По крайней мере, так мне изложили цели «Союза», когда мне предлагали вступить туда членом. Цель мне очень пришлась по душе и я охотно дал свое согласие на вступление в «Союз». В начале 1884 года, если память мне не изменяет, в Москве произошли так называемые «катковские беспорядки» студенческие. По получении известий о них возникли разговоры и среди питерского студенчества об отклике на московские волнения. Вот то-

гда «Союз» выпустил прокламацию, в которой убеждал студентов воздержаться от беспорядков, сопровождающихся массою жертв и не дающих почти никаких результатов. Вместо участия в студенческих беспорядках прокламация призывала к планомерной борьбе с правительством в рядах революционной партии. Эта прокламация возбудила тогда много толков среди студенческой молодежи. Помню мой разговор с моим сожителем Магатом. Оба мы вполне разделяли точку зрения прокламации, но вместе с тем не обманывали себя и прямо заявляли: «если волнения студенческие вспыхнут, мы, конечно, не ручаемся за то, что не примем в них участие». В центральный кружок «Союза» входили Н. Ив. Семенов, Эвсей Абрамович Иоффе, А. Достаков, других фамилий вспомнить не могу. «Союз», как я уже говорил, занимался руководством занятий в кружках самообразования, пропагандой среди рабочих и собирался завести также связи среди военных, что впоследствии и удалось. Из членов «Союза» могу назвать еще: С. М. Магат, М. М. Залкинд, Гасселькуса, Харьковцева, Рудкевича, Иванова, Гильгенберга (технолог саратовец), фамилии других не припомню, а может, многих и не знал. Мне было предложено в 1884 г. руководить занятиями кружка самообразования молодежи, куда входили студенты: Александрин (впоследствии судившийся по делу Оржиха), Семен Хлебников, Демьяник, Шмидова (судившаяся по делу второго 1 марта), кажется, Говорухин и еще несколько человек. Занятия заключались в том, что читались и обсуждались статьи по экономическим вопросам, а попутно велись разговоры на всякие общественные темы, распространялась революционная литература и велись дискуссии по поводу тогда волновавших некоторых революционных брошюр. Помню, сколько мне копий пришлось ломать по поводу «Наших разногласий» и сколько они мне крови испортили. Ходил я в этот кружок раз в неделю, кажется, чуть ли не целый год. Направили меня руководителем и в другой кружок, в котором участвовал Гинсбург (Кольцов) и Пикер (Мартынов), но этот кружок не состоялся и я был только на первом собрании.

Осенью 1884 года весь центральный кружок «Союза» был разгромлен: арестовали Иоффе, Семенова, Достакова и других. Еще ранней осенью 1884 года Семенов, желая завести связи с военными, имел свидание с казачьим сотником Яковлевым (Богучарским). Вскоре после этого свидания Яковлев был арестован. Семенов, предчувствуя свой скорый провал, решил перейти на нелегальное положение. О своем намерении он сообщил ближайшим друзьям. Спустя месяц или два после ареста Яковлева, Семенова арестовали у кого-то на квартире. Каково же было его удивление, когда на допросе жандармы рассказали ему не только о всех его делах, но также о его намерении перейти в нелегальные, которое он не успел осуществить. Эта осведомленность произвела на Семенова удручающее впечатление, и он стал крайне подозрителен; в каждом пытающемся заговорить с ним

товарищем в тюрьме он подозревал шпиона. Что же оказалось? Товарищ Семенова по центральному кружку (фамилию его я, к сожалению, забыл), которому он также сообщил о своих намерениях, выдавал и рассказывал все, что ему было известно о всех своих знакомых. В 1885 г. Семенова выпустили на поруки. Он при свидании с нами горячо нас убеждал бросить, по крайней мере на время, всякие революционные дела, ибо нельзя быть уверенным даже в самых близких друзьях. Все наши убеждения, что бросать нельзя, на него не действовали и он стоял на своем, мы же остались, конечно, также при своем. После провокаторства Дегаева атмосфера была удушливая и крайне подозрительная. Кроме этого громкого провокатора были и мелкие предатели; провалы следовали за провалами, предприятия не удавались и организации проваливались, не успев ничего толком сделать.

В 1885 г. я стал ходить в кружок рабочих и занимался с ними. Не помню, из скольких человек состоял кружок, а также фамилии участников, кроме одного, хозяина квартиры, Павла Богданова. Он жил на Вульфовой улице, на Петербургской стороне. Занятия мои заключались в том, что мы читали какой-нибудь рассказ из народной жизни, обсуждали прочитанное и по поводу прочитанного вели разговоры на разные общественные темы. На первых порах я воздерживался им давать революционные брошюры. Богданов вскоре переехал в Измайловский полк и за отдаленностью прежние его товарищи к нему на занятия не являлись. Я же продолжал к нему ходить и старался ввести его в курс русской жизни и систематически с ним заниматься. Но он был больше склонен ко всяким разговорам на высокие темы, от чего я уклонялся. Осенью 1885 года Богданов заявил мне, что у него есть знакомые мальчики, служашие в губернской типографии, которые усердно тащат шрифт из типографии и что у него явилась идея устроить у себя на квартире типографию. Идею эту я, по совещании с товарищами по организации, поддержал и обещал ему всяческое содействие. Кассу для шрифта он сам соорудил, он был столяром, а раму и валик для печатания сделал мне по моему заказу брат моего товарища И. М. Магат, работавший в мастерских Технологического института. Купили бумагу, типографскую краску, пригласили двух студентов из моего студенческого кружка в качестве наборщиков, Александрина и Демьяника, и можно было приступить к делу. В целях конспирации я, конечно, рабочему не назвал фамилий приглашенных наборшиков, а назвал их разными кличками. В это время мне передали текст письма Маркса к Михайловскому, перевод которого мы решили напечатать. Сказано, сделано. В дальнейшем предполагалось напечатать статью по поводу 60-летия декабрьского восстания, за которую засел А. М. Магат, но этого нам сделать не удалось: 28 декабря 1885 г. я и Магат были арестованы. Я старался бывать у Богданова, когда к нему приходили на работу для набора вышеупомянутые товарищи, для того, чтобы они с Богдановым в моем отсутствии не разоткровенничались. И пока я был на

воле ни Александрин, ни Демьяник, державшие себя с Богдановым по-приятельски, в излишние откровенности не пускались с ним, а потом разоткровенничались.

Письмо Маркса к Михайловскому мы напечатали довольно сносно, хотя нехватало кое-каких букв. Утром 28/XII 1885 г. закончили печатание и я забрал с собою около 300 экземпляров этого письма домой и условился с Демьяником, что на следующее утро он зайдет ко мне за ними. Но у меня было какое-то предчувствие близкого провала. Каждый из нас, действующих лиц, находился в положении травленного зверя. Ходишь по улице и постоянно оглядываешься — нет ли за тобою хвоста, вечно ты в тревоге, вечно в нервном напряжении. Нам недолго приходилось испытывать подобное чувство. Благодетельное правительство заботилось о том, чтобы поскорее успокоить нас, из'яв из обращения и предоставляя нам отдыхать и успокаивать нервы в одиночках своих тюрем. Сколько мне помнится, легальному человеку приходилось вплотную работать в среднем не больше 6 месяцев, а нелегальному и того меньше, но я отклонился от рассказа.

Чуя что-то недоброе, я отнес свеже-отпечатанное письмо Маркса к Магату, где в ту же ночь оно было найдено при обыске и полностью попало в руки полиции. Таким образом, первое произведение нашего печатного станка распространения не получило. У меня остался рукописный перевод письма с примечаниями, писанными моей рукой. Я жил в меблированных комнатах. Ночью, часа в 3, я проснулся от сильного звонка. Думая, что пришли архангелы я наскоро засунул эту бумажку в наволочку подушки. Но полиция явилась в эту же ночь только через несколько часов, под утро. При обыске снимали наволочку с подушки, но, так как была полиция, а не жандармы, то обыск был не столь тщательный и злосчастная бумажка осталась в наволочке незамеченной, и уже после моего увоза, моя квартирная хозяйка нашла ее и передала моей жене, когда она вернулась из Вильно, куда уезжала на рождественские каникулы.

Расскажу еще один эпизод из тогдашней моей жизни. Это было осенью 1885 г. У меня явилась мысль сорганизовать вновь центральный кружок «Союза молодежи», который распался после провала 1884 года, и вместе с тем расширить наши связи и нашу деятельность. Мои ближайшие друзья эту мысль одобрили. Решено было у меня на квартире устроить собрание; наметили кого пригласить на него, а я написал нечто в роде программы «Союза» и его организационный устав. Собрались ко мне на квартиру на Вас. острове все намеченные лица и среди них оказался какой-то незнакомец, которого пригласил Иванов, не предупредивши нас. На квартире у меня, сколько помню, были Гассельгус, А. М. Магат, сестра его С. М., Харьковцев, Иванов (умер в Иркутской тюрьме от тифа в 1888 г.), я, моя жена, ее брат С. М. Залкинд и незнакомец, который оказался А. Л. Гаусманом. Я прочел свое программное экспозе, по поводу чего у нас начался

обмен мнений, затянувшийся часов до 3. Так как мы все устали от теоретических прений, а до сути дела еще не дошли, то решили разойтись обедать и к вечеру собраться на квартире Иванова, чтобы продолжить наши разговоры и образовать центральный кружок. Когда мы собрались вечером к Иванову, я с места в карьер, предполагая, что все собравшиеся предупреждены о цели нашего собрания, прочел им составленный мною организационный устав и он был одобрен. Каково же было мое удивление, когда на мое предложение Гаусману вступить в наш центральный кружок, он ответил, под каким-то предлогом, отказом. Я рвал и метал: я просил всех приглашенных предупредить о цели собрания и был уверен, что все присутствующие согласны вступить в центральный кружок, а потому зачитал им организационный устав. А тут вдруг один отказывается, и между тем в его присутствии прочитана такая конспиративная тайна, как организационный устав! Но пришлось по французской пословице «faire bonne mine au mauvais jeu». Разошлись мирно и даже довольные друг другом. По дороге я журил своих друзей за такой пассаж на нашем «долгом парламенте», как я тогда в шутку назвал наше заседание, продолжавшееся целый день.

Оказалось, что А. Л. Гаусман тогда принял предложение Л. Я. Штернберга организовать народовольческую группу на севере, а поэтому он усердно посещал всякие революционные кружки, чтобы на них намечать подходящих лиц для организации. До этого времени я с ним в Питере не встречался. Вторично мы встретились в Москве в Бутырской тюрьме в зиму 1887—1888 г.г., откуда вместе попали в Якутку, где жили на одной квартире. В Якутске мы приняли вместе участие в бойне 1889 г., в результате которой он безвременно погиб на эшафоте, а я ушел в долгосрочную каторгу.

Сочлен наш по «Союзу» С. М. Залкинд имел связи с военной группой в Питере и через нее получил кружок юнкеров, с которым и занимался. В 1885 г. он собирался на рождественские каникулы в Вильну и я уговорил его передать кружок мне, что он и исполнил. Таким образом я получил связи среди военных для нашего «Союза». Я остался в квартире Никонова, где собирался кружок юнкеров, и там я с ними читал Зибера о Марксе. Никаких революционных изданий на первых порах я не давал юнкерам. Фамилий юнкеров не знал, хотя их было всего 3 или 4 человека. Моей фамилии они, конечно, также не знали, как не знал ее и хозяин квартиры Никонов. Был я у них всего 2 раза, ибо они раз'ехались по домам на праздники, и мы условились, что в январе, по их возвращении, занятия возобновим. Но этому не суждено было сбыться: 28 декабря 1885 г. я был арестован. Только в апреле 1886 г. меня выпустили на поруки и я был оставлен в Питере на месяц до сдачи выпускных экзаменов.

П. А. Аргунов.

Московский кружок „Милитаристов“.

(Из мартиролога начала 1880-х г.г.)

Течение, названное «милитаризмом», я считаю характерным не только для известного момента русского революционного движения (начала 1880-х г.г.), но и вообще для истории русской революции. «Милитаризм»—это движение с целью организации военного заговора для свержения самодержавия. Этим средством успешно пользовались в своих целях сами русские самодержцы XVIII века, и декабристам оставалось из этого опыта сделать, как говорится в наши дни, «надлежащие организационные выводы».

Чем более открывается подробностей, чем детальнее мы узнаем эпоху начала XIX в. в России, тем крепче устанавливается положение, что при тогдашних условиях крепостной России только военный заговор (конечно, не исключающий участия в нем и не-военных групп) мог нанести удар самодержавию. Никакие промахи декабристов, никакие факты дальнейшей деморализации в их среде не могли ни для современников, ни для следующих поколений затушевать правильности стержневых моментов декабристского дела: во-первых, его идеологической правоты, во-вторых, правильности избранного декабристами в их исторической обстановке метода действий.

В этом, кстати сказать,—причина того неослабевающего почитания, каким декабристы были окружены в широких кругах России, и какое особенно живо было в разных местах Сибири до 1880-х г.г., наравне с культом Н. Г. Чернышевского. Это я испытал на себе, как уроженец Сибири, прошедший там и среднюю школу, и—характерно, что в московском кружке «милитаристов» много было таких сибиряков.

Милитаристское течение в начале 1880-х г.г. сильно было и в «Народной Воле»,—общеизвестна военная организация «Народной Воли». С известной точки зрения эту организацию можно рассматривать, как попытку со стороны «Народной Воли» овладеть револю-

ционно настроенными кружками в военной среде, особенно среди военно-учащихся,—кружками, никогда не исчезавшими, но державшимися крайне осторожно и опасливо по отношению к «штатским» [1].

В начале 1880-х г.г. и «Народная Воля» обращается к организации военно-заговорщических групп [2]. К тому же времени относится и возникновение независимых от «Нар. Воли» групп «милитаристов». Удар 1 марта 1881 г. потряс всю Россию, сыгравши огромную революционизирующую роль, но он тяжело лег на силы самой партии и окружающей ее революционной среды. Студенчество, после ряда волнений и демонстраций, подвергнутое основательной «чистке», временно стихло и занялось земляческими делами. Уж говорить ли об оробелости и растерянности либеральных групп—дворянских, земских и городских,—несмотря на передышку, данную им диктатурой Лорис-Меликова? Таково было положение после только-что пронесшейся бури в 1881 г. в Москве, куда я явился в качестве новичка-студента. Но напрасно было бы думать, что буря эта вырвала с корнем революционные посевы. Молодежь жадно слушала учителей, среди которых были не одни народовольцы. На тайных земляческих «вечеринках» выступали и «бунтари», и народники старого закала. *Силен был и напор «толстовства»,* только-что начавшего искать прозелитов; этому содействовал общий интерес к «Исповеди» и «В чем моя вера» Л. Н. Толстого, только что появившимся и ходившим по рукам в нелегальных изданиях. Здесь отчасти сказывалась и некоторая усталость от бурных и, казалось, бесплодных переживаний и жертв и жажда спокойного культурничества и медленной подготовки к неизбежному, но далекому еще, перевороту [3].

Среди этой неопределенности и некоторого идейного разброда постепенно диференцировались группы—из офицерства, радикальных буржуа, студентов, учителей, писателей—которые, не отказываясь от мирного культурничества, в роде пропаганды научного социализма и повышения интеллектуальной подготовки своих деятелей, ставили себе целью работу над практическим созданием революционного «кулака». Этот «кулак» мыслился чаще всего в форме, завещанной декабристами,—военного заговора. «Милитаристы», как их стали называть в отличие от других групп, не отказывались принципиально ни от террора, ни от других видов открытых выступлений (студенческие и рабочие демонстрации), но на первых порах, в видах экономии сил, считали предпочтительным бить в одну точку, сосредоточивать усилия над созданием в военной среде надежных организаций.

[1] О значении армии в революционном движении смотри «Записку Исполнительного Комитета «Народной Воли» о подготовительной работе партии». *Редакция.*

[2] В зиму 1879—1880 года было приступлено к организации среди военных, а милитаристы явились позже—не ранее конца 1880 года. *Редакция.*

[3] Такое настроение нужно отнести к более позднему периоду. *Редакция.*

В нашем сибирском землячестве в Москве, состав которого часто пополнялся учащимися средних школ Сибири, достаточно революционизированным воздействием политической ссылки (воспоминания о декабристах, ссыльные поляки за восстание 1863 г., культ Н. Г. Чернышевского, землевольцы и др.), в 1882 году стали внимательно прислушиваться к энергичным речам студента-математика Василия Распопина, изглагавшего взгляды, в общих чертах мною переданные выше. Вскоре образовался более интимный кружок, состоявший из В. Распопина, Н. П. Ф., Г. П. К. (ныне здравствующих), Петра Соколова, брата и сестры Вигилевых, меня и еще некоторых других, который поставил себе целью, во-первых, серьезно работать над своей теоретической подготовкой, во-вторых, вести определенную революционную работу. Это был один из обычных тогда кружков учащейся молодежи. Теоретически мы занялись штудированием I тома «Капитала» К. Маркса (единственного тогда в переводе Даниельсона, отбираемого жандармами при обысках наравне с нелегальщиной), его же «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» (еще не переведенной), его же «Нищеты философии» (на немецком и французском языках), Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (по-франц.), и др.

Практически мы решили начать с самого простого и несложного, доступного нашим неокрепшим в подпольной работе силам—с издания разного рода оригинальных и переводных сочинений, имевших большой спрос. Для этого мы воспользовались услугами одной литографии, легально печатавшей наши рукописи под видом студенческих, выходивших тогда в большом числе, лекций. Так, нами издана была «Исповедь» Л. Н. Толстого, Луи-Блана «Монархия или республика», еще что-то и, главное—сборник переводных работ по научному социализму. Распопин познакомил меня с кружком переводчиц-учительниц, которые, в свою очередь, находились в сношениях с орловским радикалом Алехиным, просвещенным помещиком, снабжавшим средствами на издание научной социалистической литературы. В целях конспирации редакционная коллегия оставалась в целом неизвестною кружку издательскому и—обратно. Когда наших изданий набралось достаточно, и мы уже несколько показали свою подпольную работоспособность, кружок командировал меня в Петербург для установления связей с тамошними милитаристами и другими организациями.

В Петербург я отправился не с пустыми руками: кроме рекомендательных писем и явок со мною был, сданный багажом, большой сундук с изданиями. Петербуржцы проявили интерес и к сундуку, и к нашей организации. Содержимое сундука быстро расхватили, надавали «заказов» на следующие издания в неограниченном количестве. С удовлетворением познакомились с нашей организацией и ее задачами, но о своих делах говорили сдержанно, как и полагается высококонспиративной организации в отношении «юных пионеров» Москвы.

Припоминаю более отчетливо две свои встречи в Петербурге (в 1883 г.): с писателем Г. П. Сазоновым и т. Олесиновым. Сазонов был прежде народником, ходил в народ и вынес оттуда интерес к артели и к изучению ее. Своими работами об артели он и выдвинулся. Это был красивый мужчина лет 30. Теперь он был милитаристом и несомненно достаточно импонировал военным кружкам Петербурга своей особой, своим «знанием народа», своей речистостью и литературными связями. Мне казалось, что нам, штатским, нечего и искать лучшего посредника в сношениях с военными кружками, и в следующий визит свой в Петербург я надеялся достигнуть большего сближения с ними. Но обстоятельства сложились иначе, в Петербург я попал уже через много лет. С Сазоновым уже не было оснований встречаться, ибо он совершил новую эволюцию, уже—в сторону примирения с самодержавием, служил чиновником реакционного правительства и, подобно многим «прозревшим», едва ли любил вспоминать о революционных «грехах молодости»[1]).

С Олесиновым я беседовал, как с народовольцем[2], который повидимому, вел работу среди рабочих. Это был, как мне казалось, страстная, энергичная натура, брюнет, вероятно, уроженец юга. С ним я встретился вторично, но уже в Бутырской пересыльной тюрьме в 1886 г. Он мне рассказал, что после одного провала он пытался бежать за границу из Батума под видом турка, но нарвался там на провокатора и был выдан им уже на пароходе, перед самым его отвалом.

Вернувшись благополучно из экскурсии в Петербург, я привез настолько ободряющие вести, что наш кружок решил энергичнее и смелее развивать свое дело. Прежде всего завязаны были сношения с юнкерами Александровского училища. Это была компания милых и серьезных молодых людей, преимущественно выпускного класса, т.-е. завтрашних офицеров. На тайные беседы приходило человек по 5—10. Они заявили, что они слышали достаточно агитационных речей, но что им недостает научного багажа, прежде всего—знакомства с научным социализмом. Это было как-раз то, чего хотел наш кружок, и поручение, довольно тяжелое, изложить юнкерам теорию К. Маркса было возложено на меня. Тяжелым такое поручение было потому, что тогда, в 1883 году, на русском языке не существовало изложения теории Маркса, книга Н. Зибера о Марксе и Рикардо появились позже, а университетские курсы знакомили с Марксом весьма осторожно и отдаленно, не исключая даже популярных тогда лекций Иванюкова в Петровской Академии. Я решил просто излагать своим слушателям первый том «Капитала», сначала per verba magistri, а потом, переводя это на доступный язык. Дело пошло довольно

[1] Г. П. Сазонов принадлежал не к милитаристам, а к немистам. В Петербурге милитаристы имели кружки в военных училищах и академиях.
Редакция.

[2] Таковым он и был.—*Редакция*.

удачно, слушатели постепенно освоились с терминами, с образным языком Маркса, и, наверное, я заражал их тем глубоким почитанием Маркса, с каким я излагал его учение. Для своих бесед я составил конспект, который, как мне потом говорили, после моего ареста пошел по студенческим кружкам, как пособие для знакомства с Марксом.

Затем наш кружок решил «самоопределиться» и, продолжая издание переводной литературы по научному социализму, сделать это в виде журнала, притом носящего нашу фирму «милитаристов». Так, в феврале 1884 г. вышел сборник под названием «Социалистическое Знание», в виде литографированной книжки в 160 страниц, содержащей переводы Луи-Блана «Организация труда», Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и его же «Социализм утопический и социализм научный». Последняя статья была окончена, две же первых только начаты. Продолжение их, а также помещение статей из русской жизни, обещано было в следующих выпусках, как гласило обращение «от издателей». В этом выпуске мне принадлежали примечания, составленные по Марксу («Капитал», «Zur Kritik...», «Коммунистический манифест» и др.). Если не ошибаюсь, это было первой в России попыткой выпускать периодическое издание, посвященное пропаганде научного социализма. На этом издании, как и на других, вышедших из нашего кружка, начал появляться штемпель частного издателя или книгопродавца: «Орест Владимирович Зарин-Оранский». Он заинтриговал публику; для наших же сторонников он был условным знаком: начальные буквы этого псевдонима О. В. З. О. надо было читать: «Отделение Военно-Заговорщической Организации».

Наш кружок уже стал чувствовать себя московским отделением военного заговора. Это стало интересовать и Исполнительный Комитет «Народной Воли». Повидимому, он хотел об'единить усилия отдельных военных кружков и потому вступил с нами в переговоры. Посредниками были: с нашей стороны Распопин, со стороны «Народной Воли»—Сабунаев, тогда уже нелегальный, известный под кличкой «Лысый» («Лысый № 2», в отличие от Алехина, которого мы называли «Лысым № 1»). Мне неизвестны были первоначальные стадии этих переговоров, к которым Распопин относился вообще довольно скептически. Но я принял некоторое участие в дальнейшем. В условленном месте Распопин должен был встретиться с одним из членов Исполнительного Комитета, если не ошибаюсь, с Германом Лопатиным, но Распопину почему-то нельзя было явиться на это свидание, и он просил меня пойти по условленному адресу, условиться о пересрочке встречи, а если этого нельзя сделать, то вступить с представителями Исполнительного Комитета в беседу от имени московских милитаристов.

Я разыскал довольно невзрачные меблированные комнаты, где-то за Трубной площадью, а когда постучал в дверь одного из номеров,

то был встречен Сабунаевым, которому я об'яснил цель своего посещения. За столом на диване в это время сидел высокого роста мужчина, лет 40, шатен, с большой шевелюрой, к которому Сабунаев обратился с докладом о положении дела. Судя по поведению Сабунаева, я догадывался, что вижу перед собою незаурядного руководителя «Народной Воли». Пока они шептались, я смирненько сидел в стороне и ждал. Затем Сабунаев подошел ко мне и сообщил, что условленную беседу решено отложить. Но она уже не состоялась, так как в Москве начались аресты, чувствительно затронувшие «Народную Волю», да и наш кружок получил первый удар: был арестован Распопин.

Арест его, вызванный, кажется, случайными обстоятельствами, не парализовал работы кружка и даже не повлек за собой никаких дальнейших арестов. Дело Распопина стояло особняком, вне всякой связи с нашим кружком. Мало того, мы чувствовали себя настолько в безопасности, что позволили себе явную вольность и неосторожность с конспиративной точки зрения. А именно, в час отправления партии ссыльных в 1884 г., с которою увозили Распопина в Сибирь, чуть ли не большая часть нашего кружка явилась на вокзал для проводов в толпе разных родственников и знакомых высылаемых и на глазах у массы шпиков, окружавших «вольную публику», приветствовала Распопина и его товарищей по партии ссыльных.

Арест Распопина, впрочем, дал мне, так сказать, первое «крещение». Не зная еще об аресте, но услышавши об обыске у Распопина, я поспешил к нему на квартиру и здесь попал в засаду. Меня тотчас доставили в охранное отделение на Тверском бульваре, где тщательно обыскали, отобрали студенческий билет и оставили на часок в пустой комнате. Я уже считал себя «из'ятым из обращения», но появившийся начальник охранки вручил мне мой студенческий паспорт обратно и об'явил, что охранка не возражает против моего освобождения.

Я понял, что для нее я являюсь пока новичком, хотя в ближайшие дни и принял меры, чтобы убедиться, не освободили ли меня для дальнейшей слежки. Помогло и то обстоятельство, что перед посещением квартиры Распопина я основательно «почистился», т.-е. освободил свои карманы от нелегальной литературы, которой как-раз был нагружен в тот день. Эта разгрузка произошла в библиотеке Михиной на Тверском бульваре, куда я зашел перед посещением Распопина, и где мне оказал содействие служащий этой библиотеки Зубатов,—*будущая охранная знаменитость!*...

О Зубатове писалось не мало, но я не встречал мемуаров, где бы говорилось о его первых шагах, об его грустной юности и о том времени, когда Зубатов еще не служил в охранке. Мемуаристы имели дело уже с сформировавшимся и притом крупным охранником, давшим имя особой системе провокаторства. Я же знал Зубатова еще зеленым юношей с изрядным сумбуром в голове, в полуголодном поло-

жении[1], и впоследствии, не встречаясь с ним, никак не мог понять, откуда у него явился этот организаторский талант, эта провокаторская неотразимость и властительство охранных дум... Позволю себе все же остаться при особом мнении на счет всех подобных талантов и усомниться в них.

Мое знакомство с Зубатовым относится к 1883 г. (начало его или конец 1882 г.). Летом 1882 г. я познакомился с большой московской семьей Вигилевых, собственно,—с двумя взрослыми сыновьями и четырмя взрослыми дочерьми Дм. Вигилева, управляющего синодальной капеллой и директора школы синодальных певчих (небезызвестного духовного композитора). Вигилевы мне часто говорили о своем знакомом юноше, бывавшем в их семье, и школьном товарище младшего—Владимира Вигилева; говорили о Зубатове, как о способном юноше, но бившемся в крайней нужде. Повидимому, Вигилевы находили Зубатова подходящим кандидатом в члены нашего формирующегося кружка. Однажды, узнавши, что я намерен отдать в переплет свои книги, Владимир Вигилев предложил мне пойти познакомиться с Зубатовым, который охотно переплетает книги по дешевой цене, так как очень нуждается. Мы разыскали Зубатова в жалкой квартирке, где-то на отдаленном конце Москвы. Передо мною был молодой человек лет 18, но с каким-то очень не свежим для юноши лицом: оно было в прыщах, землистого цвета, с застывшим «деловым» или озабоченным выражением. Едва познакомившись, Зубатов начал излагать свои мысли какого-то общего, неуловимого характера. При этом он все время ходил из угла в угол своей убогой комнатки, точно вслух беседовал сам с собой, очень мало нуждаясь в моих репликах. Так мы провели часа полтора, и от этой бойкой речи с учеными цитатами я унес впечатление сумбурности и желания моего знакомого блеснуть своею ученостью. Он настроен был очень оппозиционно и радикально и готов был оказывать революционерам услуги по хранению литературы и т. п. В этом юноше, который был почти сверстником мне, отталкивала какая-то мещанская практичность, погоня за благами жизни, от чего мы, юнцы 1880-х г.г., были очень далеки, хотя частенько испытывали тяжелую нужду. Среди своих школьных товарищей Зубатов, повидимому, слыл умницей, импонировавшим им своей начитанностью и речистостью.

Книги мои для переплета Зубатов взял охотно по 15 коп. за штуку, исполнил работу очень плохо, и в моей библиотеке долго хранился образчик этой работы. В свой кружок мы Зубатова не включили и всречались с ним очень редко, да и то тогда, когда он появился в библиотеке Михиной на Тверском бульваре, сначала в роли приказчика, а вскоре—в роли супруга Михиной. Революционная молодежь охотно посещала эту библиотеку, находя в ней не только

[1] Зубатов был сын управляющего большим домом на Тверском бульваре, человека далеко не бедного.

Сообщил К. М. Терешкович.

нужные книги, но и нелегальные издания. Финансовые обстоятельства Зубатова скоро стали поправляться, и я незадолго перед своим вторичным арестом видел его одетым необыкновенно чисто и изящно.

Был ли уже тогда Зубатов провокатором? До 1885 г. на этот счет никаких подозрений ни у кого не было. Свою карьеру Зубатов начал, кажется, несколько позже (наш кружок почти весь был в тюрьме), когда выдал своего школьного товарища и друга Владимира Вигилева, даровитого юношу, решительного и стойкого молодого революционера, воспитавшегося в нашем кружке. Вигилеву грозил арест, и он решил бежать за границу; Зубатов деятельно помогал ему в этом и, между прочим, нарядил Вигилева в яркий плащ, чтобы охранники не ошиблись при аресте пассажира при посадке в ж.-д. поезд. Они, конечно, действовали без промаха, и Вигилев был схвачен, сослан в Вятку и там вскоре погиб от туберкулеза. Так, Зубатов начал с предательства своего друга и той семьи, которая старалась его поддержать и обласкать.

Провал нашей организации, происшедший в конце лета 1884 г., никем не приписывался ни Зубатову, ни другому провокатору. Зубатов был далек от этой организации и мог знать кое-о-чем лишь по слухам. Всякий провокатор силен именно тем, что он предает организацию «с поличным», на месте совершения ею действий, а у нас при аресте никаких улик не обнаружено. Провал нашей организации я приписываю нашим связям с широкими слоями студенчества по землячествам.

В эти годы в Москве шла агитация за об'единение земляческих студенческих организаций в один «Общестуденческий Союз», при чем конечно, думали придать этому союзу революционный характер. Дело пошло хорошо, «Общестуденческий Союз» охватывал уже и студенчество других городов, но к этой массовой работе общекультурного характера приходилось привлекать элементы мало надежные с конспиративной точки зрения. Интересы земляческие перепутывались с делами революционных кружков, при чем образовался этакий промежуточный слой студенчества, который сам не был вовлечен в ответственную революционную работу, но мог знать о ней больше, чем следует. В результате получилось, что при массовых арестах летом 1884 г. по делу об «Общестуденческом Союзе» были захвачены вместе с революционерами (наш кружок жандармами ошибочно считался частью «Союза» и был включен в общее дело [1])—и студенты, которые, чувствуя себя посторонними и спасая себя, охотно поддакивали догадкам жандармов и выбалтывали все, о чем слышали.

[1] Единственно известное мне в печати указание на это дело, основанное на официальных данных, гласит: «Департамент полиции ликвидировал Общестуденческий Союз: 19 мая (это ошибка: 19 марта) 1886 г. Александр III подписал членам его: П. Аргунову, П. Соколову, В. Романовскому и др. административную высылку в разные места Сибири и Европ. России». («Голос Минувшего», 1918, № 10—12, стр. 250).

Напр., арестовали студ. Ин. Ворожейкина, одно время жившего со мною в комнате. Малый был способный, бурш, оппозиционно настроенный, но он безмерно предавался пьянству. Когда жандармы пристали к нему с допросами, грозя каторгой и т. п.,—к кому приходил такой-то? кому принадлежал такой-то чемодан с книгами? и пр.,—то Ворожейкин простодушно указал на меня. Однако, беднягу долго держали в тюрьме, а потом выслали на родину в Сибирь—Иркутск—и в Кяхту. Называли несколько таких суб'ектов, но особенную роль в сообщении жандармам сведений о милитаристах приписывали студенту высшего технического училища в Москве Лаврушину. Он частенько заходил в нашу домашнюю «коммуну» в Каретном ряду. Постепенно он стал как-бы своим человеком в нашей среде. При массовых арестах захватили и Лаврушина, вероятно потому, что в пьяном виде на вечеринках он проявлял необычайный революционный пыл. Напротив, вытрезвившись в тюрьме, алкоголик проявил малодушие и выболтал все, о чем слышал. Но этими показаниями явно неосведомленного человека и ограничились материалы, которыми располагали жандармы. Напр., меня обвиняли в пропаганде среди юнкеров, но—где, когда и кто эти юнкера,—осталось неизвестным. Военный кружок не был провален; я же, в виду полного отсутствия «улик» против меня, отвечал на все вопросы одинаково: «нет», «не знаю», «не видел» и т. п. Сношения с «Народной Волей» остались совсем неизвестными. Правда, наш условный знак О. В. З. О. был расшифрован, но я мог посмеяться в глаза жандармскому следователю над такой наивной конспирацией.

Тут помогла еще одна случайность. Лето 1884 г. я проводил в с. Богородском за Сокольниками. Массовые аресты произведены были в июле, арестовали почти всех моих товарищей по работе, но меня не тронули. Я не знал, что это значило.

Я терялся. Кружок «петровцев» (т.-е. студентов Петровско-Разумовской сел.-хоз. академии), возглавляемый саратовцем Беляевским (замечательный человек, горячий и стойкий революционер, скоро погибший в тюрьме), советовал мне бежать за границу, обещая содействие по доставлению паспорта и прочего. Но во мне были какие-то надежды, что дело не так плохо, как думают, что, может быть, предательство и оговор мало затронули меня лично. Наступила осень, надо было покидать с. Богородское и искать комнату в Москве. Из предосторожности я перестал посещать знакомых, заходил только в университет (был тогда студентом-юристом 3 курса). Наконец, снял на Арбате комнату и уселся за учебники, но тут вскоре днем явилась полиция и арестовала меня. Оказалось, что меня считали скрывшимся, нелегально живущим, искали меня по всей России, и мне стоило не малых усилий доказать генералу Середе и жанд. ротмистру Иванову, ведшим наше дело, что я законно «прописывал» всюду свой студенческий билет, открыто посещал университет и другие места, никуда из Москвы не выезжал, и что в искусственном исчезнове-

нии столь «важного государственного преступника», каким я был в их глазах, виновата их собственная полиция. Это обстоятельство, а также и мое сплошное «запирательство», озлобило моих следователей: они грозили мне каторгой, перевели меня в ужасный клоповник, наполненный вшами, не давали свиданий, запретили все передачи и довели до голодовки, которую мы, в числе человек 5—6, об'явили и выдержали в течение нескольких дней. Но как ни раздували это дело московские следователи, никакого процесса создать не удалось. Пришлось ликвидировать дело в административном порядке. Большинству из нас дали 5 лет Восточной Сибири.

Распопина сослали в Березов. Будучи уже в ссылке в с. Ужур, Ачинского округа, Енисейской губ., в 1886 г. я получил от него письмо с жалобами на болезнь и на тяжелое материальное положение и с сообщением, что ему сделали операцию, не принесшую облегчения, а вскоре мы узнали о смерти Распопина в Березове от туберкулеза. Это был, несомненно, выдающийся человек, притом чрезвычайно работоспособный. Он усердно занимался еще в Москве высшей математикой (окончил физ.-мат. факультет), и при этом чрезмерно изнурял себя. Находясь в тюрьме, он, по доставленным ему материалам написал работу статистико-экономического характера, которая была напечатана за его подписью в «Юридич. Вестнике».

К нам в Ужур скоро явился и Сабунаев, высланный на долгий срок. От всех передряг и от продолжительного тюремного сидения он был очень истощен и очень нервен, почти лишился сна, целыми днями метался из угла в угол, страдая головными болями. В таком состоянии он мечтал о том, чтобы его отправили куда-нибудь подальше, так как только в дороге, он, по его словам, мог избавиться от головных болей, спать и с аппетитом есть. Неожиданно приходит распоряжение: в глухую сибирскую зиму отправить Сабунаева в Туруханск. Очевидно, пребывание в южной части Сибири для такого опасного человека сочли слишком мягким наказанием. Впрочем, из Ужура тогда нетрудно было бы бежать, чего опасались не без основания власти. Сабунаев, закутанный в овчины и в арестантский халат, сел с провожатыми на крестьянские розвальни; не думая о будущем, он улыбался, казалось предвкушая избавление от ужасных болей.

М. Р. Гоц.

Московская центральная группа партии „Народная Воля".

(1883—1885 г.г.).

(Отрывок из неизданной автобиографии.)

...Рубинок и Минор просидели на этот раз в тюрьме недолго (в 1883 г.), при чем Рубинок был выпущен на свободу без всяких последствий, а Минор до окончания дела был выпущен на поруки. Оба они обратно поступили в Московский университет и с этого времени отдались окончательно революционной деятельности, примкнув к образовавшейся тогда новой местной центральной группе, партии «Народная Воля». А вместе с ними и я опять перешел от книг отчасти к «делам», сперва исполняя их частные поручения, а потом и более, так сказать, официально. Я узнал не всех членов новой группы, но, кроме старых, познакомился более или менее близко еще с Филиповым и Терешенковым. Правду говорил в одной из своих французских книжек до-ренегатского периода Лев Тихомиров, что среди русских революционеров можно было отыскать много талантливых, самоотверженных лиц, но очень мало было «конспираторов» в истинном смысле этого слова. Это можно было наблюдать и в нашей местной революционной деятельности. Напр., Рубинок был очень талантливый, несомненно способный человек; он весь отдавался своему делу, забывая все, всякие личные привязанности, науку, к которой он постоянно стремился, саморазвитие, бывшее его глубокой потребностью. Но ему, как конспиратору, мешала его страшная нервность, полное неумение маскироваться, притворяться, сдерживать порывы своего чувства. Надо только удивляться, как это жандармское управление, постоянно руководствовавшее не степенью фактической

[1] Автобиография писалась М. Р. Гоцем на каторге в Алгачах в 1893—1894 году.

виновности, а подозрительностью человека, выпустило Рубинока из рук, потому что на допросах, мне кажется, он должен был быть весь у них, как на ладони. То же приходится сказать и об О. С. Миноре. Живой, страшно впечатлительный, увлекающийся, замечательный товарищ, он был прекрасен в роли агитатора среди молодежи и рабочих. Талантами студенческого оратора он не обладал, не мог быть постоянным вожаком студенческих сходок, в роде П. Викторова, Омирова и др. вожаков студенческих волнений конца 70-х годов; но положительно незаменим он был для пропаганды в более тесном кружке студентов. Он очаровывал всех, кто знакомился с ним, умел как-то сразу расположить к себе, сразу отбросить излишние предосторожности в разговорах, что так нравится начинающей революционизироваться молодежи, или начинающим понимать положение дел рабочим. Но в России он должен был превратиться в заговорщика,—роль которого была ему еще более несвойственна, чем Рубинку,—должен был постоянно скрывать свои чувства, что ему было еще более тяжело, чем скрывать поступки, должен был вечно наблюдать за собою, с'еживаться. Кроме неумения скрывать и притворяться, обуздывать вечно свои чувства, он не умел еще спокойно, или, по крайней мере, сдержанно относиться к таким фактам, которые сильно затрагивали, волновали его. Внезапные разгромы, аресты дорогих ему товарищей действовали на него страшно, причиняли ему физические страдания. Я помню его после одного из таких несчастий: он прямо слег в постель и представлял тень человека. Он страдал, конечно, гораздо больше, чем, если бы сам подвергся несчастью. Само собою, требования борьбы, пример товарищей быстро ставили его на ноги, но такие припадки, еще более увеличивали его нервность.

Третий член группы был Сергей Мих. Терешенков, с которым я быстро сблизился сейчас же после знакомства с ним. Слишком много было в его купеческой натуре (он был сын коренного московского купца) безудержности и русской широты, не понимающей никаких ограничений во имя общественных требований и неумеющей этим требованиям подчиняться. Конечно, обстоятельства заставляли его примиряться с организованной борьбой, потому что он, человек интеллигентный, студент последних курсов Московского технического училища, хорошо понимал невозможность всякой другой борьбы. Но он нисколько не скрывал, как ему эти узы несносны. Любимейшей его деятельностью была не мелкая, часто чересчур кропотливая работа в местной конспирации, а пропаганда среди рабочих. Он покорял их силой своего революционного чувства, громадной волей, своим умением понять душу рабочего, озлобленного несправедливостью ужасного существования. Вряд ли много было в Москве интеллигентов, столь популярных среди рабочих, которых он не мало насчитывал в своих кружках. Его ученики принимали деятельное участие в стачках и волнениях, на табачных фабриках Бостанжогло, Рейнгардта, на фабрике Елисеева и др. Они выразили

желание, узнав о предстоявшей демонстрации студентов на Страстном бульваре против Каткова, явиться на бульвар в количестве двух-трех сотен, чтобы принять участие в разгроме типографии «Московских Ведомостей».

В противовес всем этим товарищам, так или иначе не удовлетворявшим суровым требованиям заговорщической деятельности, я могу указать на человека, имевшего все данные выработаться в крупного революционера-конспиратора. Это был Николай Андреевич Филиппов, тоже студент последних курсов технического училища. Уже одна фигура его, а, главное, лицо удивительно соответствовали его роли. Он как-то тихо, незаметно входил всюду, с постоянной слегка лукавой улыбкой на некрасивом, но умном лице с тонкими чертами, серыми блестящими глазами, ко всему любопытно присматривавшимися, с настороженными ушами, ко всему прислушивавшимися. Он редко был экспансивен, особенно в мало или средне знакомом обществе, но за то внимательно слушал, мотая себе на ус. Среди очень близких людей, он, напротив, был и разговорчив и сердечен. Все в группе относились к нему с одинаковым большим уважением, прибегая даже к нему для улаживания возникавших недоразумений. Бросались в глаза его замечательная деловитость, умение всякого поставить на свое место, всякого приохотить к его делу; уменье и сделать выговор, когда надо было, провинившемуся—так, чтоб не задеть его самолюбия,—и очаровать любезностью, кого надо. Филиппов в противоположность большинству наших радикалов, особенно московских, был чрезвычайно осторожен, внимательно следил за собою и, несмотря на выдающееся положение в организации, был хорошо известен немногим. Конечно, для человека с такими задатками местная организация была неподходящей, слишком узкой ареной, и вполне развернуть свои таланты он мог только в широкой центральной организации, в роде Исполнительного Комитета «Народной Воли». Из других членов центральной группы, которая в то время была довольно богата более или менее опытными революционерами, я упомяну только Константина Ершова и Виктора Павловича Беляевского.

Группе пришлось действовать при окончательно уже определившейся реакции. Появилось знаменитое «правительственное сообщение» о закрытии «Отечественных Записок». Трудно передать волнение, которое охватило всех, сколько-нибудь заинтересованных в русском прогрессе, от радикального юноши до либерального старца, вспоминавшего далекие времена деятельности Белинского. Для меня лично это запрещение было так же тяжело, как гибель любимого товарища. В последние годы «Отечественные Записки» стали мне страшно дороги. Бывало, ждешь не дождешься двадцатых чисел и бежишь скорее в библиотеку. Библиотекарша уже знала, что не надо никому до меня отдавать новую книжку. С бьющимся сердцем по дороге начинаешь читать книжку и не знаешь, к чему раньше броситься—Щедрин, Михай-

ловский, Успенский, внутреннее обозрение и т. д. и т. д. И все это так подходило одно к одному, было до того проникнуто единым духом. Даже такие писатели, как Максим Белинский, умели в этот журнал давать произведения, одновременно и лучшие в художественном отношении и проникнутые тем же общественным идеалом. День, когда получилось известие о закрытии журнала, был одним из наиболее оживленных в нашей среде. Но не только у нас, а везде и в провинции, это известие также ошеломило всех. Один саратовец мне рассказывал, что там узнали о событии поздно вечером и бегали из дому в дом, будили знакомых, чтоб поделиться печальной новостью. Закрытие «Дела», ставшего при Станюковиче тоже очень хорошим журналом, не могло привлечь к себе такого внимания. Само собою как бы понималось, что после закрытия «Отечественных Записок» уже не могло остаться ни одного вполне прогрессивного журнала.

Весною 1884 г. в революционных сферах замечалось некоторое оживление. В центре стал довольно сильный Исполнительный Комитет [1] с Германом Лопатиным во главе; стали готовиться к новой решительной схватке. Это оживление отразилось, конечно, и на Москве. Центральная группа решила теснее сплотить революционную Москву в одно целое, которое могло бы выступить в дело, когда будет подан сигнал из Петербурга. А тогда этого сигнала ждали, как продолжения 1 марта 1881 г., потому что «Народная Воля» стояла все на тех же требованиях захвата власти и временного правительства [2]. Имея в виду такие возможности, центральная группа решила на основании «предварительных работ партии» организовать ряд подгрупп, кажется, четыре или пять, а также особую рабочую группу. В последнюю вошел членом Рабинович, отдавшийся вполне делу рабочей пропаганды и находивший в нем полное удовлетворение. Мне также предложили занятия с рабочими, но я от них отказался. Я никогда не чувствовал никакой склонности к этому делу, хотя и понимал вполне всю его важность. Особенные свойства моего характера, постоянное пребывание с детства в кругах буржуазии, ничего общего с народом не имеющих, делало меня мало годным к роли пропагандиста. Мне всегда было очень неловко с «народом»; я не умел говорить с ним и приспособляться к его взглядам. Только с более развитыми, достаточно революционизированными рабочими я чувствовал себя свободно. До самого своего ареста я избегал этот род деятельности, хотя по обстоятельствам мне приходилось очень близко к нему подходить.

Когда стали искать удобного хозяина для содержания рабочей квартиры, т.-е. такой, в которой рабочие могли бы, не возбуждая

[1] Центральная группа из 17 чел. во главе с распорядительной комиссией из трех.—*Редакция.*

[2] Так думали тогда только в Москве, смотри ниже в этой же статье Гоца.—*Редакция.*

подозрений, приходить учиться, остановились на Якове Львовиче Якобсоне. Ранее он был главарем консервативной партии в еврейской сиротской школе, воевавшим против Рубинока и других протестантов. Но жизнь мало-по-малу подорвала все его благонамеренные идеи. Часто приходится слышать в кругах, враждебных революционерам, что они—продукт личных житейских неудач. Мне такие революционеры попадались, но очень немного. Якобсон был несомненно из их числа. По крайней мере, первый толчок к революционному настроению дала ему личная беда—болезнь, помешавшая кончить образование, а последующие обстоятельства подкрепили это настроение. По выходе из гимназии надо было подумать о средствах к существованию, так как очень бедные родители не могли его содержать. Некоторые из его бывших товарищей по еврейской школе, кончившие впоследствии консерваторию и служившие в разных театрах, преимущественно опереточных, ввели его в артистический мир. Там обратили внимание на его тонко-развитой слух и, так как начать музыкальное образование было уже поздно, посоветовали ему изучить ремесло настройщика и фортепьянного мастера, обещая ему хорошо оплачиваемую работу. И вот бывший гимназист, интеллигентный юноша бросает на время привычную для него среду, поступает к фортепьянному мастеру в ученики и погружается целиком в интересы тяжелой рабочей жизни. Он близко сходится с самыми подонками общества, живет их жизнью, научается понимать и сочувствовать отчасти их интересам. А подонки действительно были кругом него самые последние. Мастерская его патрона помещалась в районе знаменитой Грачевки. Сцены ужасной нужды и разврата, полного падения человеческого достоинства, сцены страшной эксплуатации и открытого надругательства над теми, кто пал в житейской борьбе, сильно подействовали на его и без того возбужденный дух, и из умеренного либерала он превратился в ярого революционера, близкого в теории даже к анархизму. Годовое пребывание среди грязи физической и нравственной огрубило его и по внешности. Из чистенького гимназиста он стал заправским рабочим, небрежно одетым, немытым и нечесанным. Но под этой грубой внешностью он сохранил очень нежную, привязчивую, хотя и нетвердую в житейских невзгодах душу. Он был прекрасный товарищ и деятельный революционер, который под добродушно-иронической улыбкой скрывал посещавшие его иногда сомнения и, как бы заглушая внутренние пессимистические нотки, шумно ободрял упавших духом товарищей своим постоянным паролем: «носов не вешать»!—Мысль поручить ему, когда он сошелся с революционерами, содержание рабочей квартиры, была очень удачна, так как по своему положению он был совершенно своим среди рабочих, не навлекал подозрений полиции, умел легко сходиться с рабочими и внушить к себе полное их доверие.

Когда решили организовать подгруппы, в одну из них вступить было предложено, кроме меня, Рабиновичу, М. И., Фундаминскому,

Якобсону и брату Сергея Михайловича—Николаю Терешенкову. Последний был скромный юноша, кончивший коммерческое училище и служивший у нотариуса. Он был, кажется, во всем полной противоположностью своему брату. Крайне застенчивый, тихий, он краснел, как девушка, когда обращались за его мнением, но был трудолюбивый, симпатичный человек, делавший свое дело без шуму и с большой любовью. Фундаминский отказался вступить в подгруппу. Не могу сказать наверно, но, вероятно, причиной отказа, кроме нежелания так рано связывать свою свободу и стремления продолжать свою теоретическую подготовку, была и некоторая гордость. Ему, очевидно, неприятно было становиться до известной степени в подчиненные отношения к своему прежнему сотоварищу. Вообще, тихая, незаметная деятельность мало подходила к его любящей блеск, слегка аристократической натуре с лассалевскими задатками светского революционера. Я был почти убежден, что, если Фундаминский отдастся совершенно революционной деятельности, то только в какой-нибудь более или менее видной роли. Таким образом, наша подгруппа составилась всего из четырех человек, к которым присоединился, как представитель центра, Минор. В первое собрание на моей квартире мы занимались, так сказать, конституированием нашей группы, определением ее прав и обязанностей, для чего нам была прочитана брошюра «Предварительные работы партии»—пятый (неопубликованный раньше) пункт «программы Исполнительного Комитета». Этим мы уже официально присоединялись к партии «Народная Воля». На собрании, как и полагалось официальным членам партии, обязанным беспрекословным повиновением Исполнительному Комитету и его программе, мы совершенно серьезно дебатировали вопрос о том, как держаться в случае предстоявшего захвата власти. Не знаю, как тогда было в других местах России, но в Москве к концу моей вольной жизни такие дебаты были бы очень смешны. Партия была разгромлена на-долго; среди немногочисленных представителей центра (даже и не думавшего о наименовании себя Исполнительным Комитетом) царило стремление сузить, а не расширить задачи, больше думать о том, как бы правительство нас не захватило, а не то, чтоб захватить власть. Но к весне 1884 г., несмотря на все поражения, традиции обширных замыслов были еще очень сильны, партия опять насчитывала по всей России многочисленных приверженцев. Исполнительный Комитет *насчитывал много членов*[1], среди которых были выдающиеся революционеры. Трудно сказать, чтобы я тогда отдавал себе вполне ясный отчет в программе партии, тем труднее, что к тому времени по поводу этой программы, царила уже страшная разноголосица. Чуть ли не каждый народоволец понимал эту программу по-своему, часто радикально расходясь со своими това-

[1] В Исполнительной комиссии были только трое—Г. А. Лопатин, Н. М. Салова и В. И. Сухомлин.—*Редакция*.

рищами. В виду того, что главные части программы для нас, местных работников, были «музыкой будущего», а непосредственно приходилось иметь дело с практическими задачами, занимавшими все наше время, эта разноголосица не имела большого значения. Отчасти она сгладилась во время известного спора между старыми и молодыми народвольцами,—спора, о котором я скоро расскажу, что знаю. Программные вопросы были тогда поставлены ребром, и приходилось поступиться той или другой частностью своего личного понимания, чтоб присоединиться к одной из спорящих сторон. Что касается меня, то я всегда стоял, более или менее сознательно, за более умеренные задачи партии. Захват власти и пр. громкие заявления никогда не трогали меня, никогда не представлялись в сколько-нибудь реальных формах. За то известное «Письмо к Александру III» понравилось мне более всех других заявлений партии. Да и то я выделял из него национализацию земли и фабрик и другие коренные социальные реформы, как дело более далекого будущего; а для настоящего времени считал основной задачей требование конституции, свободы печати и пр. политические реформы. Повторяю, что все это еще не выливалось у меня в строго определенные формы, а было тогда скорее смутным стремлением. Меня больше привлекали, с одной стороны, общие теоретические основы научного социализма и, с другой, практические дела минуты.

После наших предварительных собраний мы, собственно, ничего больше не делали. Наступили экзамены, а за ними обычное летнее затишье в местной революционной деятельности, так как очень многие раз'ехались. Мы отложили обсуждение практических вопросов и дел до осени.

Лето я проводил в Богородском. На этот раз я не надеялся иметь столько свободного времени, как раньше. Но и перспектива в некоторых случаях заменять собою раз'ехавшихся более крупных деятелей была довольно приятна. В Богородском же проводил лето и Минор, с которым я был уже, конечно, довольно близок. И он и Рубинок распростились с естественным факультетом и перешли на юридический. Они хорошо понимали, что соединить такую кипучую революционную жизнь, какую им приходилось вести, с добросовестными занятиями наукой нельзя. Другое дело—юридический факультет. С одной стороны, часть наук, общественные, были им более знакомы, с другой—чисто юридические допускали полную возможность ничего не делать весь год и только к экзаменам подзубрить лекции. Рубинок оставался в городе, потому что ему неудобно было бросать свою квартиру, которую он нанимал у двух женщин, двоюродных сестер, Августы Ивановны и Катерины Федоровны. Трудно себе представить кого-нибудь, кто был бы, подобно этим двум немкам, дальше от всяких «измов». Скромные хозяйки богатого модного заведения, они до появления на их квартире Рубинока и понятия не имели о радикалах. Но мало-по-малу они сблизились с ним, поддались его влиянию (он

учил сына одной из них), втянулись в его интересы, оставаясь, конечно, пассивными участницами, помогая своей квартирой и оказывая изредка разные мелкие услуги. Их интерес к новой для них деятельности не заглох и после ареста Рубинока. Они продолжали знакомство с радикалами, укрывали у себя нелегальных, предоставляли свою квартиру для собраний. Рубинока в тюрьме они посещали, как своего родного. В то время, о котором я рассказываю, у них помещалась наша «рабочая библиотека», заведывать которой, между прочим, было поручено и мне. Библиотека эта состояла из одних легальных сочинений—книг, брошюр и сброшюрованных журнальных статей, пригодных для чтения рабочим. Большинство пропагандистов говаривали, что они предпочитают легальные сочинения, а революционные издания дают читать лишь изредка, да и то вполне «своим» рабочим. Некоторые легальные сочинения пользовались очень большим успехом, напр., роман Джиованиоли «Спартак», который пришлось купить в нескольких экземплярах. Вождь восставших римских рабов стал, по рассказам, одним из популярнейших героев наших предместий. В общем книги не залеживались и читались очень усердно. Мне кажется несомненным, что если бы у нас (я не говорю уже о свободе печати), была просто возможность сколько-нибудь продолжительного воздействия интеллигенции на рабочих, если бы так быстро не сменялись одни группы другими, если бы не гибли преждевременно рабочие группы и сколько-нибудь деятельные лица среди самих рабочих, мы были бы свидетелями далеко не малозначительного рабочего движения, особенно в центрах.

Когда я вспоминаю все наши усилия по сближению с рабочими, то могу только удивляться, как при всех этих перерывах, быстрых сменах пропагандистов, кружков, при трудностях сколько-нибудь спокойно сходиться с рабочими, все же в Москве постоянно удерживалась некоторая преемственность агитации, часто даже помимо тех, кто первый вел ее.

Заговоривши о рабочем движении в Москве, я невольно вспомнил одного из главных руководителей его в Москве того времени, Николая Михайловича Флерова. Впервые увидал я его уже на даче, куда его привели на ночевку. Высокий, сухощавый, с длинным серьезным лицом, редко улыбавшимся, с очень большим «породистым» носом, высоким лбом, редкой растительностью на бороде, уже не молодой,—он производил сильное впечатление на всех, кто с ним знакомился. Это впечатление усугубилось во мне, когда я узнал, что Флеров—нелегальный, член петербургского центра и пр. До сих пор мне не приходилось еще вступать в близкие отношения с нелегальными. А с Флеровым за время его пребывания на моей квартире (он часто приезжал к нам) мы близко сошлись, если так можно выразиться про почтительное преклонение с одной стороны и привычную сердечность даже и к мало знакомым товарищам—с другой. Уже самая опасность его положения сильно действовала на меня, когда я об этом раздумы-

вал. Я хорошо знал, что попадись я сейчас в руки полиции, и мне только пришлось бы на несколько времени прогуляться в места не очень отдаленные. А тут жизнь человека ежеминутно висит на ниточке, за ним устроена облава, его ищут, а попадется—засадят его в ужасный Петропавловский каземат. Осудят в каторгу, может быть, повесят (конечно, я преувеличивал, но так уж действовало звание нелегального). Но не это одно, вносимое мною в наши отношения, было причиной симпатии, внушаемой мне Флеровым или, как мы его называли, Иваном Ивановичем, а, кроме душевности, его замечательная тактичность, серьезность, несомненный ум и порядочные знания. Он умел заполнить те вечера, когда мы оставались одни, не пускаясь в излишнюю откровенность, не идущую в его положении, а беседуя, главным образом, о вопросах науки, конечно, общественной. Не скажу, чтоб он был очень красноречив, но иногда он поднимался до пафоса, может быть, понимая, что этот пафос, неуместный среди своих, inter pares произведет надлежащее впечатление на такого юнца, как я. До сих пор живо помню я, как он пленил меня одной своей речью об отношениях философии к социализму, которую он начал великолепною фразою: «с тех пор, как Арнольд Руге в своих знаменитых Iahrbücher первый установил связь меж философией и научным социализмом»... К стыду, должен признаться, что и теперь еще не знаю, какую именно связь установил почтенный сотрудник Карла Маркса по крайней левой гегельянства, но тогда и это новое имя, и новые идеи, излагаемые Флеровым, произвели на меня большое впечатление. Впрочем, такие теоретические беседы у нас происходили не часто, и я не могу с уверенностью сказать, действительно ли Флеров был так образован, как мне тогда казалось. В то время он явился в Москву, с одной стороны, как главарь партии, с другой, как представитель и горячий пропагатор идей только что образовавшейся вследствие раскола новой партии, называвшейся «Молодой Партией Народной Воли». Другие расскажут с большим знанием дела эту печальную историю несвоевременного и гибельного раздора, я же скажу только несколько слов о ней, насколько мне удалось познакомиться с делом. После ареста члена Исполнительного Комитета Веры Фигнер, партия «Народная Воля» была страшно разгромлена, и, что хуже, была утеряна та преемственная связь, которая давала авторитетность вновь возникавшим центральным организациям, давала им решимость, при довольно еще больших в то время силах, предпринимать попытки в духе захвата власти, или, по крайней мере, центрального террора. Во время возникшего в 1883 г. смутного времени во главе партии стала имевшаяся тогда в Петербурге организация «Красного Креста», которая и образовала при содействии некоторых других крупных деятелей, а главное, уцелевшего Дегаева так называемый «Соломенный Исполнительный Комитет», члены которого, благодаря Дегаеву, почти все были

известны Судейкину [1]. Скоро раскаяние Дегаева (имевшее причиной, вероятно, главным образом, запутанное положение, в которое он попал, из-за своей двойной политики с полицией и с революционерами), наметило для этого комитета главную задачу, убийство Судейкина, что и было исполнено к концу года. К тому же времени явился из-за границы Герман Лопатин, посланный, так сказать, водворить порядок в несколько деморализованной предательством Дегаева партии и поставить новую организацию в преемственную связь (через заграничных членов Исполнительного Комитета) с прежними. Некоторая властность, с которой приступил к делу Лопатин, раньше мало известный в борьбе «Народной Воли», вооружила против него несколько уцелевших после киевских арестов членов недавно образовавшегося Комитета, имевших за себя, если и не традицию преемственности, то реальные связи и, главное, блестящую победу над страшным в то время врагом. Меж ними и Лопатиным с приверженцами начались всякие разногласия, сперва на личной почве борьбы самолюбий, но скоро, по русскому обычаю, принявшие принципиальный оттенок (пожалуй, не только русскому, так как подобные же столкновения раздробили французский социализм на массу «партий», имена которых—гедисты, бланкисты, алеманисты, брусисты и пр.—показывают, что принципиальные различия играют подставную роль). Часть прежнего Комитета скоро поставила на очередь пересмотр программы «Народной Воли». Она-де уже устарела и не отвечает нуждам времени. Террор, чтоб иметь успех, должен сделаться понятным народу; поэтому надо его расширить, надо терроризировать не только высшую администрацию, но и непосредственных врагов народа, выдающихся кулаков, притеснителей-помещиков, эксплуататоров-фабрикантов и становых-варваров. Такой террор сделается «мостком» меж революционной интеллигенцией и народом; последний поймет, в чем сущность современной революционной борьбы и мало-по-малу присоединится к ней. Эти почти анархические идеи развивались одной сочувствовавшей новому движению довольно известной писательницей [2] в статье, предназначавшейся в качестве передовой для имевшего издаваться нового органа молодой партии «Народная Борьба» [3]. Эта статья была дана мне для переписки. Хотя содержание ее было далеко несимпатично мне, но сознание, что моя работа будет в самом центре, в типографии, где печатается главный орган, преисполняло меня радостью. Но вернемся к истории раздора. Герман Лопатин со всей страстностью своей натуры набросился на тех, кто вносил столь опасное раз'единение в партию, только что начавшую оправляться от недавних ударов, кто

[1] Автор не точен: Смотри в статье И. И. Попова главу «Молодая Партия Народной Воли».—*Редакция.*

[2] Е. И. Конради.

[3] О программе «Молодых народовольцев» и вообще об этой партии см. статью «Революционные организации в Петербурге в 1882—1888 г.г.»—*Редакция.*

проповедывал такие, по его мнению, нелепые и вредные идеи. Но на сторону «молодых» стало много выдающихся революционеров, среди которых особой горячностью отличался известный поэт, Петр Филиппович Якубович. Эта борьба заняла много дорогого времени, погубила понапрасну много нервных сил, и к началу лета 1884 года спор не был еще окончен. Представителем «молодых», как я уже сказал, в Москву явился Флеров. Собственно, он не был фанатиком новых идей, но и не руководился какими-нибудь личными счетами. Он много хлопотал о примирении, о каком-нибудь компромиссе, для чего ездил из Москвы в Питер. Но если бы раздор окончился полным расколом, что можно было думать по началу, Флеров несомненно остался бы с «молодыми». К этому его влекла вся его прежняя деятельность, все его личные симпатии. Он давно уж отличался в Петербурге, как один из самых ярых и умелых пропагандистов среди рабочих; эту работу он всегда ставил выше всего, но обстоятельства заставили его уделять много времени делам совсем другого характера. Теперь, когда явилась возможность отдаться вполне любимому делу, когда сближение с рабочими было поставлено в угол программы, он, конечно, больше сочувствовал «молодым». Однако, эти чувства не могли заглушить в нем понимание всей опасности раздора. Поэтому он вел себя довольно сдержанно, выжидательно. В Москве он почти совершенно убедил и привлек на свою сторону центральную организацию; некоторые, как, напр., Рубинок, стали даже фанатиками новых идей. За Флеровым явился в Москву и Лопатин. Это, конечно, было событие крупное, потому что имя Германа Лопатина было очень популярное. В Москве он держал себя замечательно свободно. Чуть не с первых же дней его приезда он многим стал известен под своей настоящей фамилией. Уж на что мелкой сошкой был я, однако, скоро и я узнал, что прибывший в Москву нелегальный Григорий Петрович—знаменитый Лопатин. Несмотря на такую страшную неосторожность, даже дерзость, Лопатин не погиб в Москве, благодаря более всего своему счастью. Он обедал в студенческой кухмистерской, где постоянно бывали шпионы; часто по вечерам, отдыхая на бульваре, собирал вокруг себя шумные кружки студентов и курсисток; открыто посещал и ночевал у своих приятелей из либеральной московской интеллигенции. Раньше такой открытый образ его жизни был не так опасен, потому что тогда он имел возможность раз'езжать в первом классе, останавливаться в лучших гостинницах. Но когда средства поубавились, и приходилось подтягиваться, эта смелость давала уже гораздо более возможности погибнуть. Эта же смелость, самонадеянность вследствие долгого счастья были и причиною его ужасной гибели с массой адресов и заметок, которые он надеялся вовремя уничтожить. Меж Лопатиным и Флеровым в присутствии московской центральной группы произошло несколько диспутов по поводу раз'единявших их программных вопросов. Самому мне не пришлось послушать их, но, по рассказам Рубинока, дело происхо-

дило так. Григорий Петрович произносил длинные, блестящие речи, иногда по нескольку часов, Флеров же говорил мало, серьезно, вслушивался и изредка вставлял в перерывы речей несколько фраз или задавал какой-нибудь вопрос и делал это так удачно, что ставил в тупик Лопатина, и уничтожал влияние его красноречия. Конечно, это приходится принимать cum grano salis. Рубинок был слишком увлечен новой программой, чтоб быть об'ективным наблюдателем; да и по самой сущности дела было, вероятно, очень трудно действительно озадачить Лопатина. Но так или иначе, однако фактическая победа осталась за Флеровым, на сторону которого перешла московская группа. Скоро, впрочем, положение дел изменилось, Флеров уехал в Петербург для новых переговоров о примирении, которое и состоялось, наконец. Враждовавшие фракции слились в одну, прежде, чем выпущен был в свет приготовленный уже к печати новый орган «молодых»—«Народная Борьба». В Москву Флеров вернулся уже представителем единой партии «Народная Воля», отложивши пока в сторону спорные вопросы. Хотя, как мне потом рассказывали, Флеров посмеивался над москвичами, которые сперва яро нападали на «стариков», а потом, по данному сигналу, сразу сложили свое оружие. Но, если этот рассказ справедлив, Флеров ошибался, по крайней мере, относительно некоторых; напр., Рубинок был крайне недоволен новым поворотом, в дружеском разговоре обвинял Николая Михайловича чуть ли не в измене принципам и, если подчинился, то только по чувству дисциплины, которое в нем было, хотя и не в очень сильной степени. Что касается меня, то я был страшно рад, что раздор кончился. В непосредственных спорах, я, конечно, не участвовал, но, следя со стороны по рассказам Рубинока, Минора и др., я очень огорчался ходом дел. Само собою, что я и понятия не имел о существовании другой подкладки спора, кроме идейной. Но и самые новые идеи были мне крайне антипатичны,—полного анархизма, до убийства отдельных, хотя бы и очень злых представителей владеющих классов. Я вооружался против этих диких для меня взглядов всеми силами своей логики и слабых знаний, но, к сожалению, должен был ограничиваться разговорами с вполне сочувствовавшим мне Фундаминским, который стоял тогда в стороне. Рубинок был слишком поглощен своими «делами», чтоб уделять много времени спорам со мною; да и трудно было бы мне в чем-либо переубедить его. Кроме идейного разногласия с новыми взглядами, мы, т.-е. я и Фундаминский, вполне понимали страшный вред раздора с партийной точки зрения и часто собираясь, сетовали на него. Понятно поэтому, каким восторгом встретили мы примирение.

К. М. Терешкович.

Несколько слов по поводу воспоминаний М. Р. Гоца.

Печатаемый в настоящем сборнике отрывок из автобиографии М. Р. Гоца составляет часть рукописи, написанной им в то время, когда он отбывал каторгу в Забайкалье. Как рассказывает «Вилюец» (М. А. Брагинский) в своей статье «М. Р. Гоц в тюрьме и ссылке» («Заветы», 1913 г., № 5), он написал автобиографию в Алгачах в 1893—94 г., для своей жены В. С.

Записки эти в буквальном смысле обрываются на полуслове, по крайней мере, в той копии, которая нам прислана вдовой, несколько лет тому назад. Мы выбрали для напечатания в настоящем сборнике последний отрывок из них, в котором Михаил Рафаилович рассказывает о своей деятельности в московской группе «Народной Воли», в которой он принимал деятельное участие. Этот отрывок мы выбрали, как представляющий нечто целое, хотя и обрывающееся, как мы уже упомянули, почти на полуслове.

Здесь я постараюсь дать в кратких чертах описание некоторых моментов в жизни народовольческой организации того времени, которые не вошли в воспоминания М. Р. Гоца, который свою рукопись доводит до осени 1884 года. Прежде всего, этой осенью в Москве произошла, так называемая, «катковская демонстрация», в организации которой главную роль играл Осип Соломонович Минор, а также Сергей Михайлович Терешенков. Этот последний, весьма популярный среди рабочих, взял на себя задачу привести на эту демонстрацию довольно большое количество рабочих. Сам я тогда был еще очень юн, в самой демонстрации не участвовал, но о ней знал, так же знал, что рабочие на эту демонстрацию явились. На ней был арестован мой старший брат, и мне приходилось часто отправляться в Бутырскую тюрьму на свидание с ним, ходить за разрешением на эти свидания к обер-полицеймейстеру. Я видел в Бутырках, в большой зале для свидания, много участников демонстрации. Та задача, которую по-

ставили себе инициаторы этой демонстрации, правда, не была выполнена. Предполагалось, подойти к типографии известной реакционной газеты «Московские Ведомости», во главе которой стоял вдохновитель реакции М. Н. Катков и которая помещалась в проезде Страстного бульвара, и разбить эту типографию. Народу собралось довольно много, но, когда демонстрация подходила к дому этой типографии, она была окружена полицией, казаками, и были арестованы все, за исключением тех, кто успел перепрыгнуть через решетки Страстного бульвара. Демонстранты после ареста были в большинстве разосланы по разным местам России. Часть из них попала в Тулу, в том числе мой брат, Ч. М. Петрашкевич, И. Гусев, а затем к ним присоединился и О. С. Минор. Как это видно из издания Тульского истпарта «Революционное Былое», они там заложили первый и основательный фундамент революционной работы среди местного пролетариата. У нас, москвичей, поддерживалась с ними связь, при чем некоторых работников они посылали оттуда к нам; с другой стороны, москвичи иногда отправляли на подмогу к ним своих работников.

М. Р. Гоц в указанной демонстрации участия не принимал. Он в это время оканчивал гимназию, с другой стороны считал более важной для себя чисто партийную организационную работу.

В 1885 году, поступив в университет, Михаил Рафаилович из подгруппы попал в центральную московскую группу народовольцев. Это был, по тогдашнему масштабу, довольно оживленный период народовольческой работы. Что касается специальной роли М. Р. Гоца, то он всю свою кипучую энергию отдавал организационному делу, или, как говорится о нем в деле Московского охранного отделения[1], руководству практическими делами группы. Это был период собирания и накопления сил, преимущественно среди учащейся молодежи, трудовой интеллигенции и среди рабочих. Непосредственной работой среди последних ведал студент III курса юридического факультета И. И. Тихомиров, «из крестьян», как отмечено в деле охранного отделения, и студент Петровской академии М. Л. Соломонов. Особенно блестяще было поставлено дело снабжения групповой библиотеки нелегальной литературой, а также и легальной, но к тому времени из'ятой за революционность содержания. Имелись сочинения Н. Г. Чернышевского, легальные и заграничные («Пролог к прологу»), заграничные газеты и журналы «Вперед», «Набат», «Община», все заграничные народовольческие издания—«Вестник Народной Воли», «Календарь Народной Воли», отдельные произведения Лаврова—помимо «Исторических писем» (в легальном и нелегальном издании) его «Парижская Коммуна», «Государственный элемент в будущем обществе», «Квинт-эссенция социализма», Шеффле с комментариями Лаврова, сочинения Маркса, помимо I тома

[1] Дело это хранится в Московском историко-революц. архиве.

«Капитала», из'ятого тогда из обращения, его же «Нищета философии», «Гражданская война во Франции», «Коммунистический манифест», «Утопический и научный социализм» Энгельса, его же «Положение рабочего класса в Англии», произведения Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и «Социализм и политическая борьба» и много других изданий, которых сейчас не упомню. Конечно, выходившие в то время номера «Народной Воли» имелись в изобилии, как и старые номера этого органа. Все это были либо общепартийные русские и заграничные печатные издания, либо издания местные, отпечатанные на прекрасном литографе. На литографе же печатался революционный студенческий журнал «Голос молодежи» и начато было издание журнала «Социалистическое знание». Впоследствии, как это видно из дела охранного отделения, заведены были две летучие типографии. Интересно отметить, что в секретном докладе московского охранного отделения директору департамента полиции П. Н. Дурново говорится: «Гоц избегал посвящать многих в это дело, и о существовании типографии знали лишь самые близкие с ним лица. Всем остальным он говорил, что издания эти («Сборник стихотворений» и прокламации в стихах «Современному поколению», которые успели выпустить указанные типографии) печатаются на юге». Вообще М. Р. был душой организации, и он своей пламенной верой, энтузиазмом, упорством и настойчивостью заражал всех своих товарищей. На нем, между прочим, лежали письменные сношения с заграницей и отправка туда литературных материалов. Но тут следует отметить один трогательный факт—он туда, за границу, в Париж, где концентрировалась тогда народовольческая эмиграция, посылал не только письма. Узнав как-то, что П. Л. Лавров очень любит гречневую кашу, а между тем в Париже достать крупу гречневую нет возможности, он стал регулярно посылать Лаврову посылки с этой крупой. Вообще, отношение к П. Л. Лаврову у М. Р. было какое-то особенно восторженное. Впоследствии, в Вилюйске он явился инициатором чествования там 70-летия Лаврова, при чем, помню, он высказывался в том духе, что и Михайловский, и Лавров оба дороги ему, как учителя, но что, если Михайловского он уважает, то перед Лавровым он преклоняется. Он знал, какой скромной жизнью, часто нуждаясь в необходимом, жил в своей маленькой низенькой квартирке на rue St-Jaques этот крупный философ-социалист и революционер.

Для пропаганды среди рабочих у группы имелась прекрасная библиотека, как из легальных, так и из нелегальных изданий. Между прочим, имелось не мало популярных изложений учения Маркса, отчасти своего литографского издания. Помимо «Царя Голода» А. Н. Баха, «Кто чем живет» польского социалиста Дикштейна, в издании группы вышел перевод популярного изложения Маркса французского марксиста Габриеля Девилля. Затем, имелись переводы некоторых брошюр Вильгельма Либкнехта, как, например,

«В защиту правды». Я уже не говорю о старых популярных брошюрах—«Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях» и т. д. Вообще деятельность, группы, в частности издательская, была проникнута некоторой марксистской тенденцией. Несомненно, что уже в то время в уме М. Р. были заложены основы того взгляда на марксизм, который впоследствии был им высказан кратко, но четко в его статье, напечатанной в «Вестнике русской революции» № 3, под названием «Беглые заметки», и подписанной псевдонимом А. Левицкий (после 1905 г. статья вышла в легальном издании «О критике и догме, теории и практике» и под обычным его псевдонимом «М. Рафаилов»).

Я тут хотел бы отметить эту черту, характерную для направления мыслей московской революционной молодежи в отличие от питерской. Заметная часть последней в этот период была уже затронута пропагандой идей группы «Освобождение труда»; мало того, в Питере в 1885 году уже сформировались первые группы русских социал-демократов (группа Благоева, Кугушева, Харитонова) [1], и, как теперь выясняется, сама террористическая группа «Нар. Воли»—Ульянов, Шевырев и др.,—имела в своем составе лиц и социал-демократического направления. В Москве же у нас ничего подобного не было. Я помню хорошо, что, когда у нас появился орган питерской социал-демократической группы под названием «Рабочий», к факту образования этой группы у нас отнеслись, как к явлению случайному, не имеющему под собой твердой почвы и потому эфемерному, не жизненному. Что же касается заграничной плехановской литературы, в особенности книжки «Наши разногласия», то отношение к ней у нас было крайне отрицательное.

Я говорил выше об оживленной работе группы и о накоплении в Москве революционных сил. Действительно, если просмотреть документы московского охранного отделения, относящиеся к тому времени и хранящиеся в Московском историко-революционном архиве, то мы увидим, как пышно расцвели тогда всевозможные революционные кружки. Из них часть была тесно связана с работой центральной группы, часть же работала кустарно, на свой страх и риск,—надо признаться организационный разброд и невязка уже тогда обращали на себя внимание. Я имею в виду между прочим и группу юных милитаристов во главе с Владимиром Вигилевым, хотя и признававшим в общем народовольческую программу, но представлявшим особый оттенок революционной мысли, о котором не место сейчас распространяться. Упомяну сейчас лишь о лицах, определенно участвовавших в работе группы и о которых в мемуарах Гоца не упоминается, или, вернее, до которых он не дошел. Упомяну здесь о Сергее Павловиче Казанском—кандидате прав Московского университета; ему было предложено остаться при университете для

[1]) Группа Благоева возникла раньше.—*Редакция*.

подготовки к кафедре, но он от этого отказался, желая посвятить все свои силы партийной работе. Между прочим он был также музыкально образованный человек, кажется, кончивший Московскую консерваторию, и вел в журнале «Русская Мысль» обращавшие на себя внимание музыкальные обзоры. После окончания административной ссылки в Сибири, он переехал на Кавказ, где вскоре умер. Близко стоял к народовольческой группе присяжный поверенный Д. Н. Доброхотов, впоследствии председатель совета присяжных поверенных; братья Аргутинские, братья Кузнецовы, из которых один, доктор, поныне здравствует, сестры Вера, Евгения и Варвара Шефтель, учительница Софья Гловацкая, Л. Нагель и жена его В. Соколова, рабочий Ив. Михайлович Соколов, А. Сипович, Н. Ф. Дмитриев, О. Ю. Гофман, сестра Максимилиана Гофмана, о котором упоминается в мемуарной литературе (напр. у Баха). Часть из упомянутых выше, как Л. Нагель и С. Гловацкая, более близки были к работе местного «Красного Креста», благодаря связям в обществе работавшего довольно успешно. В тот период через Бутырки проходили большие партии политических, в том числе польские пролетариатцы, и Московскому «Красному Кресту» удавалось снабжать их всем необходимым на длинный сибирский этапный путь. В этот же период народовольческой работы началось долгое общественно-революционное служение поныне здравствующего Флегонта Александровича Данилова, 30-летие научно-общественной работы которого было очень трогательно отмечено здесь в Москве на вечере в Доме Ученых в декабре 1925 г. Он много раз арестовывался и высылался, но никогда не отрывался от революционной среды и работы. Его роль в работе народовольческой группы 80-х годов состояла в печатании в течение двух лет в литографии, на ряду со студенческими лекциями, нелегальных изданий народовольческой группы, к которой он принадлежал; и это так и осталось неизвестным московскому охранному отделению. Кстати упомяну еще об одной легальной литографии Киселева, где группа печатала свои издания, но дело это открылось, и литография была начальством опечатана и ликвидирована.

Кроме литографских изданий, группа, как упомянуто выше, устроила две летучих типографии. В типографиях этих Дмитриев и Сипович успели напечатать более 500 экз. брошюры «Стихи и песни» и прокламацию в стихах под названием «Современному поколению». Предполагалось еще выпустить: «Царь Голод», «Хитрую механику», «Кто чем живет», выпуская эти издания от имени партии «Народная Воля». Шрифт, в количестве до 10 пуд. для этих типографий, устроенных незадолго перед арестом группы, как видно из дела охранного отделения, добыт Н. Ф. Дмитриевым, занимавшим место корректора в типографии Волчанинова, в связи с чем был впоследствии арестован метранпаж из этой типографии А. Г. Макаров.

В воспоминаниях, которыми поделился в кружке народовольцев Ф. А. Данилов, он упоминает о том, что перед своим арестом он

находился в связи с тульской типографией Богораза, снабжал ее шрифтом и другим техническим материалом. В этом деле мы подходим уже к той работе московской народовольческой группы, которая связана с приездом в Москву В. Г. Богораза, после провала южно-русской центральной организации «Народной Воли». Сам В. Г. Богораз в статьях своих («Русское Богатство», 1907 г., №№ 9, 10) под названием «Повести прошлой жизни» ограничивается по поводу своего пребывания в Москве лишь следующими словами: «писать о том, что было в Москве до нашего ареста, не входит в мою задачу».

Приезд Богораза в Москву после провала южно-русской центральной организации внес значительное оживление в работу местной группы. Предполагалось даже образование нового всероссийского центра. Прокламация в стихах, упомянутая в деле охранного отделения под названием «Современному поколению» принадлежала Богоразу. Я помню из него лишь 3 строчки:

«Бойцы могучие, титаны, а не люди,
Поднявши грозно меч, выдерживали грудью
Врагов озлобленных безжалостный напор».

В связи же с приездом Богораза состоялась отправка московской народовольческой группой делегатом в Париж М. И. Фундаминского. Мы имеем об этой поездке очень любопытные упоминания в воспоминаниях А. Н. Баха, напечатанных в «Былом» в 1907 г.[1].

...«Фундаминский привез от имени этого кружка докладную записку, в которой обсуждалось положение партии «Народная Воля», и предлагались меры к возрождению ее. По словам составителей записки народовольческих сил в России было много, но силы эти оставались разрозненными и бесплодными вследствие отсутствия надлежащего импульса. Надо было опять взяться за террористическую борьбу с правительством, возобновить и влить новую жизнь в партийную литературу, а главное, устроить крепкую и сплоченную организацию». Из этой цитаты можно видеть, что как ни скромны были вначале задачи, которые ставила себе народовольческая группа, в которой работал в течение двух лет М. Р. Гоц, она имела в виду также и задачи более широкие в тот момент, когда условия для этого назреют. Увы, в этот раз момент не назрел. Группа и все, имевшие какую-либо причастность к ней, в конце 1886 года, начиная с 25 октября, были переарестованы. Группа исчезла, но не умер тот дух, который воспитался в ее членах в период ее работы. Через 15 лет, отбыв каторгу и ссылку, с пронизанной пулей грудью, М. Р. Гоц, очутившись на свободе, в журнале «Вестник русской революции», основанном им вместе с другими старыми народоволь-

[1] И в «Воспоминаниях Льва Тихомирова». Гос. изд., 1927 г., стр. 193.
Редакция.

цами, Русановым и Рубановичем, пишет в статье, посвященной 20-летию 1 марта 1881 года, следующие, проникнутые глубокой верой в грядущую русскую революцию слова: «20 лет назад на Голгофе русской революции перешли от смертной личной жизни к бессмертной исторической 5 борцов «Народной Воли»...

«С высшего пункта, достигнутого когда-либо русской революцией, тени погибших товарищей указывают нам на путь борьбы»...

«Товарищи, услышьте этот голос. Оставьте все эти мелкие, сравнительно с предстоящей грандиозной задачей, раздоры и разногласия. Соединитесь в одну великую и нераздельную социалистическую и революционную партию, и тогда

Ждите братья, ждите с верой
Побеждающей волны...

В этой вере, в этом революционном энтузиазме и пафосе, сказалась та закваска, которую Гоц и его ближайшие друзья получили в их юношеской работе в рядах партии «Народная Воля».

П. К. Пешекеров.

Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 г.г.

Эпоху деятельности партии «Народная Воля» после 1 марта 1881 года обыкновенно принято считать «эпохой упадка» этой партии, так как никогда впоследствии террористическая работа партии по своему размаху не могла достигнуть таких размеров, каких она достигла при подготовке и совершении этого события. В этом взгляде, конечно, имеется доля истины, поскольку борьба с самодержавием была одной из основных задач партии и поскольку террор являлся основным средством этой борьбы. Но фактически деятельность партии не ограничивалась и не могла ограничиться одной только террористической борьбой с самодержавием, а обнимала целый ряд организационных, агитационных и пропагандистских задач, свойственных всякой революционной партии, и неудивительно, что и после 1 марта 1881 года деятельность партии не только не замерла, но в некоторых отношениях даже расширилась по своему об'ему, особенно на местах. Только предательство Дегаева в 1883 году и провал Лопатина в 1884 году нанесли партии такой удар, от которого она не могла больше оправиться, и «Народная Воля», как организованная революционная партия, перестала существовать, хотя традиции ее и продолжали жить в разрозненных революционных кружках, и время от времени повторялись попытки связать их вновь в партию.

В настоящих своих воспоминаниях я хочу коснуться пропаганды членов одной из народовольческих групп среди рабочих, а именно в Ростове на-Дону, в 1882—84 г.г.

В начале 80-х годов Ростов-на-Дону был уездным городом Екатеринославской губернии и пользовался очень большой популярностью, гораздо большей даже, чем губернский город Екатеринослав. Помимо того, что Ростов представлял собою большой порт, там имелось несколько больших сталелитейных и механических заводов: завод Пастухова, бывший Бронштейна, завод Грагама и К°, завод Лимарева

и другие. Там же находились главные железнодорожные мастерские Владикавказской ж. д., несколько табачных фабрик (Кушнарева, Асмолова и др.) и писчебумажная фабрика Панченко. И, как во всяком крупном портовом городе, здесь насчитывалось значительное количество хлебных грузчиков, особенно летом. Таким образом, даже в то время в Ростове было достаточное количество квалифицированного и неквалифицированного рабочего люда.

В смысле торгово-промышленном и экономическом город Ростов также представлял собой крупный, значительный центр.

Раньше чем перейти к характеристике нашей работы среди рабочих, я позволю себе несколько остановиться также и на революционном прошлом гор. Ростова. С этим городом связаны имена многих революционных деятелей 70-х г.г., как например, Л. Гартмана, В. Осинского, М. Р. Попова, Сергея Пешекерова и др. Из воспоминаний землевольцев мы видим, что Ростов-на-Дону был тогда центральным пунктом на юге для всех тех, кто собирался итти в народ—на Дон и северный Кавказ. Там имелись постоянные квартиры для пропагандистов, там они получали денежные средства и паспорта, наконец, там же они получали и некоторые подготовительные знания для хождения в народ.

В Ростове-на-Дону, как известно, имели место также и террористические акты, конечно, не крупные, не всероссийского масштаба. Напомню один из них, когда был убит рабочий Никонов, предавший массу рабочих (50 чел.) Владикавказской дороги. Кроме того, как известно, Ростов прославился актом народного восстания 2 апреля 1879 года (на пасхе). Как раз в день покушения Соловьева на Александра II, начался разгром полиции, продолжавшийся три дня. Я был, конечно, не активным деятелем и участником, но, во всяком случае, очевидцем этого погрома полиции. Мне было тогда только 16 лет, и я был в 5 классе реального училища.

Надо сказать, что непосредственная причина, повод, который вызвал такой взрыв народного восстания, был самым обычным явлением: конный городовой арестовал пьяного на новом базаре, на Садовой улице, где происходили гулянья, и вел его в участок, находившийся вблизи базара и около нашей квартиры. Обычный факт перешел в разгром полиции. На базаре сгруппировалось много портовых рабочих, недовольных полицией по другим причинам, и пожелавших отомстить и сосчитаться с ней. Началось с мелкого факта, а затем 3 дня город оставался без полицейских властей. Своего гарнизона в Ростове никогда не было и местные власти обратились по телеграфу в Новочеркасск. Только в конце третьего дня были присланы казаки, а до тех пор город находился неизвестно в чьих руках. Необходимо подчеркнуть, что при этом грандиозном погроме не пострадал ни один из жителей города, кроме полицейских. В Ростове было тогда до 35.000 еврейского населения, но ни евреев, ни лавок, ни купцов не громили, а исключительно полицейских: полицеймейстера, приста-

вов и т. д. Характерный факт: полицеймейстер жил в доме одного купца. Купец занимал нижний этаж, а полицеймейстер—верхний. Для того, чтобы проникнуть во 2-й этаж, не трогая нижнего, надо было взломать парадную дверь, ведущую в верхний этаж, но это было трудно, так как она была дубовая. Тогда толпа, по совету одного из вожаков, взломав одно окно нижнего этажа, проникла в него и открыла парадную дверь изнутри, не тронув в квартире купца ни одной вещи. Мне кажется, да оно так и было в действительности, что действием толпы руководила какая-то организация. По крайней мере я видел, как один нес импровизированное знамя (обломок дверного косяка с красной материей), а другие распоряжались и показывали, куда итти. Сам я тогда еще ни в каких организациях не участвовал, но, помнится, читал впоследствии, что толпой руководили рабочие, вероятно, железнодорожных мастерских. Повидимому, наличие большой массы квалифицированных и неквалифицированных рабочих с одной стороны, и оживленная торгово-промышленная жизнь—с другой создавали благоприятные условия, как для планомерной революционной работы, так и для стихийных массовых вспышек, подобных вышеописанному погрому полиции.

Я уже говорил в начале, что с именем Ростова были связаны имена многих революционеров 70-х годов. Будучи еще малолетним в то время, я, конечно, лично не сталкивался ни с одним из них. Но помню один случай, который мне показал, что среди этих революционеров числился и мой старший брат, Сергей. Однажды летом 1878 или 1879 года к нам на квартиру зашел один знакомый моего брата (тогда реалиста 7 класса) и спросил меня, дома ли брат? Когда я ответил отрицательно, он, передав мне какую-то книгу для брата, сказал, что зайдет после. Когда я проводил его до наружных дверей квартиры, то увидел у крыльца нескольких полицейских, которые сейчас же набросились на него и, арестовав, повезли на извозчике.

Этот знакомый брата был Петр Родин, который, после побега из тюрьмы (так мне потом передавали) жил нелегально в Ростове и пользовался для своей переписки адресом моего брата в училище.

Не знаю, проследили ли П. Родина шпики, или перехватили его переписку, но брата моего тогда не арестовали, хотя ежедневно вызывали его в жандармское управление для допроса. Благодаря заступничеству директора нашего училища, Е. С. Каменского, прекрасного человека и редкого педагога, брата не только не арестовали, но даже не исключили из училища. Мало того, несмотря на то, что жандармские власти предписали директору всю корреспонденцию моего брата передавать предварительно им для прочтения, директор этого не делал. Он передавал все письма нераспечатанными брату, а последний письма невинного характера возвращал обратно директору для передачи жандармам, а конспиративные оставлял у себя.

Вообще я должен сказать, что наше реальное училище с самого открытия (с 1873 года) отличалось исключительным составом своего

педагогического персонала, благодаря тому, что он был подобран таким выдающимся и редким человеком, как Е. С. Каменский, который был к тому же директором не по назначению министерства народного просвещения, а был избран Ростовской городской думой, потому что наше реальное училище содержалось не казною, а городом. В 1880 году Е. С. Каменский, как неблагонадежный, был уволен министром Толстым от должности, благодаря доносам и в связи с следующей историей: в 1879 году ученики 7 класса Ростовского реального училища вели деятельную переписку с учениками реальных училищ других городов юга России и собирали подписи под петицией правительству об уравнении прав реалистов и гимназистов при поступлении в университеты. Переписка велась, конечно, конспиративно от училищного начальства, но одно из писем адресатом, учеником какого-то реального училища (повидимому, чересчур благонамеренным), было передано его начальству. Отсюда донос в министерство и затем министерское расследование, результатом чего было, с одной стороны, увольнение директора Каменского, а с другой—оставление всех учеников 7 класса Ростовского реального училища на 2-й год, хотя все они, пока шло следствие, успели выдержать выпускные экзамены и даже чуть не получили аттестаты об окончании на руки. Впрочем одно исключение было: это был ученик Шинкаренко, нравственную и политическую физиономию которого можно охарактеризовать его же собственными словами, сказанными им его однокашникам, спросившим его, чем он намерен быть по окончании училища: «В военное время—солдатом, а в мирное—жандармом»,—был его ответ. Так вот, один только Шинкаренко получил аттестат как об окончании курса, так и... о благонадежности.

Как и в других городах, у нас в то время кружки саморазвития распространялись с громадной быстротой. Среди учеников реального училища и гимназии в мое время было около 10 кружков. Занятия происходили систематические. Каждую прочитанную книгу мы штудировали и писали рефераты. Предметами чтения и изучения были: «Исторические письма» Миртова (Лаврова), «Политическая экономия» Милля с примечаниями Н. Г. Чернышевского, «Что такое прогресс» Спенсера и разбор этой книги Михайловского, «Азбука социальных наук» Флеровского, «Рабочий вопрос» Бехера, сочинения Лассаля и т. д., и, наконец, был кружок, который штудировал первый том «Капитала» Маркса. Это было нечто в роде народного университета. Училище нас просвещало в смысле техническом, а здесь мы знакомились с общественными науками. Руководителями у нас были студенты, были и нелегальные. Но одним из самых активных и деятельных руководителей и учителей наших был бесспорно мой старший брат, Сергей Пешекеров, пользовавшийся в то время громадной популярностью среди молодежи и рабочих. Как быстро развивалось наше политическое сознание показывает, между прочим, следующий факт: в 1877 году, во время турецкой войны, мы все были (как и

большинство подростков) большими шовинистами. Мы радовались победам русских и поражениям турок. Помню, когда уже был издан манифест об окончании войны, у нас сидели мои сверстники и сверстники моего брата. Последние были более революционно настроены. Во время беседы я, между прочим, сказал фразу такого рода, что, дескать теперь «братушкам» (болгарам и сербам) будет лучше жить без башибузуков. Один из товарищей моего брата (это был Лука Колегаев) возразил: «Что же ты думаешь, Петя, неужели болгарам лучше будет под игом наших чиновников и полиции, чем при башибузуках? Они, правда, их резали кое-когда. А все-таки десятки лет не резали, а наша полиция, наши чиновники будут притеснять их каждый день!». Это меня тогда так поразило, что я чуть не заплакал и был до глубины души возмущен подобным кощунством...

И вот, спустя 2 года, в 1879 году, во время погрома полиции, мы все были на стороне восставших. За 2 года наше сознание в политическом отношении, видимо, далеко продвинулось вперед...

Теперь перейду к пропаганде среди рабочих и буду говорить только о времени с 1882 по конец 1884 г.г., когда я лично, будучи сначала членом подгруппы, а потом и группы партии «Народная Воля», работал среди рабочих. И до этого, конечно, существовали партийные группы, но они не имели такого организованного характера, как после 1882 года. Во всяком случае, о более раннем периоде по своим воспоминаниям я ничего не могу сказать.

В 1882—83 г.г. нашей работой в кружках рабочих руководил главным образом, мой брат, С. Пешекеров, который сплотил вокруг себя группу молодежи для пропаганды среди рабочих. В числе их был и я. Конечно, деятельность брата и нашей группы не ограничивалась одной работой среди рабочих; мы вели работу и в других направлениях и, между прочим, нами было напечатано (на гектографе) и выпущено 2 номера журнала «Накануне», где помещалась, между прочим, и «Хроника рабочей жизни». После ареста и ссылки брата у нас образовалась более сплоченная партийная группа, во главе которой стоял А. Н. Бах (Семен) и членами которой были нелегальные: С. Иванов, П. Антонов, Г. Добрускина, А. Кашинцев, а также П. Елько (впоследствии злостный предатель), проживавший более или менее постоянно в городе.

Кроме того, время от времени наезжали к нам и другие члены партии: Г. Лопатин (один раз), В. И. Сухомлин и др. Они сплотили вокруг себя кружки местной молодежи в подгруппы. Этих подгрупп было несколько. Каждый из членов группы занимался с одной или несколькими подгруппами. Члены разных подгрупп были знакомы между собою персонально, но не могли знать через кого они сплачиваются— этого требовала конспирация.

В числе легальных членов группы и подгрупп назову фамилии: С. Шаповалова (наш паспортист-художник), Р. Чернышева, Макара Попова, Д. Лобановского, М. Каялова, Иосифа Вейнберга, А. Цейт-

лина, принимавших более или менее активное участие в партийных делах. Что же касается лиц, сочувствовавших и помогавших нам средствами, связями, адресами для писем, явок и проч., то отмечу среди них: Г. Ранца, провизора, помогавшего нам адресами и арестованного в одно время с нами, партийцами, по списку Лопатина, и сосланного на 10 лет в Средне-Колымск; Н. Назаревича, начальника коммерческого отдела Владикавказской жел. дороги, хотя и либерала по убеждению, но весьма сочувствовавшего нам и помогавшего денежными средствами С. Ходжаева, хранившего у себя на квартире шрифт, паспортные бланки и нелегальщину Л. Колегаева, пожертвовавшего партии несколько десятков тысяч рублей из полученного отцовского наследства, Н. Гутермана и др.

Работа распределялась среди членов группы и подгруппы таким образом, что одни вели пропаганду среди молодежи, другие среди рабочих. Те и другие занимались в то же время добыванием средств, связей, адресов, шрифта для тайной типографии и проч.

Между прочим, шрифт для 10 номера «Народной Воли» был приобретен у нас, т. к. этот номер должен был быть выпущен в Ростове. Впоследствии этот номер был издан в Таганроге, так как наша группа была арестована с провалом Г. Лопатина. Часть этого шрифта перед моим арестом переносилась из одной квартиры в другую и в конце концов хранилась, как я упомянул, у С. Ходжаева вместе с громадным сундуком с паспортными бланками и другой нелегальщиной. Когда мы уже сидели в тюрьме, спустя месяц к Ходжаеву нагрянула жандармерия, но у него ничего не нашли, так как за неделю до обыска он был предупрежден пом. частного пристава, Хлобощиным, и успел все перевезти в укромное место. Отмечу, кстати, что этот же самый Хлобощин года 1½ или 2 тому назад предупредил моего старшего брата Сергея о налете жандармов и тем отдалил срок его ареста.

Я лично до самого моего ареста вел работу среди молодежи и среди рабочих. Как я уже говорил, одним из деятельнейших пропагандистов среди молодежи и рабочих был мой старший брат Сергей. После его первого ареста, в августе 1882 года, и в связи с его делом, я был отдан под гласный надзор полиции, будучи 18-летним юношей. Он мне передал свои связи среди рабочих и поэтому я, еще до его ареста, занимался с одной небольшой группой рабочих. После его ареста и высылки в Сибирь (1883 г.) у нас уже образовалась та сплоченная и организованная партийная группа, о которой я говорил выше, и мои занятия с рабочими группами стали более систематичными и регулярными.

Как велась пропаганда среди рабочих? Точно так же, как и в других городах, она, конечно, не могла быть, по условиям того времени, массовой. Среди заводских и железнодорожных рабочих мы вербовали отдельных лиц, которых и сплачивали в небольшие группы в 5—10 человек. Я, между прочим, вел работу с рабочими железнодорож-

ных мастерских и Пастуховского завода. Пропаганда и агитация велась в общем таким образом: более или менее выдающиеся рабочие, распропагандированные раньше и находившиеся в постоянных сношениях с членами местной партийной группы, намечали и выбирали из массы рабочих (среди которых они вели пропаганду) наиболее отзывчивых из них и составляли из них кружки или группы в 5—10 человек. После нескольких предварительных бесед или чтений с ними рабочий-пропагандист вводил в свой кружок члена партии, рекомендуя его под какой-нибудь кличкой. Меня, напр., ввели под кличкой «тов. Павел» и эта кличка осталась за мною во всех кружках, с которыми мне приходилось работать до самого моего ареста.

Дальнейшая работа среди кружков уже велась партийными работниками, при чем сами эти кружки, по своему составу, не оставались замкнутыми, так как каждый из участников имел возможность ввести с общего согласия нового члена из числа тех, среди которых велась им пропаганда на заводе за станком. Если первоначальный кружок разростался, он распадался на 2 или 3 новых кружка, которые поручались другим членам партийной группы или подгруппы.

По мере того, как из членов этих кружков вырабатывались более сознательные и подготовленные пропагандисты, они сами сплачивали вокруг себя отдельные кружки из общей массы своих товарищей по заводу или мастерским, пользуясь всеми удобными случаями для такой пропаганды. Часто эти распропагандированные члены кружков, или по личным обстоятельствам, или по желанию, переводились на работу по своей специальности в другие ближайшие города, как например, Новочеркасск, Ставрополь, Екатеринодар, Екатеринослав и др., и тогда они сами становились активными работниками, сплачивающими вокруг себя кружки на новом месте.

Несомненно, самое трудное было начало, т.-е. умелая пропаганда среди вновь образовавшихся кружков. Поэтому за это брались сначала опытные члены партийной группы и затем, доводя до известного момента, передавали другим членам группы или подгруппы, которые вели уже кружок дальше, приобретая сами таким образом некоторый навык и уменье. Что же касается самих рабочих, участников наших кружков, то впоследствии некоторые из них сделались выдающимися пропагандистами и агитаторами среди широкой массы, как например, Андрей Карпенко, Виталий Кудряшов и др.

Занятия у нас проходили по особой программе, которую каждый пропагандист составлял в зависимости от степени подготовленности слушателей. Систематизация программы заключалась в том, чтобы не просто рассказывать о чем попало, а так распределить материал (надо сказать, что слушателями у нас являлись иногда рабочие довольно неразвитые), чтобы у них составилось определенное отношение, с одной стороны, к существующему социальному строю и к программе и деятельности партии «Народная Воля», боровшейся против

этого строя, а с другой — к тем задачам, к тому идеалу будущего социального строя, к которому стремилась эта социалистическая партия.

В общем пропаганда наша среди рабочих, как класса, имеющего свои определенные интересы, и прежде всего экономические, должна была исходить из этих интересов, как наиболее понятных и близких им, рабочим. Сообразно с этим мы прежде всего старались ознакомить своих слушателей с положением рабочих в настоящее время как у нас в России, так и в других странах, указывая и доказывая, что везде и всюду экономические интересы рабочего и капиталиста противоположны друг другу и при существующих условиях иными быть не могут; что везде и всюду политический строй устроен так, что он поддерживает интересы капиталистов и помещиков против интересов рабочих и народа вообще. Затем, переходя к положению дел в России и указывая на существование у нас полного политического бесправия, как рабочих, так и всех других слоев населения, мы особенно настаивали на том, что только с уничтожением этого всеобщего бесправия, т.-е. при борьбе за политическую свободу и за уничтожение самодержавия, возможно у нас изменение и улучшение экономического положения рабочего класса и крестьянства, как наиболее угнетенных в этом отношении слоев населения.

Наконец, мы знакомили с программой деятельности партии «Народная Воля», как единственной революционной организации, существовавшей тогда в России, с ее ближайшими задачами и конечной целью.

Конечно, нельзя думать, что мы, и в частности я сам лично, в таком строго систематическом виде выполняли выше намеченную программу пункт за пунктом. Ни мои личные силы и знания, ни находившаяся в нашем распоряжении легальная и нелегальная литература не позволяли этого сделать. Но ведя дело не вполне систематически, все же мы не теряли из виду конечной цели, располагая материал для пропаганды более или менее планомерно. Иногда мы вели устную беседу, иногда пользовались статьями из легальной или нелегальной литературы, раз'ясняя и комментируя непонятные места, а иногда обсуждали те или другие злободневные факты и события из текущей жизни вообще и жизни рабочих в частности.

Лично я таким именно образом располагал свои занятия с рабочими. Целью нашей работы не было создание из каждого члена кружка какого-нибудь интеллигента, который был бы вооружен знаниями в таком об'еме, как мы сами, а тем более нашей целью не было во чтобы то ни стало подготовить из них террористов. В конце 90-х годов за границей некоторые из социал-демократов экономического направления говорили мне: «Ваша работа среди рабочих сводилась к тому, чтобы из каждого рабочего сделать своего рода типичного интеллигента». Это было совершенно неправильно. Правда, некоторые из них, как например, Андрей Карпенко и Вита-

лий Кудряшов были очень развитыми, но не потому, что мы с ними занимались, а они сами работали над саморазвитием, посвящая все свое свободное время чтению. Главной целью нашей было выработать из них агитаторов, которые могли бы вести на фабриках и заводах пропаганду и агитацию среди широкой массы рабочих, недоступной при тогдашних условиях для всех нас. Для этого нам необходимо было давать им не только знания, необходимые, как материал для пропаганды, но и разжечь в них тот революционный пыл и энтузиазм, которыми одушевлены были мы сами и который дал бы им возможность влиять на массы.

Так я, например, знаю из личного знакомства с Карпенко, Кудряшовым и Рудометовым, что их влияние среди масс было очень велико. К А. Карпенко, например, рабочие обращались даже с вопросами чисто служебного или технического характера. Чисто политическое влияние заставляло считать его авторитетом и в других областях. Я всегда поражался, с какой простотой и с каким уменьем Карпенко и Кудряшов передавали и комментировали рабочим некоторые сложные вопросы политического и экономического характера, исходя из маленького конкретного факта и переходя к широким обобщениям. Кстати отмечу, что Андрей Карпенко был арестован после меня. За пропаганду и агитацию среди рабочих (главным образом, в мастерских Владикавказской ж. д.) он был сослан на Сахалин на 10 лет. Он умер от туберкулеза. Рудометов был сослан в степи, кажется, в Петропавловск, на 4 года, а Виталий Кудряшов в Енисейскую губ. на 5 лет, и потом ему прибавили еще 3 года. Он еще и сейчас живет в Сибири (в г. Ачинске) больной.

Некоторые рабочие выходили убежденными террористами, некоторые, наоборот, террор не воспринимали. Помню одного рабочего, который до конца моих занятий говорил, что можно без всякого террора произвести переворот, что не нужны те жертвы, которые приносит партия, обрекая лучших своих членов на смерть и каторгу. Он спрашивал, почему в Западной Европе революционные партии боролись за лучшее будущее не террором, а мирными средствами, не требовавшими стольких жертв. Мне приходилось в таких случаях ссылаться на разницу политических условий у нас и за границей и на невозможность одними мирными средствами добиться у нас для всего народа и для рабочих лучших политических и экономических условий.

Напротив, другие рабочие как-то быстро воспринимали террористический способ политической борьбы с самодержавием у нас в России. Так, например, Г. Рудометов сделался таким крайним террористом, что впоследствии в ссылке, в 1888—89 году, когда партии «Народная Воля», как таковой, уже не существовало и о терроре нельзя было говорить в том масштабе, как это было в 80-х или в конце 70-х годов, он писал мне, что по его убеждению в России единственной формой политической борьбы является систематический террор, но

такой, чтобы правительству не дать возможности вздохнуть, совершая один акт за другим, пока мы не добьемся политической свободы.

Такое диаметрально противоположное отношение к террору, как средству политической борьбы, я об'ясняю не столько разницей убеждений у того или другого рабочего, сколько разницей их темпераментов—пассивностью натуры у одного и активностью у другого.

И действительно, у Г. Рудометова была в высшей степени активная натура. Он сам мне рассказывал, каким он был «буяном» до знакомства с революционерами. «Бывало, говорил он, идешь в праздничный день с товарищами, немного под хмельком, по Богатому Источнику (местечко в Ростове) и первого же встречного «бац по морде». Товарищи меня урезонивают: «Что ты, Гриша, опомнись, за что бьешь человека?» «Оно ничего, да досадно!»—Некуда было силы девать, а на душе было тяжело, вот и дерешься без всякой причины»,—об'яснял он мне свое поведение. Конечно, после знакомства с нами он совершенно изменился, бросил пить и все свободное время тратил на свое развитие и пропаганду среди рабочей массы...

Что служило для нас пособиями при занятиях в кружках рабочих?

В то время систематической литературы у нас по экономике и вообще по социальным наукам, особенно популярной, было очень мало. Помогали нам сочинения: Лассаля—«О сущности конституции», затем его же—«Капитал и труд», Флеровский—«Положение рабочего класса в России», Соколов — «Экономические вопросы», Н. Чернышевский—«Примечания к политической экономии Милля», Бехер—«Рабочий вопрос», а также журнальные статьи «Отечественных записок», «Дела», «Слова» и др. органов.

Пользовались мы, конечно, и популярно-агитационной революционной литературой того времени, как, например: «Хитрая механика, «Сытый и голодный», «Паровая машина молотилка» и т. д., а также №№ «Земли и Воли», «Народной Воли», «Черного передела» и изданиями «Группы Освобождения Труда».

Конечно, наша работа среди рабочих отличалась по размаху и об'ему от той, которую революционеры вели впоследствии. Мы не могли вести массовой пропаганды и агитации и не имели возможности заниматься организацией масс, но своей цели—подготовки кадра сознательных агитаторов и пропагандистов среди рабочих—мы несомненно достигли.

Нужно ли говорить о том, что эти-то сознательные рабочие, прошедшие школу кружковой пропаганды, были всегда на фабриках и заводах теми элементами, которые стояли во главе, как инициаторы и руководители во всех тех случаях, когда где-нибудь возникали стачки или столкновения с начальством—высшим или низшим—из-за штрафов, злоупотреблений и проч., и что они же являлись руководителями в деле обуздывания чрезмерно зазнавшихся мастеров или заведующих. Таким был, например, Андрей Карпенко в мастерских Владикавказской жел. дороги. В отношении, собственно, стачек мы

в то время держались, насколько я помню, такого взгляда, что не следовало искусственно вызывать к стачке в тех случаях и там, где масса, большинство рабочих еще не сознало ее необходимости; но раз мысль о стачке встречала сочувствие, рабочие-агитаторы должны были поддерживать и руководить ею...

Пропаганда и агитация, веденная таким образом нашими агитаторами-рабочими, имела такой успех, особенно среди железнодорожных рабочих, что, например, по требованию железнодорожных жандармских властей увольнялось и выселялось из города не мало рабочих, которые, попадая в другие местности, конечно, продолжали свое дело и там. Из числа тех, с которыми мне приходилось работать, было, таким образом, выслано не менее десяти лиц в Батум, Воронеж, Екатеринослав и др. города. Должен отметить, что из числа этих рабочих, ни один не ушел из рабочей среды, не стал чужд рабочим интересам; наиболее развитые среди них были и остались самыми активными и горячими революционерами вообще и борцами за рабочие интересы в частности, оставшиеся таковыми до самого своего ареста и ссылки в Сибирь. Я уже упомянул об одном из них, А. Карпенко, который не уступая по своему развитию многим интеллигентам (у него, между прочим, была собственная прекрасная библиотека, приобретенная на заработанные деньги), все время оставался и не переставал быть одним из видных пропагандистов и агитаторов среди рабочих. Другой видный рабочий-пропагандист, В. Кудряшов, несмотря на свое долгое знакомство и работу с народовольцами и на свою развитость, не только не ушел из рабочей среды и не сделался типичным «интеллигентом», но так и не удосужился выучиться писать (читал он, конечно, прекрасно). Этому чисто интеллигентскому ремеслу он выучился только во время этапного следования в Сибирь у своих товарищей...

Занятия свои в рабочее время мы обыкновенно вели вечерами, собираясь на квартире у кого-нибудь из рабочих поочередно, а иногда нанимали специальную квартиру (или комнату), где устраивали холостого рабочего. По праздникам и воскресным дням собирались с утра куда-нибудь за город (напр., в Протопоповский сад), или ездили просто на лодке по реке, или на противоположный берег.

Надо сказать, что во все время наших занятий и пропаганды среди рабочих ни одного ареста рабочих не было. Я, по крайней мере, помню только один-единственный, да и то чисто случайный: Иосиф Вейнберг, однажды, вместе с рабочими поздно вечером, возвращался на лодке к Ростову. Их захватила таможенная стража (у нас была тогда таможня). Стража думала найти контрабанду. Когда их арестовали и начали искать контрабанду, Вейнберг не выдержал и закричал: «Чего, вы, черти, ищете! Арестовали, так ведите прямо к приставу!». Пристав сразу сообразил в чем дело. Вейнберга отправили в жандармское управление, а рабочих продержали месяца 2 и выпу-

стили. Вейнберг поплатился 3 годами Западной Сибири (он был в Березове). Больше случаев не помню.

Необходимо также отметить, что несмотря на то, что в Ростове никогда не прекращалась революционная работа, как среди молодежи, так и среди рабочих, местная жандармская и полицейская власть проявляла полнейшую пассивность. Аресты и обыски у партийцев почти всегда происходили по предписанию высших петербургских властей, или окружных жандармских управлений, но никогда по инициативе местных властей. Не знаю, чем это об'яснить, но это так было. Как курьез, должен сообщить, что одна из наших конспиративных квартир находилась долгое время против дома полицеймейстера, у ворот которого всегда дежурили городовые, а нелегальная Г. Добрускина не раз бывало сидела вместе с полицеймейстером в театре Асмолова в его директорской ложе.

Заканчивая свои краткие воспоминания о работе среди рабочих в 1882—84 г.г., мне хотелось бы еще упомянуть, как мы, рядовые работники, относились к деятельности партии «Народная Воля». Признавая всецело террористическую деятельность, мы, однако, не считали, что к террору должна была свестись вся работа партии, да и в действительности она не могла свестись, так как ведь фактически подготовкой и организацией террористических актов могла заниматься сравнительно небольшая группа членов партии (так наз. «боевые дружины»), а остальная масса, разбросанная по всем уголкам России, конечно, вела не менее необходимую повседневную партийную работу, в том числе и работу среди рабочих. Насколько мы эту последнюю работу считали важнейшей из работ, показывает следующий факт: мой товарищ и близкий друг, Р. Чернышев, страдавший с юных лет катаром горла, не в состоянии был физически вести пропаганду среди рабочих и, несмотря на то, что он все свои силы отдавал партии в других областях, он очень мучился тем, что не мог заниматься «настоящим», как он выражался, делом. Такое отношение к работе среди рабочих я об'ясняю, помимо всего, известными революционными традициями, перешедшими от наших предшественников, «ходивших в народ». Мы не могли итти в «народ»—шли к рабочим...

Для полноты рассказа отмечу, что когда и к нам в Ростов явились адепты «Молодой партии Народной Воли», проповедовавшие фабричный и аграрный террор, они не нашли ни одного приверженца среди нас...

На этом я закончу свои краткие воспоминания. В конце октября (кажется 19 числа) 1884 г. я, вместе с многими другими членами нашей группы, был арестован. Арест наш произошел, как известно, вследствие записей, найденных у Германа Лопатина во время его ареста в октябре 1884 г. на Невском проспекте в Питере, кото-

рые он не успел уничтожить. Мы, члены группы, знали об этом и я помню, что после ареста Лопатина у нас было заседание членов группы, на котором диспутировался вопрос, распространяются ли правила конспирации на всех без исключения членов партии, или допускается исключение для особо выдающихся членов. Этот вопрос ставился в связи с захватом у Лопатина шифрованных записей имен, характеристик и рода деятельности членов партии в разных городах. Некоторые члены нашей группы, в том числе и я лично, указывали на недопустимость таких записей, считая это оплошностью со стороны Лопатина, другие защищали противоположное мнение. Как бы то ни было, но мы заранее были подготовлены к нашему аресту, хотя еще оставалась надежда, что наши имена могли быть и не захвачены, или не расшифрованы. Арест в одну ночь почти всех наличных членов группы показал, что наши имена тоже были в списке Лопатина...

Т. М. Романченко.

Рабочая организация в Ростове в 1885—1887 г.г.

Я продолжу несколько воспоминания П. К. Пешекерова и остановлюсь на периоде 1885—87 г.г.

Я по возрасту был моложе и был до некоторой степени учеником Петра Кирилловича, потому что в занятиях с группой, в которой я работал, он принимал участие. Но это было как-раз перед его ссылкой—встречи были редкие и очень короткие. Наследство мы получили очень тяжелое. Были традиции, были имена, но не было организации. И в центре, и на периферии все было разбито. Даже те небольшие организованные группы, которые умели работать, оказались разбитыми, оказались одинокими. Я помню тов. Ейшина, который продержался еще два года. Он умер на воле. Он отдавал последние силы этой работе, но печать усталости, печать разочарования, если можно так сказать, уже лежала на нем.

В тот период мне пришлось окунуться в заводскую жизнь. Я сам был интеллигентный человек, но под влиянием народовольцев меня потянуло стать ближе к массам, познакомиться с ними, и я поступил на завод и овладел ремеслом настолько, что получал 1 р. 20 коп. в день, как квалифицированный рабочий. У меня установились тесные связи. Работали мы в двух предприятиях: на заводе Пастухова, где работал Г. Рудометов и во Владикавказских мастерских, через Нестерова, Дивиденко и Бухоярова. Последний сделал себе потом великолепную карьеру оперного певца—баса. Работа шла пропагандистская и культурная. Мы осуществляли программу, о которой выше пишет Петр Кириллович. В наследство мы получили прекрасно подобранную библиотеку, томов 800. Потом такого подбора я не встречал нигде. Это были библиографические редкости.

Шаг за шагом мы завоевали дорогу, жили все одной жизнью, подходы были естественные. Интеллигенции, революционно настроенной, в Ростове тогда совсем не было, за исключением одного Ейши-

на. И. Вейнберг и другие, окончив свои березовские ссылки, ушли на покой. И вот в Ростове составилась группа до 25 человек. В это время как-раз начиналась постройка Тихорецкой и Екатеринодарской ветки.

В Екатеринодаре на таких постройках концентрировались квалифицированные рабочие. Жили они вне города. Там были очень подходящие условия для пропаганды. Меня послали в этот район. У меня были большие связи как в городе, так и в гимназии. Знал я Андреюшкина и Руткова, которые впоследствии принимали активное участие в деле 1 марта. Я поступил на карьер по ремонту паровозов и там жил, ночевал и столовался. Работа, собственно говоря, была довольно интересная и захватывающая. Мы успевали чрезвычайно много сделать, хотя элемент чернорабочий туго поддавался пропаганде. Но надо помнить, что это рабочие, которые систематически были на отхожих промыслах, посещали разные места России и прекрасно характеризовали экономические условия общественной жизни разных районов. Эти вечера были полны интереса. И, несомненно, жандарм, который был один на весь карьер, тогда как мы были законспирированы, не мог нам помешать. Мы не боялись никаких репрессивных мер.

Когда дорога стала заканчиваться, у нас подобралась группа рабочих, и мы все время поддерживали самую тесную связь с Ростовом. А благодаря тому, что часть ростовцев перешла в тифлисские железнодорожные мастерские, у нас установилась связь с рабочими Тифлиса.

Мы обменивались литературой. Это легко было сделать, так как железнодорожные рабочие тесно связаны с машинистами и кочегарами, а те легко перевозили нам литературу. Так мы работали.

Кроме того, надо отметить, что наша работа проходила во время, которое было под знаком больших сумерек, под знаком большой общественной подавленности. У нас не было живых центров, откуда мы могли бы получать директивы, не было общественных групп, от которых мы могли бы до известной степени питаться—мы были предоставлены самим себе. В этих, сравнительно маленьких, организациях мы проводили всю нашу практическую работу.

Карьерская работа стала заканчиваться. У группы созрела мысль построить на артельных началах в городе Екатеринодаре, тогда приобретавшем крупное значение на Северном Кавказе, мастерские. Город этот сделался одним из больших экономических и культурных центров, куда тяготела вся периферия.

Мы задумали и создали мастерские, которые существовали 8 месяцев. По предательству одного интеллигента, семинариста, группа была арестована, и мы в административном порядке пошли все в Сибирь.

Вот, собственно, бледные, краткие воспоминания, касающиеся этих, так сказать, сумерек 1885—87 г.г.

А. Шехтер-Минор.

Южно-русская народовольческая организация.

В октябре 1884 г. в Петербурге был арестован Г. А. Лопатин, приехавший в столицу после дегаевской провокации, для того, чтобы восстановить организацию партии «Народная Воля». У него была захвачена записная книжка с многочисленными адресами. Пошли массовые аресты по всей России. Партия, как организованное целое, перестала существовать. Остались разрозненные небольшие подгруппы и отдельные народовольцы, иногда даже не входившие в организацию, или потерявшие связи с ней.

Попытка вновь сплотить эти остатки принадлежит Борису Дмитриевичу Оржиху.

Семнадцатилетний Оржих, будучи учеником Томского реального училища, сблизился с местными активными элементами ссылки, у которых была в то время организация для устройства побегов политических ссыльных, в которой он принял участие. Благодаря этому, Оржих знал ссылку великолепно; ему было известно, по какому делу кто привлекался, куда и когда кто был сослан. Он изучил в совершенстве технику паспортного дела и искусно заделывал паспорта и деньги в корешки книг для пересылки в разные места Сибири. Его помощь в деле устройства побегов была неоценима. Эта деятельность выработала из Оржиха прекрасного организатора и ценного практического революционного деятеля.

В 1881 году Оржих приехал в Одессу и поступил в Новороссийский университет. В течение трех лет он неутомимо работал в студенческих и революционных кружках. В августе 1884 года жандармы явились на квартиру Оржиха, чтобы его арестовать, но в это время Оржих был в Волочиске и в Киеве по делу перевозки литературы из-за границы. Уведомленный во-время, что его хотят арестовать, он скрылся и перешел на нелегальное положение.

Последовательно побывав в разных местах юга—в Харькове, Екатеринославе, Полтаве, Симферополе, Севастополе,—ознакомившись с местными молодыми революционными силами и остатками разгромленной лопатинской организации, Оржих постепенно убеждался, что эти силы можно сплотить.

В конце 1884 года он приезжает в Харьков с взлелеянной идеей об'единить юг, связать его с севером и таким образом воссоздать разбитую организацию партии «Народная Воля». Эта идея встретила полное сочувствие среди местных народовольцев, и решено было немедленно приступить к работе. В Харькове уже в начале 1885 года удалось восстановить деятельность нескольких кружков и составить районный центр.

После Харькова Оржих пожил в Таганроге, Ростове-на-Дону, в Новочеркасске и там об'единил сеть кружков и отдельных лиц, а вскоре организовал две типографии—в Таганроге и Новочеркасске. Все районы предстояло об'единить и придать их работе характер планомерности. Возникла, таким образом, идея о с'езде делегатов разных районов для создания центра партии на юге.

Весною 1885 года, в одно из своих посещений Таганрога, Оржих познакомился с только что выпущенным из тюрьмы, после двухлетнего заключения, Владимиром Богоразом (впоследствии известный писатель Тан). В Богоразе Оржих сразу оценил большую литературную силу, и тут же у него явилась смелая по тому времени идея—издать очередной (11-й) номер «Народной Воли».

Богораз согласился на предложение Оржиха войти во вновь строящуюся организацию и вскоре перешел на нелегальное положение.

Представитель одесской организации, Лев Яковлевич Штернберг, юрист последнего курса, человек большой эрудиции в сфере общественных наук, взял на себя миссию связать южную организацию с Петербургом. Летом 1885 года, по дороге в Петербург, он по предварительному уговору заехал в Харьков на свидание с Оржихом и Ю. Д. Тиличеевым, представителем Харьковского районного центра (только что окончившим филологический факультет в Харькове). На этом свидании трех (Штернберга, Тиличеева и Оржиха) был решен в принципе вопрос о с'езде, который наметили созвать в Екатеринославе в половине сентября. Вся организационная часть была предоставлена Оржиху.

Я встретилась с Оржихом (старым моим товарищем) в Екатеринославе, после окончания мною срока поднадзорности в Екатеринославе и в Бахмуте. Столковавшись об общей работе, мы условились, что я из Одессы переселюсь в Екатеринослав, где должен был собраться с'езд.

Из Одессы со мною приехала в Екатеринослав мой близкий друг Вера Самойловна Гассох (Гоц), вместе с которой я прошла всю революционную школу, начиная с гимназических кружков и кончая каторгой. В Екатеринославе мы восстановили старые связи (В. Гас-

сох также провела два года в Екатеринославе под надзором полиции), которые оказались очень полезными. В Екатеринослав стекалась обширная корреспонденция, сюда приезжали районные и местные работники для личных переговоров, для получения литературы и прочее. Оржих и Богораз также часто приезжали в Екатеринослав, и мы сообща обсуждали все практические вопросы. Весьма деятельное участие в местной работе принимал также Михаил Моисеевич Поляков, супруги Корецкие и другие, имена которых забыты мною. Другими крупными центрами к моменту с'езда были: Харьков, Таганрог, Новочеркасск, Ростов-на-Дону и Одесса.

В Харькове имелся районный центр, куда входили Ю. Д. Тиличеев, Василий Петрович Бражников—оба исключенные из Петербургского университета за студенческие беспорядки, — затем кружки рабочие и студенческие, группировавшиеся в подгруппы, кружки активной работы и кружки саморазвития. В Таганроге, изолированно от местной центральной группы, была организована, усилиями Оржиха и Богораза конспиративная квартира-типография. В ней в качестве хозяев поселились письмоводитель окружного суда Аким Степанович Сигида и его жена, Надежда Константиновна Малаксианова-Сигида, затем Екатерина Михайловна Тринитатская, как квартирантка, и одна молодая девушка в роли прислуги. Таганрогская типография начала свою работу сборником революционных стихотворений. В Ростове шла, главным образом, пропагандистская работа; в Новочеркасске была солидная типография, основание которой положил Ефим Иванович Петровский, бывший студент Харьковского ветеринарного института. Оржих вызвал из Женевы своего двоюродного брата, эмигранта, Захара Когана, и поместил его, как специалиста, в этой типографии. Коган часто заезжал в таганрогскую типографию, чтобы исправлять недостатки ее.

Возникновению одесской организации много содействовала группа студентов Петербургского университета, уволенных в связи с студенческими беспорядками, имевшими место 10 ноября 1882 г. Среди них было не мало юношей, принимавших раньше активное участие в революционном движении.

В 1883 году, министерство народного просвещения разрешило провинциальным университетам принимать уволенных из столичных университетов студентов, и некоторые петербуржцы поступили в Новороссийский университет. Спаянные общим прошлым, они часто собирались, обсуждали разные вопросы и политические события. Среди этих студентов вскоре выделился кружок наиболее активных и революционно-настроенных студентов. В него входили: Л. Я. Штернберг, М. А. Кроль, Вульфович, Португалов и др. Кружок начал революционную работу и выпустил прокламации «К обществу» и «К рабочим». В это же время Штернберг написал свою брошюру «Политический террор в России». Брошюра имела большой успех среди молодежи и вызвала сильное беспокойство в жандарм-

ских кругах. После лопатинского погрома одесский кружок так же мечтал о восстановлении организации «Народной Воли» и очень скоро вошел в общий состав строящейся южной организации.

Независимо от этих главных организаций, Оржих поддерживал многочисленные связи в провинции и в больших центрах, лежавших пока вне рамок правильной организации. По всем этим пунктам Оржих, а часто и Богораз систематически об'езжали и держали всех в курсе дел. Оржих не был профессиональным литератором, но в составлении последнего номера «Н. Воли» он принял большое участие; он собирал хронику, хлопотал о передовицах, корреспонденциях и т. д. Его же усилиями был подготовлен и главный материал к с'езду.

В половине сентября 1885 г. все подготовительные работы к с'езду были закончены и многие из приглашенных с'ехались в Екатеринослав. Время было очень теплое, осень еще не наступила. Большую часть наших заседаний мы устраивали на берегах Днепра, на островах или в других загородных местах. Конспирация и осторожность были соблюдены вполне. Квартиры для всех участников с'езда были приготовлены в разных сочувствующих семьях. На с'езде, насколько могу припомнить, присутствовали следующие лица: Л. Я. Штернберг, В. (Натан) Богораз, Б. Д. Оржих, В. П. Бражников, нелегальный Франц Иосифович Ясевич («Петрович»), Настасья Наумовна Шехтер. Не могли явиться по разным причинам: Похитонова (из Киева)—ее арестовали, когда она села на пароход, чтобы ехать в Екатеринослав,—М. А. Кроль из Одессы, А. Кулаков из Таганрога, Тиличеев из Харькова (он сдавал в это время магистерский экзамен при Харьковском университете) и А. Л. Гаусман из Петербурга. На третье заседание с'езда мы пригласили Макаревского, только что явившегося в Екатеринослав из Харькова, откуда он бежал из участка. На одном из последних заседаний присутствовал Степан Касперович Турский, но он ни тут, ни в нашей организации после с'езда не играл никакой роли.

Работы с'езда начались с докладов с мест. Штернберг сообщил нам о своей поездке в Петербург, где он привлек к нашей организации такую ценную моральную и умственную силу, как А. Л. Гаусман, казненный в 1889 году в Якутске по делу «первой якутской бойни». В моей памяти встает его образ в Якутской тюрьме, где он в течение двух месяцев ждал смертного приговора. Альберт Львович стоит у окна камеры; товарищи поочередно подходят к нему за раз'яснением различных вопросов; он был в полном смысле слова живой энциклопедией—и как трудно было нам тогда примириться с мыслью, что этот человек станет скоро жертвой палача, что эта голова превратится в прах...

Штернберг познакомил и связал нас с Львом Матвеевичем Коган-Бернштейном. С Коган-Бернштейном Штернберг и Кроль имели деловое свидание в Одессе осенью 1885 года. Штернберг предложил

ему присоединиться к возродившемуся на юге центру «Народной Воли», изложил ему наш план и то новое, что должно было быть внесено в нашу ближайшую программу.

После Штернберга другие представители докладывали о том, что делается на местах. После докладов с мест мы занялись вопросом об издании 11 номера «Народной Воли». Проредактированы были две передовые статьи—одна Богораза, другая Штернберга. В одной из них автор выдвинул, как доминирующий элемент, чисто политическую борьбу, завоевание политической свободы, почти игнорируя социалистический характер программы. По общему настоянию в нее были внесены значительные поправки. Остальная программа номера была одобрена. Затем перешли к вопросу о популяризации социалистически-революционного учения. Штернберг изложил свою точку зрения на ближайшую тактику. По его мнению, мы больше не должны думать о мгновенных победах. Борьба вступила в длительную фазу; на ряду с боевой деятельностью должна вестись широкая литературная пропагандистская и агитационная работа для подготовки общества и широких масс. После обмена мнений постановлено было издавать библиотеку «Народной Воли». Первым выпуском ее была намечена брошюра историко-социалистического характера «Борьба общественных сил в России» В. Богораза. Брошюра была прочитана на с'езде. Внесли некоторые стилистические поправки, по существу же спора не возникало.

Затем дебатировался вопрос о терроре. Большинство высказалось в том смысле, что отдельные терриристические акты, отделенные большими промежутками времени, имеют малое значение, что только систематический террор, только ряд последовательных ударов может привести самодержавие на край гибели, но для осуществления этого плана нужны огромные средства,—и логически перешли к вопросу, занимавшему тогда многие умы революционеров, к вопросу об экспроприации правительственных сумм. Решено было, что партия ни в коем случае не может санкционировать такой способ добывания средств.

Коснулись на с'езде и некоторых второстепенных тактических вопросов. Так, по вопросу о привлечении к практической работе чересчур юной молодежи все высказывались отрицательно; по вопросу о переходе на нелегальное положение советовали прибегать к этой мере в самых крайних случаях. В заключение с'езд организовал руководящий центр, куда вошли: Оржих, Богораз, Ясевич, Гаусман, Штернберг, Кроль, Кулаков, Тиличеев, Бражников и Шехтер. С'езд кончился, и все участники благополучно раз'ехались по своим местам и с новой энергией приступили к работе.

В Таганрогской и Новочеркасской типографиях шла самая интенсивная работа. Материал для 11 номера, благодаря притоку из разных мест юга и центральной России, разростался и оказался в конце концов достаточным для двойного номера журнала (11—12).

Богораз дал для этого номера, кроме передовой, большое внутреннее обозрение и несколько стихотворений. Печатание номера затянулось до конца ноября. Одновременно с номером «Народной Воли» набиралась брошюра Богораза «Борьба общественных сил в России». Несмотря на частый недостаток средств и огромные трудности в доставке материалов для типографской работы, главным образом бумаги, небывалый до тех пор по об'ему номер 11—12 был сброширован в количестве двух тысяч экземпляров. В начале декабря 1885 года номер вывезли из типографии небольшими партиями в чемоданах и саквояжах и быстро распространили по России. Появление номера радостно приветствовалось всеми сочувствующими и оппозиционными элементами, которые уже не ожидали выхода журнала. Номер явился для них доказательством, что партия опять существует.

В декабре 1885 года Оржих вместе с только-что вернувшимся из-за границы С. А. Ивановым поехал в Москву, где Иванов передал ему некоторые, сохранившиеся у него связи. Из Москвы Оржих с'ездил в Петербург и Дерпт. В Петербурге сорганизовалась центральная народовольческая группа из студенческой молодежи. В Дерпте Оржих виделся с Коган-Бернштейном и его женой, Натальей Осиповной. Условились, что они организуют в Риге или в Дерпте типографию. Но осуществить этого им не удалось, так как они вскоре были арестованы. На обратном пути на юг Оржих снова побывал в Москве, где успел собрать ценный материал для 13 номера «Народной Воли» и присоединил к нашей организации большую сплоченную группу молодых революционеров.

Таким образом юг постепенно связался с севером; партия, как казалось, окрепла и об'единилась. Но в конце 1885 года нашей организации наносится первый крупный удар. Предатель Антон Остроумов, сидевший в Петропавловской крепости, показал, что он передал в Ростове-на-Дону типографский шрифт Акиму Сигиде. 23 января 1886 года произвели обыск на квартире Сигиды, арестовали типографию и всех живших там. Следствие выяснило, что посаженным отцом в свадебной записи Сигиды был Антип Кулаков,—его тоже арестовали. Это печальное известие привез мне в Екатеринослав Богораз. Аресты в Ростове-на-Дону, одновременно с захватом Таганрогской типографии, вызвали сильное опасение за судьбу и безопасность Новочеркасской типографии, в которой была закончена и сброширована книжка «Борьба общественных сил в России»; не доставало только обложки. Богораз, Коган и Суворов (интеллигентный рабочий, недавно вернувшийся из ссылки), жившие в этот момент в Новочеркасске, отвезли кипы брошюр на хутор к казачьему ветеринарному врачу, а 1.000 экземпляров ее привезли в Екатеринослав.

Оржих получил в Москве телеграмму о провале типографии. Окончив здесь дела, он торопится обратно в Екатеринослав. По дороге

проехал в Тулу, Орел, Курск, где закрепил связи и подготовил почву для другой типографии, а затем вернулся в Екатеринослав. Обсудив создавшееся положение, мы решили было немедленно напечатать обложку для вывезенной из Новочеркасска брошюры, и в самом начале поместить подробное извещение об аресте Таганрогской типографии, что потом произвело среди жандармов большой эффект. На хуторе, в пяти верстах от Екатеринослава, где жил сочувствовавший нам товарищ, Оржих, Богораз и Коган в одну ночь отпечатали обложку и извещение. На утро 20 февраля Оржих с Богоразом вернулись с пачкой брошюры в город, а Коган остался на хуторе, где докончил вклейку обложки и добавочного листа.

В ночь на 23 февраля 1886 года полиция нагрянула на квартиру М. М. Полякова, где тогда ночевал Оржих. После попытки бежать Оржих с револьвером в руках был арестован и отправлен в местную тюрьму вместе с Поляковым, а через неделю их увезли в Петербург, в Петропавловскую крепость. На другой день после ареста Оржиха арестовали меня и В. С. Гассох (Гоц). В. Гассох отправлена была административным порядком в Восточную Сибирь на 8 лет, я и Поляков—на 10 лет. В Петербурге, совсем в другой связи был арестован Гаусман. Богораз и Коган на этот раз уцелели, арестовали их позже. Они успели поставить типографию в Туле, в которой вместе с Коганом поселилась Вера Обухова. В ней напечатали «Листок Народной Воли», как приложение к 11—12 номеру и «Отчет о варшавском процессе 29 пролетариатцев (Бардовский, Куницкий, Варынский, Янович и другие)». 6 января 1887 года Коган был арестован в Москве на вокзале с большим тюком бумаги, Обухова же успела скрыться и уехала в Швейцарию. Впоследствии она сошла с'ума и умерла в Париже. Коган был сослан на 10 лет в Средне-Калымск, Якутской области. Богораз был арестован 8 декабря 1886 года в Москве. Его сослали на 10 лет в Средне-Калымск, где он занялся изучением быта инородцев и вообще этнографическими изысканиями. Л. Я. Штернберг был арестован в Одессе в апреле 1886 года и в конце 1888 года его сослали в административном порядке на Сахалин на 10 лет. Туда же был сослан на 10 лет В. П. Бражников, член харьковской организации. В ссылке Штернберг занялся изучением местных инородцев (гиляков, орочон, айнов), а теперь состоит директором этнографического музея в Ленинграде[1]. Позже других был арестован М. А. Кроль. В 1888 году его выслали на 10 лет в Забайкалье, где и он принялся за изучение юридического быта бурят. После ссылки он занялся адвокатурой, выступал в политических процессах в качестве защитника и работал в газетах. Из Екатеринославской рабочей организации—Виталий Кудряшев (поэт) был арестован, а Андрей Карпенко и Иван Хмеленцов успели скрыть-

[1] Умер во время печатания настоящего сборника.—*Редакция*.

ся, но вскоре были арестованы в Одессе. Андрей Карпенко умер в ссылке на Сахалине.

У Оржиха во время ареста был найден почти готовый материал для 13 номера «Народной Воли», несколько важных писем, походный паспортный стол и 40 экземпляров только-что отпечатанной брошюры «Борьба общественных сил в России», а также написанное им письмо—ответ Тихомирову в Париж, в котором он излагал свой взгляд на современное положение вещей в революционном мире. Защищая идею террора и выдвигая его на первый план, он писал в этом письме: «Мы употребим все усилия, чтобы, насколько это от нас зависит, создать систематический террор». Все эти улики, равно как и находка динамитных снарядов в Таганроге под помещением типографии, послужили основанием к обвинению Оржиха, как главного инициатора южной народовольческой организации, и он был предан суду особого присутствия правительствующего сената.

Дело Оржиха рассматривалось в декабре 1887 года. К суду были привлечены все арестованные в Таганрогской типографии, а также Ефим Петровский, казачий сотник Виталий Чернов и студент Александр Александрин. По болезни Оржиха, за невозможностью доставить его на суд, дело о нем было выделено. Суд приговорил Петровского и Акима Сигиду к бессрочной каторге, а остальных подсудимых—на разные сроки каторги. Петровский умер на Сахалине от язвы желудка, Аким Сигида содержался в Харьковской центральной тюрьме, где умер от удара в 1887 году. Жена его, Надежда Константиновна, женщина кристальной души, погибла в каторжной тюрьме (на Каре). Она дала пощечину смотрителю каторжной тюрьмы, за что была подвергнута телесному наказанию. Она умерла от разрыва сердца, кажется, после принятого ею яда. Екатерина Михайловна Тринитатская, интеллигентная женщина с революционным прошлым, не вынесла продолжительного тюремного заключения—сошла с ума и умерла в Иркутской психиатрической лечебнице.

Оржиха судили в ноябре 1888 года. Суд приговорил его к смертной казни. Через месяц после суда ему об'явили, что смертная казнь заменена каторгой, которую он отбывал в Шлиссельбургской крепости, где он пробыл 10 лет, а потом его отправили на Сахалин. В Восточной Сибири, во Владивостоке, Оржих принимал деятельное участие в местной прогрессивной прессе и в революционном движении. В 1905 году он вместе с некоторыми ссыльными бежал из Владивостока и поселился в Нагасаки (Япония). Там он основал вместе с другими эмигрантами социально-революционное издательство «Воля». В течение пяти лет эта организация издавала газету, брошюры, распространяя все это, главным образом, среди пленных солдат. С 1910 г. Оржих живет в Сант-Яго (Чили). Изучив испанский язык, он писал в местной прессе о русской революции, о русских женщинах в революционном движении...

Так была ликвидирована еще одна попытка восстановления организации «Народной Воли», и снова нужно было кому-нибудь начать строить сначала... Неизбежная судьба первых шагов всякого революционного движения. Исторически народовольцы были правы, когда писали после новых и новых провалов, что правительству нечего петь победные песни, что оно не имеет корней в народе, что логика вещей за нами, революционерами; но фактически у нас не было реальных сил,—наши связи с народной массой были еще слабы. Вот почему провал центра являлся провалом организации и движение шло скачками в ожидании инициативных личностей для создания нового центра, новой организации.

А. А. Кулаков.

„Народная Воля" на юге в половине 80-х г.г.

(Примечания к статье А. Н. Шехтер).

Воспоминания Анастасии Наумовны Шехтер являются ценным вкладом в литературу о революционном движении в периоде после разгромов, последовавших вслед за арестом Г. А. Лопатина. В литературе совершенно не освещен этот период революционной деятельности на юге России. Между тем жандармские власти сравнительно вскоре после сентябрьского с'езда, о котором говорит А. Н. Шехтер, были основательно осведомлены как о с'езде, так и о многом другом. Выдал им все это один из участников с'езда, Ясевич.

В производстве о деятельности Богораза и Когана (дело департамента полиции № 1008 за 1892 г.) имеется следующее показание: «Спрошенный в качестве свидетеля дворянин Леон Францевич Ясевич, розыскивавшийся по обвинению в тяжких государственных преступлениях и ныне задержанный и привлеченный в качестве обвиняемого к предварительному следствию по обвинению в принадлежности к шайке, составившейся для ограбления почт, об'яснил, что с Натаном Богоразом он познакомился в Таганроге незадолго до ареста Богораза и высылки его в г. Ейск. По окончании надзора Богораз опять появился в Таганроге, где и стал заниматься революционною пропагандой среди рабочих и интеллигенции, собирая для этого сходки в квартире учительницы Надежды Малаксиановой. Когда летом 1885 г. возникла мысль о расширении деятельности существовавшей в г. Новочеркасске тайной типографии, то Богораз передал ему для этой цели 300 руб. Дело, однако же, не устроилось и из этой суммы он, Ясевич, дал 150 руб. Оржиху. Впоследствии Оржих сообщил ему, что устроил тайную типографию в Таганроге в квартире Акима Сигиды, которого он женил на упомянутой Малаксиановой».

«Наконец, перед от'ездом его, Ясевича, за границу осенью 1885 года, состоялся в Екатеринославе с'езд революционеров с той целью, как об'яснили ему Оржих и Богораз, чтобы сговориться относительно издания следующего номера 11—12 революц. журнала «Народная Воля» и дальнейшей деятельности рев. партии. На происходивших в течение целой недели в лесу вблизи Екатеринослава сходках по этому поводу присутствовали: он—Ясевич, Оржих, Натан Богораз, Степан Турский, Штернберг, Анастасия Шехтер, Алексей Макаревский и Бражников, при чем читались статьи предполагавшегося к изданию нового номера «Народной Воли», из коих одна передовая статья была составлена Богоразом, а другая Штернбергом, а затем спорили относительно роли террора в дальнейшей деятельности партии, и в этом отношении он, Ясевич, Макаревский и Турский высказывались против террора, остальные за террор, в особенности же Оржих и Штернберг, которые доказывали необходимость систематического и непрерывного повторения террористических актов. Одна из этих сходок состоялась по случаю дождя в квартире невесты его, Ясевича, Варвары Бородаевской, в ее отсутствии и без ее ведома».

Ясевича я знал довольно хорошо. Сослан он был в административную ссылку на 3 года в Арханг. губ., но по состоянию здоровья в 1882 году был переотправлен в Таганрог для отбытия ссылки. По приезде его в Таганрог я немедленно познакомился с ним. Будучи до ссылки студентом Петербургского технологического института, Ясевич поступил в Таганрогское железнодорожное депо в качестве слесаря и снял квартиру в семье рабочего. Пропагандой своей среди рабочих он дал нам основание для организации рабочих кружков, которые впоследствии весьма успешно расширились.

По окончании срока ссылки Ясевич переехал в Ростов-на-Дону, где тоже энергично работал на революционном поприще. Затем он вынужден был перейти на нелегальное положение и проживал в Екатеринославе, Харькове, Луганске, Новочеркасске и проч. местах. Раз'езжая по революционным делам, Ясевич заезжал ко мне в Таганрог.

Проживая в Луганске зимой 1884—85 годов, Ясевич изготовил одиннадцать разрывных метательных снарядов, перевез их в Новочеркасск и сдал на хранение Ефиму Петровскому. В начале весны 1885 г. Оржих, по поручению Ясевича, взял от Петровского четыре снаряда, отвез их в Харьков и сдал на хранение Петру Антонову и Саулу Лисянскому; снаряды эти были взяты при аресте 8 мая 1885 года в Харькове у казненного впоследствии Лисянского. Затем в июне 1885 г. Оржих вторично получил от Петровского четыре снаряда, привез их в Таганрог и сдал мне на хранение. Снаряды эти хранились у меня в квартире месяца три или четыре, но когда была сорганизована и пущена в ход типография, и был поставлен на очередь вопрос, где должны храниться метательные снаряды, то

А. С. Сигида заявил, что снаряды должны храниться там же, где находится типография; все присутствовавшие на совещании согласились с мнением, высказанным Акимом Степановичем, и снаряды были мною перенесены в типографию, где они и были обнаружены значительно позже после ареста типографии. Остальные три снаряда Петровский передал донскому офицеру-сотнику Чернову, который увез их к себе на хутор и спрятал в стоге сена. Случайно крестьянский мальчик нашел их и сообщил об этом своей матери. Надо полагать, что женщина эта сообразила в чем дело и поэтому, никому не сообщив, бросила их в пруд. Все-таки женщина эта или мальчик проболтались, ибо, когда после предательства, началось усиленное расследование, то добрались и до женщины и до мальчика; затем спущена была вода с пруда, на дне которого найдены были три снаряда.

В общем о Ясевиче я хранил весьма светлое воспоминание и мне грустно было прочитать указанное выше и др. его предательские показания, благодаря которым Петровский и многие другие товарищи поплатились весьма жестокими наказаниями. Сидевшие одновременно с Ясевичем в Петропавловской крепости об'ясняют его предательство психическим расстройством, которое ясно было выражено в религиозной мании.

Насколько я могу припомнить, в Таганрогскую типографию, за все время ее существования, кроме Оржиха и Богораза, никто из проживавших вне Таганрога не приезжал. Приезжать же для налаживания типографского дела не было надобности, так как Аким Степанович Сигида в юности своей несколько лет работал в типографии, изучил все детали типографской техники и сразу поставил работу в нашей типографии на правильный ход. Мне было известно, что в Ростове-на-Дону имеется в распоряжении Антона Остроумова шрифт, оставшийся после прикрытия существовавшей там типографии, а так как кроме шрифта требовались валы для печатания, рама для набора и проч. принадлежности, каковые можно отлить и сделать на существовавших в Ростове небольших литейных заводах и мастерских, при помощи имевшихся там революционно-настроенных рабочих. Поэтому, когда был решен вопрос об устройстве в Таганроге типографии, мы волей-неволей решили командировать в Ростов Акима Степановича, так-как только под его опытным руководством все это могло быть сделано. Мною была дана ему явка в Ростов к Остроумову, при помощи которого, а также Перегудова и Дымникова, Аким Степанович успешно выполнил свою миссию. Когда он увозил из Ростова шрифт, то случайно столкнулся с Коганом у Остроумова. Последний впоследствии показал, что Сигида и Коган вместе уехали из Ростова и увезли шрифт.

Указание А. Н. Шехтер на то, что я был арестован, благодаря тому, что при венчании А. С. Сигиды и Н. М. Малаксиановой я, будто бы, был посаженным отцом,—неверно. По предложению Оржиха На-

дежда Константиновна и Аким Степанович решили совершить фиктивный брак в виду того, что у них на квартире была устроена типография. Мы приняли меры, чтобы изолировать «новобрачных» от всех их товарищей по революционной работе, дабы не подвергать типографию случайным рискам. Поэтому шафера и др. необходимые аксессуары для совершения обрядностей были приглашены Акимом и Надей из числа своих знакомых, не имевших отношения к революции. Что же касается посаженных отца и матери, то эти функции надлежащим образом выполнили их родители.

Арестован же я был потому, что Елько и Остроумов, превратившиеся тогда в предателей и провокаторов, довольно хорошо меня знали. Елько в 1883 и 1884 г.г. неоднократно приезжал ко мне в Таганрог по партийным делам. С Остроумовым же я встречался в течение двух-трех лет, когда бывал в Ростове, а также и в Таганроге, куда он приезжал ко мне по различным делам. После ареста типографии выяснилось, что в один и тот же день сделано было распоряжение арестовать в Таганроге Сигиду, а в Ростове Перегудова и Дымникова. Обстоятельство это невольно натолкнуло на мысль, что тут играет роль предательство, которое связано со шрифтом и проч. принадлежностями типографии. По прошествии же небольшого времени стали носиться слухи, вскоре подтвердившиеся фактами, что Остроумов сделался злостным предателем.

Позволю себе вкратце сказать о моем отношении к аресту типографии. Вечером 23 января 1886 г., по обыкновению, я направился в типографию, имея в кармане два шифрованных письма, полученных в тот день из-за границы. Дорогой купил вязанку бубликов, чтобы попить чайку с своими милыми типографщиками, расшифровать и почитать письма. Мороз был изрядный. Одет был я грузно: в шубе и подпоясан еще поясом. Подошел к домику, где была типография; окно комнаты, в которой Надя изредка принимала своих знакомых учительниц, ничего не знавших о типографии, было освещено. В таких случаях я входил через черный ход и кухню в комнату, где проживала Е. М. Тринитатская. Она тоже набирала в типографии. Повернув кольцо, я стал открывать калитку, которая несколько приоткрылась, а потом опять прикрылась. Я сильнее нажал на калитку, которая, несколько приоткрылась, и в ней появилась физиономия полицейского-городового, изрекшая: «Не велено пущать». Говорить о том, как я был оглушен этой короткой фразой, излишне. Повернувшись, я сначала медленно, а затем усиленным шагом направился на окраину города, на Касперовку, в квартиру рабочего Тита. Там я написал письма с извещением о провале типографии и не медля отправил их. На следующий день предупредил всех, кого следовало, чтобы меня никто не посещал. Предупреждение оказалось не лишним, так как чуть ли не на следующий день я убедился, что за мной учрежден хотя и наивно-грубый, но неуклонный надзор. По прошествии месяца у меня был произведен безре-

зультатный обыск, и меня оставили на свободе. Через месяц обыск повторился с теми же результатами, и только 30 апреля 1886 г., после третьего, тоже безрезультатного, обыска, я был арестован.

Бориса Дмитриевича Оржиха, я знал, как человека безусловно преданного революционному делу, энергичного, способного и неутомимого работника. Он много затратил сил на то, чтобы сплотить в одно целое разбросанные по разным городам большие и малые революционные группы, которые остались разобщенными после провалов, последовавших вслед за арестом Г. А. Лопатина. Затем совместно с В. Г. Богоразом и другими деятелями революции он сорганизовал центр южно-русской группы партии «Народная Воля». В перспективе рисовалось соединение с севером, который тоже был разгромлен и разобщен. Оржих был арестован, судился и его заключили в Шлиссельбургскую крепость с ее ужасными условиями. Эти ли условия сломили сильного человека или быть может явился какой-то психоз, но только после десятилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости он подал прошение о помиловании после чего был выслан в Дальне-Восточный край. В 1905 г. Оржих жил во Владивостоке, но затем эмигрировал в Японию, где сорганизовал газету на русском языке и со всей своей энергией принялся за пропаганду среди русских пленных воинских чинов. Работа его в этом деле имела значительный успех.

М. М. Поляков.

Разгром Екатеринославской народовольческой группы в 1886 г.

В первой половине 80-х годов прошлого столетия Екатеринослав был бойким, но небольшим губернским городом с 27—30 тысячами населения. Екатеринославская железная дорога только что начала функционировать (в 1884 г.), а вместо позднейших металлургических гигантов было несколько маленьких литейных заводов. В революционном отношении город ничем не выделялся из других торгово-промышленных центров тогдашнего юга России: маленькая группа интеллигенции, зараженная революционным микробом, да такая же приблизительно группа рабочих и железнодорожных служащих, обе подпольно связанные; затем отдельные небольшие кружки учащихся с неоформленными протестантскими наклонностями. Среди интеллигенции наиболее активными до 1885 года были П. А. и Р. Д. Карецкие (в особенности последняя), бывшие в тесной связи с рабочей группой. Среди последних были такие крупные революционеры, как Антонов—шлиссельбуржец—и Карпенко, погибший на Сахалине. В 1884—1885 г.г. обособленно существовали две зачаточные ячейки (с несколько переменным составом) из подлинной рабочей среды—еврейской: табачницы из фабрики Джигита (8—10 девушек) и столько же ремесленных подмастерьев—сапожников и портных. Они были организованы мной и находились вне связи с местными революционными группами, ибо к восприятию революционных идей совсем не были еще подготовлены: среда была полуортодоксальная, невежественная, полная всяческих предрассудков, типично-еврейского гетто, но отзывчивая, тянувшаяся к свету. Я был вынужден ограничить свою работу среди них обучением грамоты и просветительными беседами. Мои попытки вести беседы на экономические темы всречались сочувственно: 12-часовой рабочий день и 25—30 к. оплаты—для табачниц, и 14—15 ч. рабочий день с 3—5 р. месячной оплаты на хозяйских харчах—для сапожников и портных—были достаточным основанием для бесед. Идея протеста была еще чужда этим людям и приходилось чрезвычайно осторожно подходить к скромным революционным темам. По возвращении из ссылки, че-

рез 14 лет, я узнал, что часть этих кружков втянута была в сионистское движение.

В жандармско-полицейском отношении времена были совершенно патриархальные и обстановка для революционной работы самая благоприятная. Вот ряд иллюстраций к этой патриархальности. Нелегальный юноша Клюгге, всем своим видом свидетельствовавший о легкомысленной крамольности, с огромным револьвером, выпиравшим из кармана брюк, затеял в городском саду с полицейским пререкания по какому-то поводу. В это время подошел пристав (или даже сам полицеймейстер) и, узнав, в чем дело, пригрозил Клюгге арестом, если он не уйдет, при чем не поинтересовался даже справиться—есть ли у Клюгге паспорт. Когда поднадзорные А. Н. Шехтер и В. С. Гассох поселились в Екатеринославе, против окна их комнаты, на противоположной стороне улицы, шпик откровенно стоял и наблюдал. Но двор был на углу двух улиц, и крамола тянулась к ним и от них через калитку со смежной улицы. Квартира на окраине города, где накануне нашего разгрома проживал уцелевший тогда В. Г. Богораз, находилась во дворе, где квартировала любовница полицеймейстера, и, очевидно, под его несознательной, но благосклонной охраной. Осенью 1885 г. на бульваре против полицейского управления я заметил молодого человека в широкополой шляпе типично студенческого облика того времени, шагавшего по бульвару туда и обратно. Я его заподозрил в крамольности и сообщил об этом А. Н. Шехтер. Это оказался Л. Я. Штернберг. Но наши полицейские авгуры были очень далеки от охранной наблюдательности.

Втягиваясь в местную революционную среду, я еще зимой 1884—85 г.г. приискал себе для намеченных мной планов подходящую квартиру вблизи центра, но в глухом переулке, смежном с «жандармской» балкой, в расстоянии одного квартала от центрального полицейского правления на Екатерининском проспекте. С целью убедиться в отсутствии полицейской подозрительности относительно меня, я нарочито пред'явил свой паспорт в полицейском участке. Там меня встретили с недоумением, ибо не было такого обычая, и велели притти через несколько дней: «некогда». Я пришел и встретил со стороны делопроизводителя прямо неприязненный взгляд, но паспорт зарегистрировали. Впоследствии я убедился, что у домовладельца никаких справок обо мне не производили. Словом, патриархальнейшая «тишь да благодать».

При вышеописанных условиях моя квартира была совершенно неуязвима. Да и вся местная революционная организация и работа находились в самых благоприятных условиях для дальнейшего развертывания. Связь таганрогской типографии с Екатеринославом выяснилась для властей только после показаний Л. Ясевича в 1887 году («Пути революции», кн. 4, стр. 58, 1926 г.). Следовательно, в 1886 г. было еще достаточно шансов на благополучное существование екатеринославской организации и ее руководителей во главе с Оржи-

хом и Богоразом. Но к несчастью, среди активных и руководящих сил той революционной эпохи не было хотя бы небольшого «дворника» на подобие великого «дворника» Александра Михайлова периода конца 70-х и начала 80-х г.г. Не оскудела еще и описываемая эпоха энтузиастами и героями революционной борьбы, но не было уже былой конспиративной организационной мудрости. Не одни предатели и провокаторы ускорили окончательный разгром народовольческих организаций 1884—86 годов, но и неконспиративность вождей и руководителей, старых испытанных и отважнейших революционных деятелей: сначала Г. А. Лопатина со своим списком, а за ним С. А. Иванова. Предатели же только расширили рамки разгрома.

Екатеринославский разгром, как известно уже, произошел благодаря плохо зашифрованным С. Ивановым заметкам, среди которых находился и екатеринославский адрес оптика Хейфеца для конспиративной переписки, шедшей через мои руки. Сам же по себе этот адрес был идеален по своей конспиративности. Старик Хейфец был моей жертвой на алтаре революции. Оптической торговлей ведал его старший сын, мой революционный ученик. С его согласия я и пользовался этим адресом. Ко времени провала И. Хейфец, по моей инициативе, бросил торговлю и поступил в Харьковскую земскую фельдшерскую школу. Адресом же я продолжал пользоваться и по от'езде сына Хейфеца. Должен отметить, что, когда я после ссылки, в 1900 г. посетил старика Хейфеца, и просил у него прощение за его шестимесячные тюремные страдания по моей вине, этот простой, смиренный и ортодоксальный еврей ответил, что он гордится тем, что пострадал за такое «благородное дело».

22 февраля 1886 г., во втором часу ночи ко мне пожаловала «Средиземная эскадра», и вместе со мной, рядовым соучастником, захватила и руководителя южной народовольческой организацией Б. Оржиха. Это была совершенно неожиданная и роскошнейшая премия для господ жандармов. В третьей книге журнала «Пути революции» за 1926 г., цитируя официальные документы, т. Новополин пишет: «Оржих жил вместе с учителем Поляковым». Это фактически совершенно неверно. Еще с осени 1885 года, после от'езда А. Н. Макаревского, моя квартира совсем перестала служить даже временным пристанищем для нелегальных, а по своим специфическим удобствам имела исключительное значение для конспиративных совещаний активных работников, для каковой надобности в прихожей, изолировавшей мою комнату от хозяйской квартиры, на гвоздике всегда висел ключ от моих дверей для надобности гостей. Домохозяин, портной на покое, был со мной в самых дружеских отношениях, как и старшая его дочь. Старуха и другие две дочери, карлички, очень редко бывали дома, торгуя семечками. Старик еще с лета 1885 года основательно заподозрил своего квартиранта в крамольности, ибо тогда же «ни к селу ни к городу», счел нужным рассказать мне историю ареста сыновей портного Корецкого, из которых старший был

сослан в Сибирь, а младший (ныне проживающий в Москве) находился под полицейским надзором и в описываемое время так же уже был на пути к ссылке. После моего ареста старик с дочерью (а также и сестры-карлички), зная почти всех моих посетителей и гостей в лицо, упорно скрывали это от розыскных чинов. И только старуха, да и то не злостно, признала по карточке А. Н. Шехтер и сболтнула еще про «красивую барыню», посещавшую меня, карточки которой, однако, у жандармов почему-то не оказалось. Это была жена Ясевича, В. И. Бородаевская.

При вышеописанных условиях февральский арест должен был коснуться только меня и неразлучной пары А. Н. Шехтер и В. С. Гассох, по показанию моей квартирной хозяйки. Оржих же мог также уцелеть, как уцелел тогда же Богораз, как уцелел, наконец, З. Коган, приехавший в Екатеринослав двумя днями позже. Квартира Оржиха была в железнодорожном общежитии, у железнодорожного служащего. В эту роковую для нас ночь Оржих—как он мне об'яснил—засиделся у своей матери[1], жившей неподалеку, и в первом часу ночи пришел ко мне. Я ему выразил крайнее неудовольствие по поводу такого нарушения конспиративного характера моей квартиры, но вынужден был примириться с этим, сознавая, что в первом часу ночи итти около трех верст по пустынным улицам до железнодорожного общежития, да и приходить туда так поздно, для него, нелегального, было опасно и невозможно.

Через час после его прихода охранное воинство окружило домик, где я жил, со всех сторон, заполнило открытую терассу, куда выходили окна моей комнаты. Впоследствии мне рассказывали, что жандармов и полицейских было до 40 человек. Мы уже заснули и пробудились от шорохов и того неопределенного тихого шума, который сразу создает атмосферу опасности. Оба мы торопливо оделись, и спустя несколько минут услышали у наружной входной двери негромкое: «откройте». Оржих выскочил в прихожую, я же машинально запер за ним дверь своей комнаты. Окна были закрыты ставнями, и я быстро бросил в камин пачку исписанных бумаг и зажег их. Оржих бросился сначала по лестнице в люк чердака, но бежать проломом по железной крыше не было возможности. Послышался выстрел. В памяти у меня отчетливо не сохранился момент выстрела: до—или же после попытки Оржиха бежать через чердак. По рассказу дочери моего домохозяина, спустившись по чердачной лестнице, Оржих бросился в кухню, вышиб оконную раму и хотел бежать в соседний двор (где часть «эскадры» была на чеку), но его задержали в самом окне. Потом я услышал треск наружных дверей и борьбу. Очевидно, славное воинство не решилось смело ломать дверь, пока Оржих уже не был схвачен, или же сам не сдался. Вслед за этим раздался у дверей моей комнаты приказ открыть. Я снял крючок

[1] В воспоминаниях В. Г. Богораза—иная версия этой ночи.—*Ред.*

с дверей и крикнул: «у меня оружия нет!». Необходимо отметить, что и будь у меня оружие—я по принципиальным соображениям все равно не стрелял бы. Первым бросился на меня полицеймейстер Миклашевский и схватил меня за руки, затем быстро ощупал карманы. После него уже вскочили жандармы и ротмистр. Сначала меня держали за руки и за плечи, потом по приказу полицеймейстера отпустили, и я сел на стул. Тут только я заметил присутствие старика Хейфеца и назвал его предателем, что было вопиющей несправедливостью. Минут через 10—15 явился прокурор, а за ним смертельно-бледный пристав нашего участка. Начался обыск, длившийся до 6 часов утра.

За несколько дней до ареста я привез из села Каменки (?) от Г. С. Эпштейна (ныне зубной врач в Курске) об'емистую пачку брошюр Богораза, кипу экземпляров последнего 11—12 номера «Народной Воли» и еще кое-что, и, кажется, немного шрифта. В комнате также находилась нелегальная литература, которой я снабжал моих революционно-настроенных учеников и знакомую молодежь. Когда обыск кончился и начали составлять протокол, меня перевели в квартиру домохозяина. Здесь я увидел Оржиха со связанными руками. На мое требование развязать его—внимания, конечно, не обратили. Вскоре нас обоих повели обратно в мою комнату. Оржих потребовал, чтобы его развязали, я поддержал его требование. Полиция отказала; тогда мы оба заявили, что добровольно не пойдем и Оржиха развязали. Затем предложили нам подписать протокол. Мы отказались. Вывели и усадили обоих на линейку спиной друг к другу, стиснув каждого из нас по бокам двумя жандармами. Сзади в отдельном экипаже сопровождали нас полицеймейстер и ротмистр.

В тюрьме нас рассадили по разным башням, а у дверей камеры Оржиха (кажется, даже внутри) поставили отдельно часового. Через несколько часов в мою камеру явился губернатор Батюшков[1]. Вошедши, он торопливо и как-то неуклюже снял фуражку. Это мне напомнило его столкновение с Манучаровым в Ростовской, кажется, тюрьме. Там он шапки не снял. Манучаров попросил его распорядиться о том, чтобы в камере повесили икону; губернатор ответил: «поздно молиться». «Нет, не молиться, а чтобы дураки шапку снимали»,—отпарировал Манучаров. Так этот эпизод, помнится, напечатан в последнем номере «Н. В.». Еще до посещения губернатором я получил карандашик и бумагу от уголовного, который вместе с надзирателем принес мне чайник с чаем и умудрился сунуть мне в рукав арестантского халата эти драгоценности вместе с запиской от офицера, Жбановского (по Лопатинскому делу). Последний спрашивал, в чем нуждаюсь, и указал путь сношений. Я был озабочен судьбой моей 13-летней сестренки, проживавшей отдельно от меня. Ее необходимо было, во-первых, немедленно сплавить домой, в Лу-

[1] Отец известного писателя-критика.—*Ред.*

ганский уезд, а, во-вторых, дать ей знать, что, если ее будут допрашивать, то она должна давать один ответ—не знаю, а также не признавать никого на пред'явленных ей карточках, иначе, она ухудшит мое положение. Эту мою записку в тот же день ей передали, а на утро спровадили ее на станцию и усадили в поезд. Между прочим, эта удача не избавила сестру (и мою мать) от двукратных допросов екатеринославского прокурора и ротмистра, выезжавших за 300 верст в Луганский уезд. Но подросток-сестра с честью выдержала испытание, заявив, что я ее посещал часто, а она у меня редко бывала, ничего и никого не знает.

После обеда явился полицеймейстер и потребовал, чтобы я указал, где квартирует сестра. Очевидно, узнал от квартирохозяев. Я отказал, заявив, что ее, полуребенка, запугают допросами. Он пригрозил сам найти и ушел. Мне было крайне важно оттянуть время, чтобы, во-первых, обеспечить ликвидацию чемодана с нелегальной литературой, хранившегося в спальне ее квартирохозяйки, а, во-вторых, я надеялся, что сегодня-завтра сестру выпроводят домой. Поэтому, когда ночью вторично пришел Миклашевский, и, убеждая меня указать квартиру, уверял, что он лично оградит ее от обиды, я все же категорически отказал. Утром третьего дня Жбановский дал мне знать, что сестру благополучно выпроводили. С души спала огромная тяжесть, и я, несмотря на весьма печальные перспективы, был охвачен радостью. Часу в двенадцатом Миклашевский опять явился и я указал квартиру сестры и просил сообщить мне лично об ее отправке. Он обещал, и действительно, через час вернулся и разочарованно сообщил, что сестра уже уехала.

Впоследствии я узнал, что обыск в квартире, где жила сестра, все-таки сделали, но ничего, разумеется, не нашли, так как опасный чемодан был уже из'ят. Семья была такая обычная, еврейская, что никого из них ни в чем не заподозрили и оставили в покое.

2 или 3 марта ко мне явился благообразный господин в штатском и отрекомендовался товарищем прокурора С.-Петербургской судебной палаты, Романовым. Он начал с того, что для него ясна моя непричастность к террору, но так как я «много» знаю, то от меня зависит: быть ли отправленным в Петропавловскую крепость и ждать каторги или же отделаться на месте легким тюремным заключением. Уходя, как-будто к слову, он попрекнул меня: зачем я на первом (и единственном) допросе заявил екатеринославскому прокурору, что я революционер, сторонник партии «Н. В.». «Меньше, чем каторга, за такое заявление не бывает»,—сказал он. Я молчал. Через день он опять явился и поставил мне прямо вопрос: согласен ли я давать показания, добавив, что, если не дам показаний, он имеет распоряжение департамента полиции отправить меня в Петербург, в крепость. Я ответил: «отправьте!». 5 или 6 марта увезли Оржиха, а на следующий день—меня, А. Н. Шехтер и В. С. Гассох оставили в Екатеринославской тюрьме.

Л. И. Ананьина.

Первое марта 1887 г.

Воспоминания мои о деле 1 марта 1887 года слишком скудны с фактической стороны, так как осведомленность моя о нем была совершенно незначительна. Личные, близкие отношения связывали меня с людьми, случайно в дело попавшими и активной роли в нем не имевшими, — с М. А. Ананьиной и М. В. Новорусским. С А. И. Ульяновым встречалась раза 2—3 на собраниях и была один раз у него... Но для полноты картины полезны и мелкие, третьестепенные черты. Вот почему я пишу то немногое, что знала и что сохранила через сорок лет моя память.

В 1886 г. я познакомилась с Мих. Вас. Новорусским, тогда кандидатом духовной академии. Мы поселились вместе; с нами жили мальчики—брат М. В., Володя—10 л. и мой брат Коля—14 лет. М. В. много работал, подготовлял магистерскую диссертацию, часто хаживал в Александро-Невскую Лавру, где была академия, и его посещали студенты-товарищи. Человек мирно настроенный, он не принадлежал ни к какой партии, но сочувствовал рволюционному движению. М. В. строил скромные планы на будущее: он хотел занять место инспектора семинарии, привлечь к себе учащихся, дать им возможность встречаться с живыми людьми и таким образом, содействовать выработке у будущего духовенства более прогрессивных взглядов. Связанный рождением и воспитанием с духовной средой, он и в будущем не продполагал отойти от нее, порвать с нею, придавая большое значение тому влиянию, которое имело духовенство, особенно в провинции. Он ставил себе задачу всемерно развивать семинарскую молодежь в политическом отношении, а пока рылся в книгах и занимался в женской профессиональной школе на Караванной преподаванием «закона божия», читая евангелие с об'яснением. Ученицы очень хорошо относились к своему лектору, и он был очень доволен их молодою отзывчивостью и любознательностью. Но еван-

гелие недаром считалось книгой опасной; оно вызывает много вопросов, сравнений, требует прямых ответов; и однажды М. В. пришел домой расстроенный и возмущенный. Заведующая школой попросила его—«не выходить из рамок программы». Она была довольна М. В., и все были довольны, но... Повторилась обычная тогда история: боязнь революционной пропаганды при помощи евангелия. Время было суровое.

На М. В. этот случай произвел тяжелое впечатление: его первое выступление на путь культурной работы—правда, выступление с уклоном влево,—натолкнулось на преграды. Это были первые камни на избранном им пути. После нокоторого колебания он продолжал занятия в школе, дававшие ему очень скромный заработок, кажется, рублей 10 в месяц.

В то время жестоких гонений на организации, молодежь все-таки умудрялась устраивать союзы-землячества, имевшие самые разнообразные цели, кассы взаимопомощи, устройство библиотек, кружков самообразования и т. д. Землячества об'единялись союзом землячеств, с заданиями более широкими, вплоть до политического, т.-е. революционного воспитания молодежи. Как член Новгородского землячества, М. В. Новорусский входил представителем в союз; такими же представителями были Александр Ильич Ульянов, Шевырев, Лукашевич—будущие деятели 1 марта. Собрания союза происходили в разных местах: раз у В. А. Поссе на р. Ждановке, раз или два у нас на Итальянской. Присутствовали на них и Шевырев, нервный, порывистый, сжигаемый тяжелой болезнью и напряженной внутренней жизнью, и А. И. Ульянов, скромный, чуждый малейшей позы или рисовки. Его бледное лицо с глубокими темными глазами производило неизгладимое впечатление выражением упорной воли, недюжинной нравственной силы и большого ума.

Союз решил выступить политически и приурочил это выступление к 25-летней годовщине смерти Н. А. Добролюбова. 17 ноября с утра одиночки и маленькие группки в 3—4 человека шли и ехали в конке по Лиговке и Ростанной к Волкову кладбищу. У некоторых были венки. Пошли и мы, неся пышный венок из хвои и брусничных листьев, сделанный мамой и привезенный ею из Парголова. На кладбище, у которого собралась порядочная толпа, нас не пропустили. Лишь после долгих переговоров с полицейскими чинами, прошли к могиле делегаты (с венками), а оставшаяся перед кладбищенскими воротами толпа спела вечную память и поострила над собравшимися в большом количестве полицейскими. Когда делегаты вернулись, толпа, не расходясь, двинулась обратно. Кто-то крикнул—«К Казанскому собору!». Тотчас образовали цепь и уже сплоченной толпой двинулись к Невскому. Впереди, в цепи, шли взявшись под руки М. В. Новорусский, студент Духовецкий, А. И. Ульянов... Шли весело, дружно. Близь Николаевского вокзала, у дома учительской семинарии увидели, как из-за угла, от вокзала, вынеслись казаки, с пиками

на перевес. «Казаки! Казаки!»—раздалось в толпе. Остановились. Стало жутко, любопытно и восторженно-радостно. Топот несущихся лошадей приближался. Казалось, что они уже не смогут остановиться и, как морская волна в бурю, неминуемо ударятся о нас. Но они остановились в 2—3 шагах, угрожающе взмахивая нагайками, но никого не трогая. Кое-кто попытался бежать; бежать было некуда. С левой стороны—Лиговская канава, сзади—казаки, спереди—они же, а справа высокий забор и закрытые ворота учительской семинарии. Так попали демонстранты в ловушку. Потом началась отборка. Одних отпускали, других задерживали, при чем, появившиеся в большом числе незнакомцы внимательно приглядывались к очередному и сообщали результаты наблюдения начальству. Некоторых отправили в часть, кое-кого потом выслали.

Дело делали не торопясь, и мы лишь в 7 часов попали домой, куда потом пришли несколько человек. Были все в приподнятом настроении, говорили, перебивая друг друга, отмечали, как пренебрежительно держалась полиция, видимо не придававшая серьезного значения этому выступлению, указывалось, что нужно действовать как-то иначе. А дня через 2—3 появилась прокламация, сообщавшая о происходившем, т.-е. о демонстрации и арестах мирно-настроенной молодежи, желавшей почтить память писателя. Прокламация призывала к борьбе с правительством; распространить ее широко не удалось.

Эта демонстрация подняла настроение у молодежи. Для людей, революционно-настроенных, все яснее становилась необходимость таких действий, которые заставили бы правительство пойти на уступки, дать тот минимум свободы, без которого нет жизни. Таким действием был террор, притом террор систематический. На знаю точно, когда сорганизовалась террористическая группа, назвавшаяся впоследствии «террористической фракцией «Народной Воли».

«Террористическая фракция Народной Воли» идейно была преемницей партии «Народная Воля», но приняв ее метод борьбы—террор—фракция не приняла ни организации «Н. В.», ни ее программы полностью. Старая «Народная Воля» была строго централизована и без директив Исполнительного Комитета не предпринималось ничего. Молодая организация отвергла централизацию, давая широкий простор действиям отдельных групп, об'единенных общей программой. Организуя покушение на Александра III, фракция имела в виду, что за этим покушением последуют другие, что террористическая деятельность разовьется широко и в провинции, где произвол еще сильнее и безнаказаннее.

Мысль об организации покушения на царя у одного из первых явилась у Александра Ильича и он со всей энергией отдался осуществлению ее. Для товарищей его по процессу, даже для тех, кто был случайным участником его, как моя мать, например, не подлежало ни малейшему сомнению центральная роль А. И. Ульянова в орга-

низации покушения. Все свои помыслы, все силы он отдал тому, что признал небходимым для продуктивной борьбы с самодержавной властью. В речи на суде он выяснил причины, приведшие его к сознанию, что единственным способом борьбы является террор.

Сколько могу судить со слов матери моей, террористическая группа образовалась в конце 1886 года, а в начале февраля 1887 года или самом конце января,—точно не помню,—к нам, на Итальянскую, пришел В. Агафонов и повидался с М. В. Новорусским наедине. После ухода Агафонова М. В. сказал мне, что просят нашу квартиру для мастерской, что он, М. В., не знает, для кого именно готовятся и что окончательного ответа он не дал, так как думает, что для мелкой сошки, «какого-нибудь полицеймейстера», рисковать не стоит. Агафонов обещал зайти на следующий день. Действительно на следующий день пришел Агафонов и опять разговаривал с М. В. в его маленькой комнате. Потом М. В. сказал мне, что «имеется в виду нечто очень крупное». Тогда же он дал согласие на устройство мастерской в нашей квартире на Итальянской улице.

Потолковав, решили повидать маму и предупредить ее, чтобы пока она не посещала нашу квартиру, и вечером того же дня с 6-часовым поездом мы вдвоем отправились в Парголово.

Во 2-Парголово, в доме лавочника Горбатова, у самой лавки, жила мама. Мы сообщили ей о неожиданном предложении, точнее просьбе. Она, после долгого раздумья, сказала, что ей хочется, чтобы риск с нашей стороны был как можно меньше; что петербургская квартира очень неудобна во всех отношениях (и она, правда, была такова, примыкая притом окном к плоской крыше какого-то надворного строения), что ей, как матери, будет спокойнее за нас, если квартира на Итальянской не будет использована и что, если дать помещение *необходимо,* то лучше устроить его здесь, в Парголово, где ее все знают, но не в этом помещении, где она живет, а в другом, более удобном. Так и порешили, чтобы предложить воспользоваться для мастерской парголовской квартирой.

Мы остались на ночь у мамы. Мать моя никогда не была революционеркой, но в русском обществе того времени были люди, сочувствующие революционному движению. Это сочувствие иногда обращалось в посильное содействие: припрятать литературу, дать приют нелегальному, помочь в сборе денег и вещей. К таким людям принадлежала и моя мать, и не один нелегальник пользовался ее приютом в Парголово. Благодаря своему положению—земской акушерки,—мама имела знакомых во всех слоях парголовских жителей и это ей очень помогало в случае необходимости.

Мама, найдя подходящую квартиру, известила нас. Это была дача Кекина в третьем Парголово, четырехэтажный дом на горе; он прекрасно был виден с шоссе из трактира «Роза». Среди низких дачных построек дом Кекина походил на каланчу. Молодая посадка вокруг ничуть не скрывала его от любопытных взглядов.

Когда мама переселилась к Кекину, я отправилась к Александру Ильичу сказать, что он может ехать в Парголово. Мы, т.-е., М. В. Новорусский, я и мама знали уже, что в Парголово будет работать он. Было довольно поздно; темная безлунная ночь висела над городом; призрачно качались деревья Александровского парка; как притаившийся зверь темнела Петропавловская крепость.

В доме, где жил Ал. Ил., в окне, выходившем на улицу, горела одинокая свеча,—условный знак, что Ал. Ил. дома. Это был деревянный двухэтажный дом, каких много было тогда на Петербургской стороне. Много лет прошло с тех пор, но и сейчас живо помню сложное чувство тревоги и радости, с которыми я шла по темному двору и деревянной лестнице в квартиру, где жил Ал. Ильич. Дверь мне отворила какая-то женщина, вероятно хозяйка.

В слабо освещенной свечею комнате сидел у стола, стоявшего перед окном, Алекс. Ильич. На столе, кроме чернильницы, портрета его отца и свечи, ничего не было. Ал. Ил. сидел, опершись головой на правую руку и было что-то глубоко-волнующее и в этой пустой полутемной комнате, в его одиночестве и в самой позе.

Я передал все, что было нужно в связи с поездкой Ал. Ил. в Парголово; о том, как пройти на дачу Кекина,—очень близко от станции,—никого не спрашивая, если его не встретит мама. Как-то не говорилось. «Как быстро горит свеча»,—проговорил Ал. Ил., и тут мне показалось, что эта догорающая свеча—символ жизни Ал. Ил. и его товарищей: «Свечей много сгорит, будет ли толк».—Ал. Ил. встрепенулся и бодро сказал: «Будет».—Надо было итти домой, на Итальянскую. Александр Ильич пошел проводить и заботливо усадил в сани; потом, прощаясь, задушевно сказал мне: «будьте счастливы».—Он знал, что мы с М. В. только-что начинали нашу общую жизнь и был не меньше нас уверен в том, что мы останемся в стороне. То, что мама и Мих. Вас. были вне подозрений, и та версия, которую придумали для об'яснения пребывания Ал. Ил. в квартире мамы—учитель Коли,—все казалось нам надежной гарантией нашего благополучия. При этих расчетах совершенно упущены были из вида разные мелочи, которые опытные революционеры предвидели бы и избежали...

Извозчик плелся по льду к Летнему саду, а мои думы были там, в темной комнате Петербургской стороны.

Александр Ильич поехал в Парголово. Необходимые ему для работы вещи, как «посуда», были посланы с парголовским крестьянином на лошади.

А. И. пробыл в Парголово немного, три дня, и почти не выходил из комнаты, занимаясь приготовлением нитроглицерина. После моя мать передавала, что только случайность сохранила в тайне все происходившее. Окна комнаты, где работал Ал. Ил., выходили в сторону шоссе, где всегда много проезжих. Окна, по оплошности, не были ничем завешаны и ночью и вечером, ярко освещенные пламенем

спиртовок, не могли не бросаться в глаза. Так продолжалось, пока мама не заметила, возвращаясь от больной, эту иллюминацию, но дело уже было почти окончено. Ал. Ил. уехал в Петербург, оставив на попечении мамы банку с нитроглицерином и разную посуду,—бутыль и пр.,—поручив ей, если будет нужно, уничтожить все. Приехали в Парголово и мы и застали маму в затруднении: она не знала, что делать со всем этим имуществом. Не знали и мы, и решили коечто спрятать «на всякий случай». Выбрасывать было жаль. Пошли на чердак дома Кекина искать подходящее место, чтобы спрятать, и не нашли. Банку водворили у меня под кроватью, в чугуне, куда прибавляли снег. В последних числах февраля, после полудня, приехал какой-то молодой человек, и передал маме завернутую в полотенце бутыль с азотной кислотой, с просьбой поберечь. Было довольно холодно, молодой человек порядочно озяб. Мы предложили ему чаю; он отказался и попросил водки. Водки не было. Приезжий заторопился ехать обратно и попросил дать ему полотенце, «чтоб не было вещественных доказательств». Оказалось, что он приехал из Петербурга на извозчике. Мы смотрели в окно, как он уезжал: белая, извозчичья лошадь, далеко видная, повезла обратно незнакомца и полотенце,—я и теперь не знаю, кто это был [1]. А мы остались в еще большем затруднении, так как прибавилась бутыль с кислотой. Тогда Коля, брат мой, предложил «похоронить» бутыль и на лыжах отправился куда-то к жел. дор., где и сложил бутыль в канаву под мостиком, там она и осталась лежать. Остальное, наконец, и окончательно, устроила я в самой большой комнате в том же чугуне со снегом (чтоб не взорвало), замаскировав все немного: поставила два полена, на них опрокинула корзинку-плетушку, а сверх всего накрыла пестрым ситцем.

Коля каждый день ходил на лыжах гулять, посещал «кладбище», как он называл место, где лежала бутыль, и проверял цела ли она.

Уехал незнакомец, а мы стали ждать событий, т.-е. официальных сообщений о покушении. Об аресте мы как-то не думали. На всякий случай, весьма маловероятный, присутствие Ал. Ил. на даче имело свое об'яснение по уговору с ним: он—учитель Коли, разная посуда лабораторная нужна ему, как студенту-естественнику. Это детское об'яснение казалось нам вполне достаточным. А вот чем об'яснить присутствие нитроглицерина в квартире—никому и в голову не при-

[1] Позже, при допросе, Котляревский спросил меня об этом факте. Я отрицала все. Тогда К. «чтобы напомнить», воспроизвел всю картину прибытия бутыли. Мое изумление, даже испуг, были чрезвычайны. Кроме меня, М. В. и мамы никто не видел приезжего. К. торжествовал. Он сказал: «Напрасно отрицаете. М. В. нам все сказал. Вы видите теперь, что нам все известно». И я поверила, что М. В. сказал им о бутыли. А раз он нашел нужным сделать это, то не должна и я отрицать и подтвердила вышеописанное появление бутыли. А потом, много, много лет спустя, узнала, что мальчик Володя, младший брат М. В., нами незамеченный, наблюдал за происходившим и о всем виденном сказал на допросе.

шло; даже и не подумали ни разу о нем, как-будто это был обыкновенный творог.

Мы не знали дня, в который должно было совершиться покушение, но почему-то думали, что оно будет 1 марта; может быть потому, что петербуржцы вообще знали, что Александр III бывает в этот день в Петропавловском соборе на панихиде. Прошло первое марта, второе. Ничего не случилось в Петербурге. 3 марта, в чудесный ясный день мы сидели на веранде дачи, тщетно ища у Менделеева указаний на то, как лучше хранить нитроглицерин. Коля уехал в город, к студенту Данчичу на урок. Было около 4 часов. Вошла испуганная прислуга и сказала: «там вас спрашивают». Мама пошла в комнату, мы за нею. Комната моментально наполнилась людьми. Кто-то задел мое сооружение над чугунком. Шаткие подпорки-поленья покачнулись, упали с грохотом—и чугунок со снегом и банкой явился пред взорами прибывших. Как они испугались. Как бросились врассыпную. Кто-то завопил: «А-а-а. Вот оно что!». Чей то голос неистово крикнул: «Держи их! Взорвут!»—и цепкие лапы полицейских схватили нас за руки. Обыск, только-что начавшийся, был прерван; торопливо отдано приказание о лошадях, о том, чтобы сообщили в Петербург. Очевидно, такой находки не ждали.

Первым увезли М. В. Новорусского, потом, в других санях, нас с матерью. Нас увозили в Парголово, а вечером должен был вернуться с урока Коля. Спустя много лет я узнала, что когда он вернулся, его не пустили в квартиру. Убитый, потрясенный, пошел он в больницу. Там его приютил фельдшер Петр Петрович Попов, хороший, сердечный человек. Он отнесся к мальчику с большим участием. Но о событии знало все Парголово, знал о нем и врач больницы А. А. Сочава. Он явился к фельдшеру, накричал на него и собственноручно вытолкал мальчика на ночь и мороз. Доктор Сочава еще долго жил в Парголове. Где провел Коля, наш «кладбищенский сторож», как он звал себя, свою первую сиротскую ночь, я никогда не узнала.

Предвидя все-таки возможность—хотя и весьма небольшую—ареста, мама своевременно озаботилась судьбою мальчика. Расположенный к нашей семье студент дал слово взять Колю к себе и позаботиться о нем. Слово это в дело не претворилось: испуганные знакомые отшатнулись от мальчика, «не узнавая» его даже на улице. Только Ал. Гр. Каррик, женщина редкой доброты и ума, приютила у себя одинокого ребенка.

В Петербург привезли уже вечером. Горели огни, когда почтовые сани завернули на Гороховую и в'ехали во двор. Поднявшись по трущобной лестнице, мы попали в большую комнату. Дым волнами ходил по ней; в дыму сновали лица разного возраста, плоховато одетые. Нас с мамой заперли в комнатушку направо от входа. Мама очень озябла, ее трясло, мы легли на диван, прикрылись платком и тут мама еще раз дала мне наставление о том, как говорить при до-

просе. От сильного волнения мама почувствовала себя плохо. Постучали. Вошел бравый жандарм и пошел с нею. Не обращая ни малейшего внимания на протесты мамы, он влез в уборную...

Мама волновалась только за Колю и успокаивала себя тем, что студент сдержит слово. Утомленные мы задремали. Стук отворяемой двери, бряцанье шпор и бесцеремонные шаги нарушили нашу дремоту. Элегантный жандармский чин, розовый, холеный, сел на стул и, поигрывая пальцами, развязно обратился к маме:

— Нн-у-с, скажите-ка, что вы там делали, в вашем вороньем гнезде?

Мама не стала отвечать на вопросы. Чин несколько иным тоном спросил об имени и фамилии. Уходя бросил на ходу:

— А поговорить вам все-таки придется...

Ключ опять щелкнул. Мы остались одни и проговорили шепотком до утра о высылке, которая нас, верно, ждет. Большей кары за свое участие, вернее, безучастие в деле, мы не представляли.

4 марта был первый допрос, после которого меня раз'единили с матерью и ночью увезли в Дом предварительного заключения. Следующий допрос был более обстоятельным. Тут я узнала, что принадлежу к «сообществу». Допрашивали большею частью двое или трое. Один из допросов продолжался чрезвычайно долго; я очень устала, почувствовала дурноту. Котляревский, ведший допрос, распорядился, чтобы дали чай. Боясь, что в чае что-нибудь есть, я отказалась. К. усмехнулся и, беря себе стакан, сказал: «не бойтесь, там ничего нет». Эта боязнь, что могут что-нибудь дать, чтобы человек потерял способность самоконтроля, основывалась на ходивших тогда слухах.

Однажды, во время допроса, случайно, жандармы ввели Александра Ильича. Был он бледен, но спокоен. Увидев меня, сделал движение, будто хотел поздороваться. Жандармы засуетились, даже полковник изменил своей торжественной манере и вскочил со стула. Ал. Ильича быстро вывели и я его не видела больше до суда.

Все участники дела, в числе 15, были преданы суду Особого присутствия с сословными представителями. Суд начался 15 апреля. Я вызывалась дважды, как свидетельница, для показаний. Вопросы, на которые пришлось отвечать, касались мелочей: пресловутого чугуна с банкой, того, знаю ли я М. В. Новорусского и видела ли у него текст присяги.

В зале суда увидела дорогих мне людей. Они сидели справа от входа. Мама, сидевшая на первой скамье, назвала меня по имени. Там же были М. В. Новорусский, ближе к судьям Александр Ильич, в полуоборот ко входу, опершись головой на руку. Лицо мамы истомленное. Александр Ильич бледен, но спокоен.

Остальных рассмотреть не успела, так как была в суде короткое время.

Спустя несколько дней, еще не зная о приговоре, я имела перед отправкой в Сибирь свидание с Колей,—в 11 ч. ночи,—и с мамой

в шестом часу утра. Она ни слова не сказала о приговоре—тогда смертная казнь—и только горько плакала прощаясь со мною...

Уже в Московской пересыльной тюрьме я узнала о приговоре и о том, что не все подсудимые держались героически. А. И. Ульянова народная молва выделила, и особенно, как личность совершенно исключительной нравственной силы и красоты, даже среди его мужественных товарищей по делу, а там были люди не часто в жизни встречающиеся. Через много лет мать передавала, как Александр Ильич старался уменьшить ответственность своих товарищей, беря на себя чужие вины, как энергично защищал их. Он «готов был дать повесить себя двадцать раз, если бы мог этим облегчить судьбу других», говорила она.

Все подсудимые приговорены были к смертной казни. Александр III оставил ее для пятерых: Шевыреву, Ульянову, Андреюшкину, Генералову и Осипанову. Остальным смертную казнь заменили: М. В. Новорусскому и И. Лукашевичу—вечной каторгой, М. Ананьиной—20 г. каторги, Пилсудскому—15 г., Пашковскому, Канчеру, Горкуну и Волохову—10 г.

8 мая 1887 г. был приведен в исполнение приговор над пятью осужденными. В мрачных стенах Шлиссельбургской крепости прервались прекрасные, молодые, многообещавшие жизни. Веревка палача уничтожила горячие сердца, светлый ум, самоотверженность, глубокую любовь к свободе, к безгласной порабощенной России. Уже стоя под виселицей, уже измеряя мгновениями остающуюся им жизнь, они последние помыслы, последнее прощание отдали народу и умирали со словами:

— Да здравствует «Народная Воля»!

Приложения.

I. Программа воспоминаний члена Исп. К-та «Нар. Воли», В. С. Лебедева.

От редакции. Помещаемая ниже программа воспоминаний члена Исп. К-та «Нар. Воли», В. С. Лебедева, написана им незадолго до смерти; самих воспоминаний он так и не успел написать. В. С. Лебедев был членом Московской центральной группы партии «Н. В.», а с переселением после 1 марта 1881 г. Исп. К-та в Москву он вошел в Исп. К-т в качестве члена редакции «Нар. Воли» и «Листка Н. В.» При его ближайшем участии вышли № 6, 7 и 8—9 «Нар. Воли» и № 1 «Листка Нар. Воли», в которых ему принадлежат многие статьи. В феврале 1882 г. Лебедев был арестован, но его участие в работе Исп. К-та осталось нераскрытым, и он отделался ссылкой в Сибирь.

Мы печатаем оставшуюся неосуществленной программу воспоминаний в виду многих важных и интересных фактов, в ней упоминаемых.

Московский период деятельности Исполнительного Комитета «Народной Воли» (Апрель 1881—Апрель 1882 г.г.).

1. Предварительные замечания. Потери Исполнительного Комитета за время с осени 1880 г. по апрель 1881 г. Раз'езд из Петербурга в марте—апреле 1881 г. Стягивание в Москву в апреле—мае 1881 г. Полный состав Исполнительного Комитета за апрель 1881 г.—апрель 1882 г. Члены Комитета, жившие и работавшие в это время преимущественно в Москве. Общий характер и направление деятельности «Народной Воли» за это время. Исполнительный Комитет и его учреждения в Москве.

2. Квартира Исполнительного Комитета (Каретная Садовая, уг. Лихова пер., дом. Бычкова, первый под'езд от Лихова пер. с Садовой, во втором этаже (здесь в 1897 г. помещалось греческое консульство). Жили в квартире М. Н. Оловенникова (она же Ошанина, Кошурникова, Баранникова, Марина Николаевна Полонская, Рубанович) и Ю. Н. Богданович (по тогдашнему паспорту художник Прозоровский).

3. Комната С. В. Мартынова, а потом В. С. Лебедева (1880 май—1881 г. авг.) в квартире капельмейстера Августа Августовича Гейнриха—Тверская ул., Гнездниковский пер., д. барона Корфа, рядом с домом обер-полицеймейстера, во 2-м этаже, под'езд с переулка, ворота во дворе с Тверского бульвара.

4. Квартира В. С. Лебедева и Р. И. Лебедевой (д. Севастьянова, выходящий непосредственно на Никитский бульвар и Арбатскую площадь, против церкви Бориса и Глеба, во 2-м этаже, рядом с зонточным заведением, 4-е—6-е окна от угла бульвара, 1-й под'езд от бульвара, под квартирой магазин музыкальных инструментов).

5. Типография «Народной Воли» (Яузский бульвар). Май 1881—апрель 1882 г. Прасковья Семеновна Ивановская, Галина Чернявская, Дмитрий Суровцев, Иван Васильевич Калюжный; здесь напечатаны: «Листок Народной Воли»—22 июля 1881 г., «Народная Воля» №№ 6, 7, 8—9, прокламации 26 августа 1881 года, «Рабочая Газета» № 3 и пр.

6. Паспортный стол. Кв. И. В. Калюжного и Смирницкой. Смоленский рынок, Прогонный пер., д. 5.

7. Салон Над. Ив. Маковой, Б. Бронная, Наст. Самс. Панова, Ек. Каз. Дическуло. Почта Исполнительного Комитета. А. А. Александров (присяжный повер.), П. Н. Соколов, «Московский ежемесячный иллюстрированный календарь».

8. «Красный Крест» «Народной Воли». Кв. А. Г. Лапицкого и Л. Д. Макаренко, Ю. Н. Богданович и Макова, Н. И.

9. Кв. А. П. Буланова. Явки. Свидания. Чернопередельцы. Рабочие. Белов. Стефанович.

10. Другие квартиры: Д. Н. Доброхотов, М. П. Дубровина (Ватсон) и пр. и пр.

I. *Московская Центральная группа «Народной Воли» (1880—1882 г.г.).* Личный состав центральной группы: Над. Петр. Андреева. Ее старушка-няня. (Кв.: Тверская, д. Корзинкиных; Арбат, Б. Афанасьевский пер.; Петровский бульвар, уг. Цветного бульвара). Представительство Исполнительного Комитета в центральной группе: М. Н. Оловенникова и П. Абр. Теллалов, затем Ст. Ник. Халтурин и В. С. Лебедев.

Частные группы: университетская (бр. Аппельберги), техническое уч-ще (И. И. Майнов и А. В. Кирхнер), Петровско-академическая (А. А. Зварковский), рабочая группа и проч.

Агенты И. К.: Гр. Фриденсон, Н. П. Андреев, П. В. Гортынский, Михалевич и др.

П. А. Теллалов и народовольческий университетский студенческий кружок Н. Ф. Омирова, И. Ю. Старынкевича, Сем. Кондр. Шарого и др. Отношение кружка к студенческому кружку чернопередельцев (Ю. А. Бунин, С. Г. Гончаров, бар.—и Игнатовы).

II. *Библиотека, рефераты, диспуты, демонстрации, студенческие волнения и пр.* (1877—1881 г.г.). Мое пребывание в Москве авг. 1877—март 1878 г.г. Введение. Мой от'езд из Петербурга в 1876 г. Экономика и политика. Похороны П. Чернышева. Речь П. П. Викторова. Моя жизнь в Воронеже в 1876—первой половине 1877 г.г. Д-р Пожерский, Кванчехадзе. Тулисовы и Архиповы. Ник. Фр. Голишевский. Переезд в Москву и переход в Московский университет авг. 1877 г. Основание нелегальной студенческой библиотеки: Бронная, Б. Козицкий пер., д. Белова. Библиотекари: В. С. Лебедев и П. П. Викторов, затем П. П. Кащенко и К. Н. Кондопуло. Библ. дежурства: курсистки—Снежко, О. Н. Присецкая, Байрашевский и Л. А. Богословская. Окончание процесса «193-х». Выстрел и процесс В. Засулич. Визит ко мне Л. А. Тихомирова и Т. И. Лебедевой.

III. *Московские апрельские студенческие волнения.* Киевские университетские волнения. Встреча киевских студентов в Москве 3 апреля 1878 г. и охотнорядское побоище студентов и курсисток (Поммер, Макаренко и Богословская).

Общестуденческие сходки и волнения в университете 4—8 апреля 1878 г. (В. С. Лебедев, П. П. Викторов, С. Я. Елпатьевский, А. А. Корнилов и др.). Делегация студенческой сходки (С. Я. Елпатьевский, П. П. Викторов и В. С. Лебедев) в редакцию «Русских Ведомостей» (редактор Скворцов, фельетонист Лукин, «Скромный наблюдатель», и проф. А. И. Чупров) по вопросу о помещении в газете письма от студенческой сходки—8 апр. 1878 г.

IV. *Восстановление более близких отношений И. С. Тургенева с русской интеллигенцией* и вообще с Россией (январь—февр. 1879 г.). Приезд

Тургенева из Парижа в Москву. Заседание «О-ва Любителей Российской Словесности» с участием Тургенева. Обращенная с хор к Тургеневу речь П. П. Викторова. В речи было выражено, что в свое время Тургеневым были напечатаны «Записки охотника», послужившие боевым кличем к низвержению крепостного рабства. Затем наступили времена, когда произошло некоторое расхождение и охлаждение между Тургеневым и представителями следующего поколения. С тех пор прошло много лет; эти отношения успели сгладиться, смягчиться; в русском обществе назрели новые задачи и потребности; поднимаются снова идеалистические порывы, нужны своего рода новые «Записки охотника», которые, однако, уже не напишет И. С. Тургенев. Тем не менее современное поколение снова находит точки соприкосновения с И. С. Тургеневым, возвращаясь к прежнему идеализму.

Литературный вечер в честь Тургенева и с его участием в Благородном Собрании (во 2-й половине февраля). Чествование Тургенева: приветственная речь, сказанная студентом математиком Н. Н. Чихачевым и возложение лаврового венка. В речи было высказано приветствие в лице Тургенева последнему крупному живому представителю знаменитого поколения 40-х годов, поколения Грановского, Белинского, Герцена, Бакунина (речь была подготовлена П. П. Викторовым, В. С. Лебедевым и П. А. Теллаловым). Ректор университета Ник. Сав. Тихонравов и студент Н. Н. Чихачев.

В этих же числах в гостиннице Мамонтова убит шпион Рейнштейн. Следствие. Массовые обыски у студентов Петровской академии. Обыск у студ. П. П. Викторова. От'езд Тургенева в Питер. Чествование его там студентами, в особенности курсистками.

V. *Защита (в Моск. университете) профессором Петровской академии И. И. Иванюковым диссертации* об экон. теории Маркса на степень д-ра политической экономии (31 марта 1881 г.).

VI. *Брожение в университете по случаю посылки венка на гроб имп. Александра II* несколькими студентами (юридич. и филол. фак.). Волнения. Обширные сходки. Проректор университета С. А. Муромцев и студенты.— Назначение диспута проф. И. И. Иванюкова на 31 марта. Диспут. Официальные оппоненты. Частный оппонент студ. П. П. Викторов. Его речь—обширное теоретическое, широко мотивированное обоснование программы «Народной Воли» и ее основ. Речь была скомкана и недокончена под угрозами декана Легонина. Бурные овации многочисленной публики (Мотивировка, возражения и вообще вся обширная речь были задолго подготовлены П. П. Викторовым, П. А. Теллаловым и В. С. Лебедевым). Высылка П. П. Викторова в Самару. Последующие униврес. сходки и волнения; Н. Ф. Омиров и др. Университетский суд... Исключение и высылка группы студентов. Другие кары.

VII. *Переходные годы от рев. романтизма к реализму*, от экономики к политике, от широкой пропаганды к более сосредоточенной организационной работе (1876—1878 г.г.). Рев. анархизм и бунтарство. Обучение ремеслам и пропаганда. Лекции. Повсеместные аресты. Подготовка процесса «193-х». Периферические поселения (поселки) и городские центральные штабы. Бегство из учебных заведений. Похороны Павла Чернышева в Петербурге на Волковом кладбище (30 марта 1876 г.). Д. И. Соловьев, А. И. Самойлов. Речь студента П. П. Викторова на могиле Чернышева. Грандиозность демонстрации.—Демонстрация на Казанской площади (6 дек. 1876 г.). Смерть Н. А. Некрасова.—Процесс «193-х» (1877—1878 г.г.). Выстрел и процесс В. И. Засулич (1878 г.). Студенческие волнения (1878 г.). Русско-турецкая война (1877—1878 г.г.). Революционная литература, издаваемая в пределах России. Начало террора (1878 г.).

VIII. *Личный состав центральной организации «Народной Воли» в Московский период «Народной Воли» (апрель 1881—1882 г.г.) и распределение в это время членов организации по местностям.*

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

1. Грачевский, Мих. Федорович, май 1881—апр. 1882 г.г. все время в Москве, за короткими выездами.

2. Богданович, Юрий Николаевич, март—июнь 1881 г. на Кавказе и в Вост. Сибири (Красноярск), август 1881 г.—март 1882 г. в Москве; арест. в Москве 13 марта 1882 г.

3. Оловенникова, Мария Николаевна, апр. 1881—апр. 1882 г.г., все время в Москве.

4. Теллалов, Петр Абрамович, апр.—авг. 1881 г. в Москве; авг.—дек. 1881 г. в Петербурге, где арестован 18 декабря 1881 г.

5. Мартынов, Сергей Васильевич, д-р, апр.—авг. 1881 г. в Москве; авг.—дек. 1881 г. в Петерб., где арестован 18 дек. 1881 г.

6. Халтурин, Степан Николаевич, апр.—дек. 1881 г. в Москве, дек. 1881 г.—март 1882 г. в Одессе, где арестован 18 марта 1882 г. и казнен 22 марта.

7. Корба, Анна Павловна, апр. 1881—апр. 1882 г.г. в Москве, с выездами в Петербург.

8. Лебедев, Василий Степанович, апр. 1881—февр. 1882 г.г. в Москве. Арестован 6 февраля 1882 г. в кв. А. Буланова.

9. Жебунев, Владимир Александрович; приехал в Москву в половине июля 1881 г., принят в состав Исполнительного Комитета, но тогда же арестован на Курском вокзале в Москве.

10. Романенко, Герасим Григорьевич, приехал из-за границы (Швейцария) в Москву в августе 1881 г., прожил в Москве авг.—окт. 1881 г., арестован 6 ноября 1881 г. у В. С. Любатович.

11. Стефанович, Яков Васильевич, приехал из-за границы в Москву в авг. 1881 г. (перешел из чернопередельцев), прожил в Москве авг. 1881 г.—февр. 1882 г. 6 февр. 1882 г. арестован в квартире А. Буланова.

12. Тихомиров, Лев Александрович, апр. 1881—апр. 1882 г.г. в Москве, с выездами, дов. продолжительными, в Казань и др. места [1].

13. Жена его Носкова-Сергеева, Екатер. Дмитриев., апр. 1881—апр. 1882 г.г. в Москве, с выездами [2].

Кроме того, в др. городах в это же время (апр. 1881—1882 г.г.) жили в Петербурге:

14. Златопольский, Савелий Соломонович (апр. 1881—апр. 1882 г.г.).

15. Лебедева, Татьяна Ивановна, арестована в Петербурге летом 1881 г. В Петербурге жили тогда с авг. по дек. 1881 г. Теллалов и Мартынов, как было упомянуто выше.

16. В Одессе—Фигнер, Вера Николаевна (апр. 1881—апр. 1882 г.г.) и Халтурин (янв.—март 1882 г.), как было упомянуто выше.

17. В Харькове и в Киеве Малеванный, Владимир Григорьевич (связь с украинофилами).

18. Жебунева, Мария Александровна (Харьков).

За время апр. 1881—1882 г.г. в Москву приезжали по различным делам (или были командированы), между прочим, след. лица:

Фигнер из Одессы 2 раза за короткое время.

Златопольский из Петербурга (1 раз).

Малеванный несколько раз.

Жебунева 1 раз.

Людвиг Варынский (дек. 1881 г. или янв. 1882 г.) для предварительных переговоров по установлению определенной связи между «Народной Волей» и организовавшейся тогда польской соц.-рев. партией «Пролетариат».

Новицкий, Дмитрий Иванович, из Саратова (бывший чернопеределец), по текущим делам, арестован в Москве 6 февр. 1882 г. в кв. А. Буланова.

[1] Как видно теперь из воспоминаний Л. Тихомирова, он жил в этот период в Ростове на Д., откуда в 1882 г. и выехал за границу.—*Ред.*

[2] Так же и она.—*Ред.*

Владимир Дегаев, брат Сергея Дегаева, провокатор, командирован Судейкиным в дек. 1881 г. в Швейцарию, для выслеживания эмигрантов, а петербургскими членами Исп. Ком. «Народной Воли» направлен (по дороге за границу) в Москву для получения противоположных поручений от Исп. Ком.

В тот же период времени в разных городах работали агенты Исп. Ком. и вообще деятели «Народной Воли» (кого могу припомнить):

В Москве: а) Прасковия Семеновна Ивановская } типография.
б) Галина Федоровна Чернявская }
в) Дм. Суровцев
г) Ив. Вас. Калюжный } паспортный стол.
д) Н. Д. Смирницкая }
е) Н. И. Макова } Красный Крест «Народной Воли».
ж) Ант. Гект. Лапицкий }
з) Его жена Люб. Дм. Макаренко }
и) Ник. Петр. Андреев
к) Михалевич Станислав (до авг. 1881 г. в Москве, с авг.—дек. в Петерб., где в дек. арест.).

л) Анат. Петр. Буланов (перешел из «Черного Передела», в Москве жил ноябрь 1881 г.—февр. 1882 г.; 6 февр. арестован, повидимому, по предательству рабочего Степана Белова, бывшего чернопередельца). И. И. Майнов, А. В. Кирхнер и пр.

В Петербурге: кроме Златопольского, Лебедевой Т. И.—Мартынов, Теллалов, Михалевич (см. выше) и др. В Киеве: Петр Васильевич Гортынский; в Одессе: кроме Фигнер и Халтурина (см. выше), А. Спандони, Клименко, М. Ф. и др.

В Саратове: Дмитрий Иванович Новицкий и его жена (бывшие чернопередельцы).

В эти перечисления лиц, работавших в направлении программы «Народной Воли» в городах с весны 1881 г. по весну 1882 г., не вошли члены военных организаций в Петербурге, Кронштадте, Одессе, Херсоне и Николаеве, а также члены Моск. центр. народовольческой группы, местных групп и народовольческих групп рабочих.

IX. Московская почта Исполнительного Комитета «Народной Воли» (апр. 1881—апр. 1882 г.г.). Контора редакции «Московск. ежемесячного иллюстрированного календаря», издававшегося прис. пов. Ал. Ал. Александровым (Б. Лубянка А[6]).

Завед. конторой П. Н. Соколов. Передат. инстанция: Над. Ив. Макова, Настасья Самсоновна Панова, ее экономка. Конечный пункт передачи: В. С. Лебедев.

Шифр Исп. Комитета: «Утан—свафвень—станди—мот.».

2-й адрес: Новоекатерининская больница (для ред. «Дела»)—госпитальная клиника, студ. Серг. Алекс. Александров.

Приезд К. М. Станюковича в Москву в мае 1881 г. Путешествие на Воробьевы горы для устройства свидания с Иваном Григорьевичем Кольцовым (Тихомировым), через посредство С. А. Александрова.

X. Тяжелые потери, понесенные центральной организацией «Народной Воли» за полугодие—декабрь 1880 г.—май 1881 г. Потери эти вызвали перенос центра в Москву и усиленную работу партии по ее укреплению и расширению в последующий Московский период ее деятельности—апрель 1881 г.—апрель 1882 г.

Арестованы: 1. 28 ноября 1880 г. Александр Дмитриевич Михайлов, «Дворник» (внутренний страж организации, ее цензор и консул).

2. 25 января 1881 г. А. Н. Баранников.

3. 26 января 1881 г. Н. Н. Колоткевич.

4. 28 января 1881 г. Н. Клеточников (внешний страж партии—во враждебном стане—охранник).

5. 10 февр. 1881 г. Ник. Ал. Морозов на границе.
6. 27 февр. 1881 г. Мих. Ник. Тригони.
7. 27 февр. 1881 г. Андрей Иванович Желябов (казнен 3 апр.).
8. 2 марта 1881 г. Ник. Алек. Саблин. } на Тележн. ул. ПБ.
9. 2 марта 1881 г. Геся Гельфман }
10. 10 марта Софья Львовна Перовская (казнена 3 апр. 1881 г.).
11. 17 марта 1881 г. Ник. Ив. Кибальчич (казнен 3 апр.).
12. 1 апр. 1881 г. Гр. Исаев.
13. 21 Май 1881 г. Мартын Ланганс... (в Киеве) и 14—А. В. Якимова.
15. 6 мая 1881 г.—Типография «Нородной Воли» в Петербурге на Подольской улице.

II. Программа для собирания сведений в провинции [1].

По поводу печатаемой ниже «программы» для собирания сведений в провинции редакция получила от А. П. Корбы-Прибылевой следующее письмо:

«Кто автор «Программы», я не знаю, но несомненно это—коллективное произведение членов Исполнительного Комитета. Составлена она между началом марта 1881 г. и концом апреля. Первые дни после 1 марта Комитетом обсуждались «Письмо к Александру III» и воззвания к разным слоям населения, а 2 мая была арестована Терентьева, и типография перестала существовать [2].

В мае м-це из членов комитета в Петербурге оставались только двое, Савелий Златопольский и я. Мы пользовались «Программой» в печатном виде и раздавали ее раз'езжавшейся молодежи. Об этом говорится в моих «Воспоминаниях о Желвакове» на стр. 85 моей книги «Народная Воля».

От 10 марта (приблизительно) оставались в Петербурге до мая: Грачевский, Фроленко, Фигнер, Исаев, Суханов, Тихомиров, Сав. Златопольский и я. Первое время после 1 марта в Петербурге находился еще Франжоли, который тогда также был членом Комитета. Это был очень знающий человек и хороший теоретик; хотя он лежал уже почти на смертном одре, он старался быть полезным Комитету своей умственной работой.

Возможно, что «Программа» составлена, если не исключительно им, то при его содействии, в этом можно быть даже уверенным».

Крестьянство: 1) Степень благосостояния крестьян данной местности, довольны ли они своим экономическим положением? Если недовольны, то в чем они видят главную причину своего тяжелого положения? Способы эксплуатации крестьян помещиками и кулаками. В чем, по мнению кр-н, заключается выход из теперешнего положения? 2) Случаи бунтов и др. проявлений народного недовольства? Не было ли в данной местности случаев столкновений между к-нами с одной стороны и землевладельцами и начальством с другой? Если были, то вследствие каких причин они произошли и какими последствиями окончились для кр-н? Как расправлялось начальство в таких случаях? Не было ли случаев совершения кр-нами аграрных преступлений (поджогов, побиения, убийства), как выражения мести притеснителям в поземельных отношениях? Если были, то были ли организованы? Не было ли случаев отказа кр-н от платежа податей и какими доводами они мотивировали свой отказ? Не ходят ли среди кр-н данной местности слухи о переде-

[1] Печатается с копии, сделанной жандармами и засвидетельствованной «корпуса жандармов капитаном Гатардтом».

[2] Людмила Дементьевна Терентьева жила в типографии под видом прислуги. Арестована она была на улице по подозрению шпионов, что это Кобозева-Якимова. Якимова в то время сидела уже арестованная в Киеве, но личность ее не была еще установлена (прим. А. В. Якимовой).

лах земли или о сложении податей и недоимок? Памятен ли народу до сих пор Маковский циркуляр? Как, по словам народа, должна перейти к ним земля других сословий: даром, или за выкуп? Вся ли земля должна быть взята у частных собственников, или только часть? Может ли земство, по мнению кр-н, играть как.-ниб. роль при решении земельных вопросов? Положение кр-н в голодающей местности. Отношение кр-н в голодающей местности к скупщикам и торговцам хлеба? Не было ли случаев открытого грабежа запасов хлеба богатых лиц толпами кр-н? При взыскании податей в неурожайной местности не было ли случаев сопротивления кр-н? 4) Крестьянское самоуправление. Давление на него администрации и кулаков. Случаи административного произвола над кр-нами в их самоуправлении. Случаи отстаивания кр-нами самоуправления. Взгляд кр-н на волостное управление и земское. Не требуют ли они изменения в этих 2-х видах самоуправления? 5) Отзывы кр-н о своем гражданском, политическом и общественном строе. Не выражают ли кр-не мнение о необходимости изменить законы, определяющие их социальное и экономическое положение? Незаметно ли в народе сознания необходимости созыва выборных от всех сословий для изменения законов и решения народного вопроса? Отношение народа к последним сенаторским ревизиям. 6) Воззрение народа на царя. Стоит ли царь за народные интересы против дворянства и администрации? Не ведет ли царь в настоящее время борьбы с высшими классами за улучшение положения народа? Что именно хочет даровать народу? Не замечается ли в настоящее время поворота мнения о царе (в отдельных лицах и целых группах)? Каковы результаты социалистической пропаганды в данной местности? Имеет ли народ весь или часть его, понятие о социалистах, работающих для его освобождения? Если народ имеет понятие о социалистах, то в каком виде он представляет себе их стремления и деятельность? Как относится народ к террористическим фактам, совершаемым революционной партией? Кому приписывает он совершение этих фактов и какою целью об'ясняет их? Не заметно ли каких следов косвенного или прямого влияния на народ данной местности фактов, в которых проявлялась и проявляется жизнь партии. 8) Развитие и проявление общественной мысли и инициативы в народе. Общинные воззрения и привычки народа: как они проявляются, насколько они сильны, обнаруживают ли развитие или упадок? Среди кр-н, владеющих землею подворно, не замечается ли стремления перейти к общинному порядку? Характеристические черты и типические особенности обычного права. Если в данной местности распространены религиозные секты, то какие именно и почему они находят почву в народе? Обращать особенное внимание на социальную и экономическую сторону сектантских учений. Какие протестующие типы вообще замечаются в народе? Как они образуются и какие особенности представляют в своих воззрениях сравнительно с массой? Может ли местным кр-им населением быть усвоена социально-революционная газета, специально издаваемая для народа? Какие статьи желательно помещать в подобной газете? На какое количество читателей в данной местности могла бы рассчитывать газета? Наиболее желательный способ доставлять газеты по деревням. Желательно, чтобы сообщались адреса, по которым могут быть доставлены в деревни прокламации и издания.

Общество. 1) Настроение общества по отношению к пр-ву и изменения, какие претерпевает это настроение. 2) Случаи протеста общества против пр-ва, поскольку выразилось это в речах с антипр-ными тенденциями, всеподданнейших адресах, ходатайствах и т. п. 3) Отзывы общества о выдающихся фактах революционного характера. 4) Отношение общества к революционному движению вообще. 5) Замечается ли разница в настроении общества сравнительно с 1879 годом по отношению к революционному движению. Отношение общества к программе партии «Н. В.». 7) Отзывы общества об органе «Н. В.». 8) Представление о силах партии.

Городские рабочие. 1) Завод или фабрика. 2) Общее число рабочих, распределение рабочих на сословия, т.-е число рабочих кр-н, мещан, солдат и др. сословий. Число постоянных рабочих и приходящих временно на заработки. 3) Крестьяне: как давно из деревни и в каких отношениях стоят к ней? 4) Размер платы поштучной, поденной и помесячной. 5) Не рассчитываются ли с рабочими продуктами? 6) Есть ли женщины работницы? 7) Размер платы, получаемой ими. 8) Настроение рабочих, отношение их к хозяевам и к властям вообще. 9) Отношение рабочих к царской власти. 10) Волнения, стачки, и отношение к ним администрации. 11) Исход их; если неудачный, то почему? 12) Развитие или отсутствие духа солидарности в рабочих. 13) Отношение рабочих к политическим событиям последнего времени. 14) Какие толки, разговоры, слухи существуют среди рабочих? 15) Есть ли рабочие с явно выраженными террористическими наклонностями? 16) Существуют ли рабочие неофициальные библиотеки? Кроме некоторых, общих с рабочими, вопросов относительно солдат: 1) Взаимные отношения войска и населения данной местности. 2) Поведение солдат во время усмирений всякого рода волнений.

Молодежь. 1) Вызвано ли брожение отвлеченно научными вопросами, общественными или политическими? 2) Как группируются вопросы, занимающие умы молодежи по учебным заведениям? 3) Отстаивает ли молодежь свои корпоративные права? 4) Настроение и образ действий молодежи: не замечается ли стремления вступить в постоянные связи с партией? 6) Отношение молодежи к программе «Исп. Ком.» 7)—к партии «Н. В.».

Общие вопросы. 1) Сведения об арестах, административных высылках, процессах. Ответы о судебных заседаниях, речи подсудимых. 2) Подробные сведения о подсудимых, известия о ссыльных и заключенных. 3) Биографии и географические сведения о погибших революционных деятелях.

В видах конспирации некоторые сведения должны доставляться или устно, или зашифрованными.

ПО ПОВОДУ СОБЫТИЯ 1 МАРТА 1881 ГОДА.

Крестьянство, городские рабочие, войско: 1) Кого считают виновниками события 1 марта. 2) Степень убежденности, что виновники—баре, студенты и пр. 3) Чего хотели достигнуть они убийством царя? 4) Как отразилось событие 1 марта на настроении духа кр-н данной местности? 5) Не сопровождалось ли приведение к присяге данной местности какими-нибудь особенными обстоятельствами? 6) Ожидания и надежды, вызванные восшествием на престол Александра III. 7) Получились ли в данной местности «об‘явления» за подписью «Ком. Нар. Воли»? 8) Если получились, то были ли прочитаны и вызвали ли ожидавшиеся от них практические последствия: посылку ходоков и с какими полномочиями? 9) Действия администрации при всех этих обстоятельствах.

Общество. 1) Какую цель, по мнению данной местности, имел в виду достигнуть Исп. Ком. путем казни царя? 2) Отношение общества к событию 1 марта и виновникам. 3) Ожидания и надежды, вызванные самым событием и восшествием на престол Ал. III. 4) Насколько было распространено в местном обществе письмо к Александру III и отношение к нему? 5) Отношение общества к репрессивным мерам правительства. 6) Отношение общества к процессу и личностям подсудимых. 7) Впечатление, произведенное казнью.

В виду того, что для ответа на поставленные вопросы имеют большое значение все ходячие слухи, толки и измышления, желательно, чтобы они были возможно точно записаны.

III. Народовольческие организации в Киеве с осени 1880 г. по апрель 1883 г.

(Сообщили: Н. О. Коган-Бернштейн—о периоде до весны 1882 г., Л. С. Залкинд о периоде—по апрель 1883 г.).

С осени 1880 г.—группа партии «Народной Воли» с В. И. Бычковым и Ис. Левинским во главе. Сношения с центром через Сав. Златопольского. После ареста последнего был назначен (в начале 1881 г.) агентом Исполнительного Комитета Гортынский. С этим назначением группа не согласилась и продолжала свою революционную работу самостоятельно. Вокруг Гортынского вскоре сгруппировался отдельный кружок. Таким образом в Киеве до весны 1882 г. были две народовольческие организации—Бычкова-Левинского и Гортынского, между которыми часто бывали трения.

Группа Бычкова-Левинского развила большую революционную работу: 1) Была разбросана сеть школьных кружков по всем учебным заведениям г. Киева (под руководством Александра Бычкова, Кшеминского, впоследствии Калмансона и др.). 2) Среди рабочих вели работу: Ангел Богданович, Урусов, Баранова, Залкинд и др. 3) Евгений Бычков, Тиханович, Баранова и Левинский организовали кружки среди военных. 4) С Киевом связывались другие провинциальные города. Баранова командировалась для связи в Кременчуг, Полтаву, Новгород-Северск и т. д. и 5) была связь с Южно-Русским Рабочим Союзом (через И. Н. Кашинцева с Ел. Н. Ковальской и Щедриным).

К весне 1882 г. обе группы были окончательно разгромлены; уцелело по 2—3 человека из каждой группы.

В Киеве появляется А. Н. Бах (в январе 1882). Через некоторое время приезжают Спандони, Захарин, Никитина. К ним присоединяются оставшиеся на свободе из прежних организаций: Росси, Кшеминский, Комарницкий, Залкинд и др. К осени 1882 г. происходит об'единение прежних двух групп, и образуется одна прочная организация, которая связывается с центром через Спандони. С приездом в Киев после каникул университетской молодежи организация принимает обширные размеры.

С рабочими сохранились связи у Залкинда. Организовывается много новых кружков рабочих, главным образом в мастерских Юго-Зап. ж. д. Близкое участие в пропаганде среди рабочих принимают: Бах, Комарницкий, Залкинд, Забелло и др. Среди военных работали Никитина и Росси, и были серьезные связи. Мощная организация была среди студенчества в университете, а также в Духовной Академии. В последней руководил большим кружком Петр Дашкевич. В октябре 1882 г. Захариным при помощи Лаппо и др. была поставлена типография. Вышли одна за другой прокламации: «К обществу», «К рабочим», «К учащейся молодежи» и «К Украинскому народу». Последняя на украинском языке.

Осенью 1882 г. из Киевской тюрьмы были совершены два побега, наделавшие много шума. 16 августа офицер Тиханович, бывший в этот день начальником тюремного караула, вывел из тюрьмы Вас. Иванова. В начале декабря Влад. Бычков, благодаря своей силе и ловкости, при помощи своего друга Энгеля, перескочил через высокую тюремную стену и благополучно скрылся. Нужно признать, что 1882 год был одним из самых оживленных периодов в революцинном Киеве.

1883 год начался провалами в рабочей среде. В течение весны этого года вся организация подвергалась большим разгромам, а уцелевшие от последних, раз'ехались из Киева.

Именной указатель.

отправлен в отдаленные места Сибири. Партийный псевдоним «Кирилл». — 120, 141, 145.

Антонов, Сергей Николаевич—почтовый чиновник—58.

Антоновский, чиновник финансов, сочув. «Н. В.»—67, 71.

Аппельберги—два брата—студенты, народовольцы сосланы в Енисейскую губ.—161.

Аргунов, Павел Александрович, народник, потом милитарист, автор статьи—5, 87—96.

Аргутинские, князья—братья, члены народовольческой группы в Москве—113.

Арнольд—студент технолог, член кружка «Н. В.»—41.

Архиповы.—161.

Аршаулов, П. П., благоевец, студент—58.

Асмолов—табачн. фабрикант—117.

Аусленден, А. Я., студент-путеец, член кружка «Н. В.»—49.

Б.

Бабаев, студент, член кружка «Н. В.»—82.

Бажина, издательница—41, 51.

Байрашевский.—161.

Бакунин, Михаил Александрович (1824—1876), анархист, имевший мировое значение. Основатель политической школы—101, 162.

Баранников, Александр Иванович (Кошурников) (1858—1883), землеволец. Убийство Мезенцова. Народоволец. Член Исполн. Ком. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости—164.

Баранова—народоволка см. Коган-Бернштейн Н. О.

Бардах. Студент медик, сочув. «Нар. Воле», впоследствии известный врач - бактериолог, живет в Одессе—49.

Бардовский, Петр Васильевич (1847—1886), мировой судья Варшавы, «пролетариатец», член Центр. Комитета, повешен в Варшаве 16 января 1886 г.—61, 137.

Databaseродаевская, Варвара Ивановна, жена Ясевича—141, 148.

Барыбин, студент, член кружка «Н. В.»—82.

Батюшков, Дмитрий—губернатор—149.

Бах, Алексей Николаевич, р. в 1857 г., народоволец (1881—1885) автор брош. «Царь Голод», эмигрант, видный ученый—химик, социалист-революционер, живет в Москве, директор Химического института. Рев. псевдонимы «Кощей», «Семен»—67, 71—73, 111, 113, 114, 120, 168.

Белино-Бржозовский, шпион-провокатор, предал Г. А. Лопатина—77.

Белинский, Виссарион Григорьевич (1810 — 1848), знаменитый критик—162.

Белинский, Максим, литературный псевдоним Ясинского, Иеронима Иеронимовича—100.

Белов—домовладелец—161, 164.

Белов, Степан, рабочий, бывш. чернопеределец—161.

Беневольский—фамилия, под которой в 1881 г. жил в Москве И. В. Калюжный.

Бехер, Зигфрид (1806—1873), богемец, политико-экономист, автор книги «Рабочий вопрос»—119, 125.

Беляевский, Виктор Павлович—студент, революционер—95, 99.

Благоев, Дмитрий Б., студ., болгарин, один из организаторов первого кружка социал-демократов в России, выслан в 1885 г. в Болгарию, где был учителем и директором гимназии, публицист, ортодоксальный марксист, лидер болгарских соц.-демократ., а потом коммунистов. Умер в 1925—58, 59, 75, 80, 82, 112.

Благославов, П. С.,—благоевец—58.

Блан Луи (1811—1882), французский публицист и историк—89, 91.

Богданов, Павел, рабочий столяр, народоволец—53, 77, 84.

Богданович, Ангел Иванович. Род. в 1860 г. Сочувств. «Народной Воле». Писатель, критик. Живет в Ленинграде—168.

Богданович, Юрий Николаевич (1850—1888). Землеволец, народоволец. Член Исполнительного Комитета. Хозяин (Кобозев) сырной лавки на Садовой (1 марта 1881 г.). Арестов. в 1882. Умер в Шлиссельбурге—29, 42, 160—162.

Богораз (Натан), Владимир Германович (Тан), р. в 1865 г., народоволец, потом писатель, ученый, этнограф и профессор в Ленинграде—80, 114, 132—137, 140—142, 146, 148.

В.

Добролюбов, Николай Алексеевич (1836—1861). Знаменитый русский критик—152.

Доброхотов, Дмитрий Николаевич, р. в 1852 г., известный московский адвокат и председ. Совета присяжных повер. в Москве. Умер в Москве после революции.—113, 161.

Добрускина, Генриета Николаевна, р. в 1862 г., курсистка, народоволка, судилась по Лопатинскому процессу, каторгу отбыла на Каре, вышла замуж за А. Ф. Михайлова. Живет в Ростове на-Д.—53, 57, 65, 67—70, 120.

Домбровская (Худодова), Анна Владимировна, член кружка «Н. В.»—38.

Достаков, А., студент, член центральн. кружка союза молодежи «Н. В.»—83.

Дубровин, Евгений Александрович. Род. в 1856 г., студент, потом после ссылки врач, землеволец; в 1877 г. был арестован в Саратове, просидел не долго; студент-медик, чернопеределец; через него С. Г. Нечаев, сидевший в Алексеевском равелине, вошел в сношение с Желябовым и др. народовольцами. В 1882 г. за эти сношения арестован, приговорен к 4 г. каторги, которую отбывал на Каре. После окончил казанский университет—40.

Дубровина (Ватсон) М. П.—161.

Дурново, Петр Николаевич (1845—1915), директор департ. полиц., потом т. министра внутр. д., а перед первой Г. Думой мин. вн. дел—111.

Духовецкий, студ. арестов. по делу «второго 1 марта» в 1887 г.—152.

Дымников, Петр. Из Ростова на-Дону. Кончил реальн. уч. Сочувств. «Народн. Воле»—142.

Е.

Евсеев, Николай, р. в 1857 г., рабочий, народоволец. За убийство шпиона в 1887 г. приговорен к бессрочн. каторге, которую отбывал на Каре. В 1889 г. подал прошение о помиловании.—54.

Ейшин, народоволец, умер в Рост. на-Д. в 1888 г.—129.

Елисеев, фабрикант.—98.

Елпатьевский, Сергей Яковлевич, р. в 1854 г., врач, писатель, близко стоял к револ. партиям и «Н. В.», арестован в 1884 г. Сослан в В. Сибирь, живет в Москве—161.

Елько, Петр Антонович; народоволец, потом предатель—79, 120, 143.

Емельянова, Марья Николаевна. Окончила Бестужевск. курсы, народоволка, после Лопатина в центре организации; арестована в 1885 г., 5 л. В. Сибири; вышла замуж за В. Костюрина. Писала в «Сибирск. Листке» и др. газ. Живет в Тобольске. 72, 78—80.

Ермолаев, студент, народоволец.—76, 78.

Ершов, Константин — народоволец.—99.

Ж.

Жебунев, Владимир Александрович, род. в 1848 г., народник, семидесятник, брат Сергея, по «процессу 193-х» оправдан, отдан под надзор полиции, скрылся; народоволец, работал в Одессе, потом в Москве. Член Испол. Ком. В. 1883 г. сослан на 5 лет в Олекминск—163.

Жебунева, Марья Александровна. Жена Вл. Ал. Род. в 1854 г., училась в Цюрихе. Народница. Привлекалась по делу «193-х», отдана под надзор. Народоволка. Член Исполн. Комитета.—163.

Желябов, Андрей Иванович (1851—1881), революционер в 70-х гг., вождь «Народной Воли», член Исполнит. Комитета; талантливый организатор партии вообще и главный организатор покушения 1 марта. Казнен 3 апреля 1881 г.—23, 47, 51, 165.

Жбановский, офицер, сочувств. «Народной Воле»; арестов. по Лопатинскому делу.—149

З.

Забелло, Николай Михеевич. Р. в 1862 г., студент, арест. в 1884 г., сослан на 5 л. в В. Сибирь-Забайкалье, утонул в Селенге.—168

Заичневский, Петр Григорьевич (1842—1896), революционер-якобинец, автор прокламации «Молодой России», был на каторге в Александр. Заводе, потом ссылался на север и в Сибирь, писал в «Восточн. Обозр». и др., умер в Смоленске.—10.

« Заика ». Революционный псевдоним С. А. Иванова.

Залкинд, Леон Самойлович. Р. в 1861 г. студент, народоволец, арест. в 1883 г., сослан администр. в В. Сибирь (Селенгинск). Живет в Москве.—5,168.

Залкинд, М. М.—см. Брамсон, М. М.

Залкинд, Самуил Маркович, инженер. Член кружка «Н. В.», в 1887 г. арестов. и выслан на 4 г. в В. Сибирь, Олекминск, в 1891 г. перевелся под надзор в Вильно.—86, 87.

Засулич, Вера Ивановна (1851—1919), известная революционерка 70-х гг., была арестована 1 раз в 1869 г. по делу Нечаева, потом принадлежала к бунтарям, стреляла в Трепова Ф. Ф., градоначальника Петербурга, ранила, судом присяжных—оправдана; эмигрировала; после разделения «Земли и Воли» была одним из учредителей «Черного Передела»; вместе с Лавровым заведывала заграничным отделом «Красного Креста» «Н. В.», а затем состояла в партии соц.-демократов, а позднее в Плехановской партии «Единство»; умерла в Ленинграде.—13, 16, 161, 162.

Захарин.—168

Заянчковский, студент Московск. Университета.—26.

Зварковский, А. А., студ.—петровец, народоволец.—161

Зибер, Николай Иванович, (1844—1888) экономист, профессор, умер в Ялте.—86, 90.

Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911), беллетрист-народник, умер в Москве.—57.

Златопольский, Савелий Соломонович (1858—1885). Землеволец. Народоволец. Член Исп. Ком. Арестов. в Москве в 1882 г. по «процессу 17-ти», был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами в Шлиссельбурге, где и умер.—163—165,168.

Зубатов, Сергей. В 80-х гг. принимал участие в революц. движении, арестованный стал выдавать, а с 1889г. помощн. начальника московского охранного отделения, потом начальник и чиновник особ. поручений при Плеве. Создатель «Зубатовщины», имевшей целью отвлечь рабочих от политики; застрелился в 1917 г.—92—94.

И.

«Иван Иванович», см. Попов, Ив.И.

«Иван Иванович», революционный псевдоним в Москве Флерова, Н. М.

Иванов, Василий Григорьевич. Р. в 1859 г., студ., народоволец. Арест. в 1881 г. В 1882 г. освобожден офицером Тихановичем, потом выдан Дегаевым. По «процессу 14» приговорен к бессрочной каторге. Отбывал в Шлиссельбурге, откуда в 1904 г. отправлен в Туркестан.—168.

Иванов, Сергей Андреевич (1859—1927 гг.). «Заика». Один из видных после 1 марта народовольцев (1879-1886), дважды высылался в Сибирь, откуда в 1881 г. бежал. В 1885 г. арестов. и в 1887 судился по процессу «21-го», приговорен к смертной казни, замененной Шлиссельбургом, освобожден в 1905 г.; социалист-революционер; умер в Париже.—43, 44, 58, 60, 61, 63, 72, 79, 120, 136, 147.

Иванов, студент, член Союза молодежи «Н. В.».—83, 85, 86.

Иванов, жандармский ротмистр.—95.

Ивановская, Прасковья Семеновна. Р. в 1853 г. Активный работник в народнич. движении 70-х гг., деятельный член «Н. В.» и Исп. Комит. Арест. в 1882 г. Судилась по процессу «17-ти». Бессрочная каторга, которую отбывала на Каре. Водворенная на поселение, бежала из Читы в Россию; была деятельным членом с.-р., арестов. в 1905 г. по делу боевой организации, освобождена по требованию «Союза Союзов», потом скрывалась. Живет в Полтаве.—161, 164.

Иванюков, Иван Иванович. Р. в 1844. Профессор полит-экономии и статистики, а раньше финансового права. Написал исследование «Падение крепостного права в России». Умер в Москве.—57, 90, 162.

Игнатовы, чернопередельцы.—161.

Иоффе, Овсей Абрамович, студент, член центр. кружка Союза Молодежи «Н. В.»—83.

Исаев, Григорий Прокопьевич (1856—1886), студент, землеволец, народоволец; член Исполн. Комитета. Арестован в 1881 г. По «процессу 20-ти» в 1882 г. приговорен к смертной казни, замененной каторгой в Шлиссельбурге, где и умер.—51, 165.

К.

Казанский, Сергей Павлович, кандидат прав, народоволец, вел музыкальные обзоры в ж. «Русская Мысль», был сослан в Сибирь и по возвращении умер на Кавказе.—112, 113.

Калмансон, Яков Моисеевич. Р. в 1858 г., студент, арестов. в 1883 г., отдан под надзор на 3 г. Уехал за границу, окончил Цюрихский университ., был врачом в Болгарии—168.

Калюжный, Иван Васильевич (1858—1889), народоволец. В 1883 г. присужден к каторге. На Каре после наказания Сигиды покончил самоубийством.—27, 161, 164.

Камарницкий, И. Н., студент народоволец, арестован в 1883 г., сослан на 5 лет в Вост. Сибирь.—42, 52, 60, 168.

Каменский, Егор Семенович. Директор реального училища.—118, 119.

Канчер, М.—по д. «второе 1 марта» 1887 г. к 10 г. каторги.—159.

Караулов, Василий Андреевич (1854-1910). Народоволец, член центра в Петербурге в 1883 г., а в 1884 г. член центральной группы; арестован в 1884 г. и осужден в Киеве («процесс 12-ти») к 4 г. каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге, а поселение в Сибири. Потом кадет. Член Госуд. Думы 3-го созыва. Умер в Петербурге.—41, 43, 46, 58, 60, 61, 63, 70, 72, 79.

Караулов, Николай Андреевич. Старший брат предыдущего, народоволец. Член центра 1883 г., арест. в Псковск. губ., умер в крепости.—41, 43, 45, 46—48, 58, 60, 61, 63, 72, 79.

Караулова, Прасковья Васильевна, урожденная Личкус, жена Вас. Андр., женщина-врач, член об-ва помощи политич. ссыльным и заключенным, народоволка.—41.

Каррик, Ал. Гр.—157.

Карпенко, Андрей, рабочий-токарь, народоволец. Сослан на Сахалин на 10 лет, где и умер. — 122—126, 317, 138, 145.

Катерина Ивановна. Хозяйка квартиры.—103.

Катков, Михаил Никифорович (1818-1887 г.), публицист-реакционер, редактор «Москов. Вед.»—26, 81, 99, 109, 110.

Кашинцев, Александр Николаевич. народоволец, эмигрант, арест. в 1884г. в Одессе нелегальным. 5 лет Вост. Сибири.—120.

Кашинцев, Иван Николаевич, его брат. Деятельн. член Ю. Русск. Рабоч. Союза, народоволец, арестов. в 1881 г. по делу Е. Ковальской и Щедрина, приговорен к 10 г. каторги. В 1888 г. бежал. В 1890 г. арестован в Париже; на его квартире приготовлялись бомбы; после 3-хлетнего тюремного заключения выслан из Франции. Жил в Болгарии—168.

Кащенко, Петр Петрович, студент, потом земский врач, известный психиатр, главн. врач больницы для душевно-больных на Канатчиковой даче. Умер в Москве.—26, 27, 161.

Каялов, Мелкон. Из Нахичевани, студент Горн. Инстит., член группы «Н. В.» в Ростове, эмигрировал в 1885. Воротился в Россию после 1905 г.; умер в 1915 г.—120.

Кванчехадзе.—161.

Кекин, владелец дачи.—154.

Кефлинг, см. Анисимов.—30.

Кибальчич, Николай Иванович (1853—1881), народник, арест. в 1875, по «Большому процессу» приговорен к 1 мес. заключения, народоволец, чл. И. К. Участник 1 марта 1881 г. и по этому делу повешен—165.

Кипиани—учитель, член кружка «Н. В.»—38.

Кирхнер, Александр Валерьянович. В революции с 1875 г. В 1877 г. арестован и освобожден. Народоволец, член рабочей группы. Арестован по делу Майнова приговорен к ссылке в «Вост. Сибирь»—161, 164.

Киселев, литограф.—113.

Клемансо, Ж. Р. в 1841 г. Французский государственный деятель. Во время мировой войны—лидер французских империалистов.—81.

Клеточников, Николай Васильевич (1847 — 1883), народоволец. Страж партии в охранке, где был делопроизводителем с согласия партии. По процессу «20-ти» приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Умер в Алексеевском равелине—164.

Клименко, Михаил Филимонович (1857—1884), народоволец. Арестов. в 1880 г. по Киевскому процессу

Л.

признаны научными авторитетами. Живет в Литве—152, 159.

Лукин, Александр Петрович (литерат. псевдоним «Скромный наблюдатель») беллетрист, публицист, фельетонист, пайщик и постоянный сотрудник газ. «Русские Ведомости», общественный деятель, умер в Москве в 1905 г.—161.

М.

Магат, Абрам Максимович, р. в 1861 г., студент, народоволец, арестован в 1885 г., сослан на 4 г. в В. Сибирь. Учитель, живет в Вильно—81, 82, 83, 84, 85.

Магат, Исаак Максимович, младший брат Абр. Макс., народоволец, арестован в 1885 г., сослан на 4 года в В. Сибирь, участник Якутской трагедии, сослан на поселение. Живет за границей—84.

Магат, Сарра Максимовна, курсистка, народоволка, член Союза Молодежи, арест. в 1885 г. Живет в Киеве—83, 85.

Майнов, Иван Иванович, р. в 1861 г., деятельный член саратовских кружков, дважды привлекался к дознанию и был отдан под надзор. В Москве студент, народоволец, близок к Теллалову. В 1881 г. арестован, судился с Кирхнером и Виноградовым и приговорен к каторге, замененной поселением в Якутской области, откуда пытался бежать, но неудачно. В Якутске занялся изучением крестьянского и инородческого быта, участник Сибиряковской экспедиции, член геогр. Об-ва, сотрудник газет. Живет в Ленинграде. Хранитель этнографического Музея при Академии Наук—161, 164.

Макаревский, Алексей Николаевич. Народоволец, деятельный член Харьковской группы. Арестов. в 1885 г., бежал за границу, вернулся, 1887 г. и выслан на 10 лет в Якутскую область. Живет в Харькове—141, 147.

Макаренко, Л. Д. см. Лапицкая, Л.

Макаров А. Г., метранпаж, сочувствов. «Н. В.»—113.

Макова, Наталья Ивановна, сочув. «Н. В.»—161, 164.

Малаксианова, Н. К. см. Сигиду, Н. К.

Малеванный, Владимир Григорьевич. Народоволец. В 1881 г. бежал из Сибири за границу. Вскоре вернулся. Был членом И. К. Арестован в 1883 г. в Киеве. Сослан на 5 л. в Киренск, оттуда в Якутск. область, умер в томской больнице в 1892 г.—163

Мамонтов, содержатель гостиницы—162.

Мануилов, Петр Никол. Студент народоволец. Член Центр. Ком. Рабоч. Группы. Арестован в 1884 г. и выслан в Сибирь—52, 53, 57, 65—67, 68, 70—72, 74.

Манухин, Александр Григорьевич, капитан Мингрельского полка, народоволец—30, 35, 37.

Манучаров, Иван Львович, народоволец, после первого ареста, приговоренный к 5 г. Сибири, бежал, при вторичном аресте оказал вооруженное сопротивление, судился в Одессе, приговорен к смертной казни, замененной Шлиссельбургом. В 1896 г. перевезен на Сахалин, а потом поселился на Амуре—149.

Маркс, Карл (1818—1883), знаменитый социолог-экономист и революционный деятель, вдохновитель международн. Об-ва рабочих—55, 57, 84—86, 89—91, 105, 110, 119.

Мартынов, см. Пикер.

Мартынов, Сергей Васильевич. Врач—народоволец. Член И. К. Арестован в 1882 г. Выслан на 5 л. в В. Сибирь. По возвращении деятельный член Воронежского земства. В 1904 г. вместе с Бунаковым поднял вопрос в земстве о конституции. Выслан в Архангельскую губ. Умер в Крыму—160, 163, 164.

Мачаварьяни, делопроизводитель полицейского управления, член кружка «Н. В.»—38.

Мезенцов, Николай Владимирович (1827—1878), шеф жандармов, убит в 1878 г. Кравчинским, С. М.—16, 69.

Меленчук, Виктор Сильверстович (лесничий), сочув. «Нар. Воле»—32, 35, 37.

Мельшин, Л. (псевдоним П. Ф. Якубовича).

Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907). Знаменитый химик.—157.

Мендельсон, Станислав, («Мендель»), сын банкира, пролетариатец. Один

Н.

Р.

в присутствии царя, убит охранником Багровым—14.

Суворов, рабочий, ссыльный—136.

Судакова, курсистка, сочув. «Нар. Воле»—49.

Судейкин, Георгий Порфирьевич, инспектор секретной полиции, организатор провокации. 16 декабря 1883 г. убит на квартире Дегаева-Яблонского Конашевичем и Стародворским—36, 39, 43, 45—48, 50, 52, 54, 61, 63—67, 79, 106.

Суровцев, Дмитрий Яковлевич, землеволец, народоволец, арестован в Одессе в 1882 г. Судился по «процессу 14-ти», приговорен к каторге, умер в Шлиссельбурге—161, 164.

Сухомлин, Василий Иванович, р. в 1860 г., народоволец, член Распорядительной Комиссии, судился «по процессу 21», приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Отбывал на Каре, член партии с.-р., живет в Петербурге—7, 24, 40, 67, 68, 72, 73, 102, 120.

Суханов, Николай Евгеньевич (1853—1882), офицер-моряк, организатор и деятельный член военной организации, ее представитель в Исполн. Комитете, участник 1 марта 1881 г., арестован в 1881 г. по «процессу 20-ти» приговорен, к смертной казни и расстрелян в Кронштадте—165.

Сысойка—один из «подлиповцев», см. повесть Решетникова, Федора Михайловича—13.

Т.

Талышханов, офицер Мингрельского полка, член военного кружка «Н. В.»—38.

Теллалов, Петр Абрамович (1883—85), землеволец, народоволец, член Исполн. Комитета, арестован в 1881 г. Судился «по процессу 17-ти», приговорен к бессрочной каторге, отбывал в Шлиссельбурге, где и умер—27, 161—164.

Терентьева, Людмила Дементьевна (1862—83), народоволка, арест. в 1881 г. судилась по «процессу 20-ти», получила 20 л. каторги, умерла в Петропавловской крепости при загадочных обстоятельствах—165.

Терешенков, Николай Михайлович, служащий у нотариуса, сочувств. «Н. В.»—102.

Терешенков, Сергей Михайлович, член Москов. группы «Н. В.»—сослан на 5 л. в Сибирь, за попытку бежать в 1889 г., переведен в Вилюйск—97, 98, 102, 109.

Терешкович, Константин Миронович, род. в 1868 г., народоволец, ар. в 1887 г. Участник Якутской трагедии в 1889 г., приговорен к 10 г. каторги, отбывал а Вилюйске, Акатуе и Г. Зерентуе. Был в эмиграции, живет в Москве—5, 8, 94.

Терешкович, Иосиф Миронович, р. в 1864 г., студент, ветеринарный врач, революционер, народоволец, арестован при катковской демонстрации, выслан на родину. Живет в Москве—110.

Теселкин, М. М., благоевец—58.

Тиличеев, Юрий Дмитриевич, студент-филолог, народоволец, потом ректор Харьковск. университета. Умер в 1915 г.—132—135.

Тит—рабочий, народоволец—143.

Тиханович, Александр Пахомович, офицер, народоволец, вывел из тюрьмы В. Г. Иванова. Выдан Дегаевым в 1883 г.; по «процессу 14» приговорен к каторге, которую отбывал в Шлиссельбурге, где и умер.—168.

Тихомиров, И. И. студент, пропагандист среди рабочих—110.

Тихомиров, Лев Александрович (1852—1922), народоволец, член Исполнит. Комитета, эмигрант, главная литературная сила партии «Нар. Воля», а потом ренегат-реакционер, был помилован; редактор «Московских Ведомостей». Умер в Сергиевском посаде,—61, 63, 66, 71—73, 97, 114, 161, 163—165.

Тихонравов, Николай Саввич (1832—93), известный историк русской литературы, профессор, ректор Московского университета—162.

Ткачев, Петр Никитич (1844—85), писатель, революционер - якобинец. Не раз арестовывался, эмигрировал, оставил глубокий след в русской заграничной литературе. Редактор «Набата». Умер в Париже, заболев психически еще в 1883 г.—10.

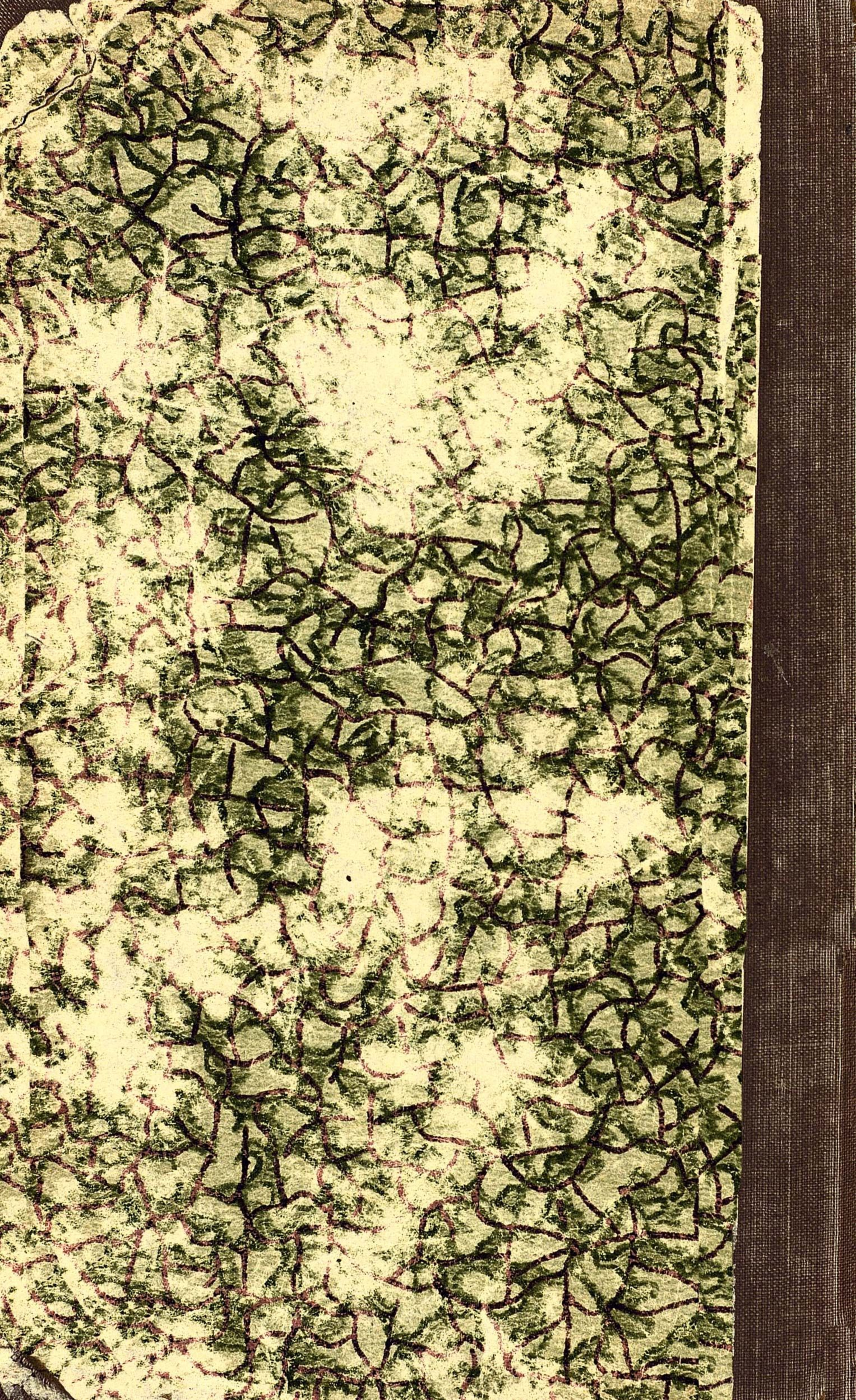
Толстой, Дмитрий Андреев. (1823—89), государственный деятель-реакционер. Обер-прокурор Синода, министр народного просвещения, заложивший классицизм в ср. школе, министр внутренних дел, творец ин-

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.